

пролетарии всех стран, соединяйтесь!

За социалистическую законность

**ОРГАН
ПРОКУРАТУРЫ СССР**

НОЯБРЬ

11

1934

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО**

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Парадосил—Великая годовщина	1
А. Вышинский—Переизборы советов и выдачи прокуратуры	3
А. Вышинский—Реформа уголовно-процессуального законодательства	13
Я. Берман—О переизбрании УК	13
Р. Орлов, Л. Чернов—Год закона 8 декабря	15
С. Березовская—Как идет работа по борьбе с обманыванием и обвешиванием потребителя	19
В. И. Коблиц и С. Зариновский—Лучше руководить следствием	21
Я. Берман—Нельзя терпеть подобной работы	23
О. А. Голумоний—О методике судебной экспертизы	25
А. Горциевский—Учет и статистика органов прокуратуры в решениях I Всесоюзного совещания на уголовной статистике	27
Б. Утемовский—Международный тюремный конгресс 1935 года	31
Вл. Чернов—Понять о безграмотности	34
Судебно-надежные практики прокуратуры СССР	36
По Союзным республикам	39
Официальный отдел	48

За социалистическую законность

ОРГАН
ПРОКУРАТУРЫ СССР

НОЯБРЬ, 11
1934 г.

Редакция:

Москва, Б. Дмитровка, д. 15

Рукописи не возвращаются

ВЕЛИКАЯ ГОДОВЩИНА

За 17 лет существования СССР пройден исключительный по своему значению путь. Разрушен в СССР до основания старый капиталистический строй, разгромлены и рассеяны в прах старые эксплуататорские классы, ликвидировано как класс кулачество.

Вся страна во главе с рабочим классом, руководимым нашей родной коммунистической партией, нашим ЦК, нашим Сталиным, упорно и не покладая рук работает над построением нового, бесклассового социалистического общества.

Вторая пятилетка, опирающаяся на блестящие успехи первой пятилетки, поставила перед СССР именно эту задачу, сопряженную с задачей окончательного уничтожения не только последних остатков капиталистических классов, но и классов вообще, с задачей искоренения в экономике и сознании людей пережитков капитализма, с задачей превращения всех трудящихся нашей великой родины в активных и сознательных строителей бесклассового социалистического общества.

17 лет назад Октябрьская революция победила как революция социалистическая, как революция рабочего класса, объявившего беспощадную и непримиримую борьбу частной собственности, эксплуатации, капиталистическому строю.

17 лет назад были повержены наземь основные принципы капиталистического общества — частная собственность и эксплуатация.

17 лет назад был провозглашен, и с каждым последующим годом полнее и шире осуществлялся и продолжает осуществляться, принцип общественной социалистической собственности основы нового социалистического строя.

Октябрьская революция развязала величайшие силы творчества и энергии широких трудящихся масс, открыла неисчерпаемый родник революционной энергии и энтузиазма, переплавленных, под мудрейшим руководством нашей партии и ее учителей — Ленина и Сталина — в несокрушимый металл борьбы и побед пролетариата.

Октябрьская революция зажгла великие надежды в сердцах и душах десятков и сотен миллионов трудящихся всех стран, вдохновив их на новые и великие подвиги в борьбе за свое социальное освобождение.

10 лет назад в борьбе против контрреволюционного троцкизма т. Сталин писал о мировом значении Октябрьской революции. Он говорил: «Мировое значение Октябрьской революции состоит не только в том, что она является вели-

ким почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания».

Эти слова полностью оправдались. На великой базе Октябрьской революции с каждым годом все крепче зреет «идея штурма» в сознании широчайших масс капиталистических стран.

Венские бои, испанская революция, победоносная борьба китайских рабочих, крестьян против палачей японского и международного империализма, героическая борьба загнанной в подполье братской коммунистической партии и несокрушимой армии германского пролетариата, все большие и большие успехи коммунизма в таких капиталистических странах, как США, Англия, Франция и т. д., — вот путь развертывания пролетарской мировой революции.

Успехи СССР, каждый шаг этих успехов воодушевляет новым мужеством и героизмом наших братьев по классу в зарубежных странах, организуя их волю и сознание на борьбу за дело коммунизма. Эти успехи громадны.

Еще в своей статье «Главная задача наших дней», подводя итоги первого полугодия советской власти т. Ленин писал:

«Мы в несколько дней разрушили одну из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий. Мы в несколько месяцев прошли ряд этапов соглашения с буржуазией, изживая мелкобуржуазные иллюзии, на что другие страны тратили десятилетия. Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны. Мы подняли к свободе и к самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс. Мы ввели и упрочили Советскую республику, новый тип государства, неизмеримо более высоких и демократический, чем лучшие из буржуазно-парламентарных республик. Мы установили диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начали широко задуманную систему социалистических преобразований. Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран. Мы бросили повсюду клич международной рабочей революции.

Мы бросили вызов империалистическим хищникам всех стран».

Подводя итоги 17 лет своей борьбы, мы видим, как блестяще оправдались указания Владимира Ильича.

На основе уже достигнутых успехов, опираясь на прочный фундамент социалистической экономики, в основе которой лежит наша священная и неприкосновенная социалистическая собственность, СССР уверенно идет вперед, бесстрашно готовый встретить любое препятствие на пути своего дальнейшего развития, готовый со всей мощью и решительностью преодолеть все неизбежные на этом пути исторические трудности. А этих трудностей еще немало.

Классовый враг, несмотря на свой полный разгром и predetermined самим историческим ходом событий гибель, не сдаётся и не обнаруживает желания мирно и тихо сойти с исторической сцены. Наоборот, он обнаруживает величайшее упорство в борьбе против советской власти, против социализма, против социалистического строительства.

Работники советской юстиции на живых примерах своей практической деятельности прекрасно знают, что представляет собой в настоящее время сопротивление классового врага, как он бесно борется за свои утраченные привилегии, как он искусно маневрирует, как он умело маскирует свою борьбу, изобретая каждый день новые и новые средства своего сопротивления.

Работники юстиции знают, как быстро меняется тактика нашего классового врага, пользующегося, в новых условиях, созданных окончательной победой социализма во всех сферах нашей жизни, отсталостью сознания части трудящихся.

Борясь за укрепление пролетарской диктатуры, за усиление мощи пролетарского государства, органы юстиции должны иметь в виду именно это обстоятельство, направляя свое внимание на задачи укрепления социалистического правосознания, на укрепление социалистической законности.

Эти задачи наша партия и правительство поставили перед нами во весь рост, для решения этих задач созданы все необходимые предпосылки. Органы юстиции как никогда окружены заботой и вниманием со стороны партии, как никогда пользуются ее могучей поддержкой. Перед органами юстиции поставлена задача коренного улучшения их работы, коренного изменения самых способов и методов их деятельности.

Одним из больных мест в работе органов юстиции до сих пор является недостаточное овладение техникой процесса, неумение правильно, последовательно, в точном соответствии с принципами нашего партийного и всего социалистического строительства применять советский закон, использовать все громадные возможности, представляемые этим законом для сокрушительного разгрома всех попыток классового врага и его агентуры вредить советской власти при помощи различного рода преступлений.

Советский закон является могучим орудием в руках рабочего класса для борьбы с преступлениями и вылазками враждебных нам элементов, советский закон является мощным средством подавления всякой преступной деятельности, мощным средством воспитания людей к новой, социалистической дисциплине.

Требование партии — поднять значение советского закона на высоту присущего ему политического значения, направляя предоставляемые законом средства борьбы на разрешение основных задач нашей эпохи, налагает на органы юстиции величайшие обязанности.

Ни прокуратура, ни суд не могут в настоящее время говорить о недостаточности своих полномочий в борьбе за торжество революционной законности. Этим полномочий достаточно. Прав у суда и прокуратуры достаточно, нужно уметь этими правами пользоваться, нужно понять и усвоить значение и смысл лежащих на органах суда и прокуратуры обязанностей.

Мы должны, однако, констатировать, что именно понимания значения этих обязанностей у очень многих работников нашей юстиции все еще не хватает.

Несмотря на такие директивы партии и правительства, как инструкция 8 мая, как постановление 16 июля и ряд других директив в сознание не малого количества работников юстиции еще до сих пор не проникло понимание всего подлинного смысла предъявляемых к нам новых требований. Сами органы юстиции до сих пор еще страдают недооценкой роли советского закона, недопониманием всей важности точного и последовательного проведения в жизнь советских законов и в частности и в первую очередь таких, которые регулируют деятельность самих органов юстиции.

Еще до сих пор встречаются случаи, когда грубое нарушение, например, процессуальных законов отдельными товарищами прикрывается ссылкой на правильность решения по существу. Еще надых только в Союзной прокуратуре был случай, когда по делу линейного суда, вынесшего приговор к принудительным работам без указания срока, а затем установившего эти сроки в распорядительном заседании, прокуратура отказалась приносить протест, ссылаясь на то, что наказание осужденному распорядительным заседанием было назначено правильно.

Такой точки зрения в данном случае держалась Транспортная коллегия Верховного суда и давший заключение по данному делу один из прокуроров Прокуратуры Союза.

Нечего и говорить, что все эти товарищи обнаружили полнейшее непонимание одного из важнейших требований нашего процесса, говорящего о непосредственности и единстве судебной инстанции, рассматривающей дело, и определяющей меру наказания.

Нельзя допускать такой практики, при которой суд, решающий судьбу трудящегося, забывает такую «мелочь», как определение меры наказания. Нельзя терпеть такого порядка, при котором эта мера наказания устанавливается распорядительным заседанием, два члена которого не знают дела, не видели обвиняемого и вообще не принимали никакого участия в рассмотрении данного дела по существу! Нельзя терпеть такого порядка, когда проверяющие инстанции — и суд и прокуратура — не реагируют должным образом на подобного рода извращения процесса, прикрываясь тем, что «решение по существу правильно».

Это, однако, только один из примеров еще продолжающегося нигилизма в нашей судебной практике по отношению к советскому закону. Никогда органам суда и прокуратуры не удастся справиться со своими задачами по укреплению среди трудящихся социалистического правосознания, никогда им не справиться с задачей ук-

Перевыборы советов и задачи прокуратуры

Выборы в советы 1934—1935 г. будут проходить в условиях, глубоко отличных от условий предшествующих лет. Выборы в советы этого года будут проходить в условиях окончательной победы в СССР социализма, ставшего «безраздельно господствующей и единственно командующей силой во всем народном хозяйстве» (Сталин). Благодаря этой великой победе в СССР социализма решительно изменился весь облик нашей родины, превратившейся в могучую страну, опирающуюся на передовую социалистическую промышленность, построенную по последнему слову мировой техники и науки, покрывшуюся колоссальной сетью десятков и сотен тысяч колхозов, МТС и совхозов, сооздавшую новую советскую социалистическую культуру.

Более 90 млн. трудящихся примут участие в выборах советов — на 10 млн. больше, чем в прежние избирательные кампании. Эти 10-миллионные новые молодые массы избирателей, новые боевые кадры нашей молодежи, впервые участвующие в выборах, впервые осуществляющие свой гражданский долг перед великой пролетарской родиной.

В этих выборах к избирательным собраниям придут десятки миллионов колхозников — новых строителей социалистического общества, ставших на место ушедших в вечность одиночников—мелких собственников. В этих выборах примут участие новые многочисленные кадры советской интеллигенции, воспитанные советской землей и связанные с пролетарской революцией тысячами нитей...

Великим социалистическим праздником разветвляется выборная кампания этого года, превращаясь в грандиозную демонстрацию исторических побед и невиданных успехов социализма, строящегося в нашей стране под руководством нашей партии во главе с нашим великим Сталиным...

«Перевыборы 1934—35 г. советов, читаем мы

репления революционной законности, если они сами не укрепят свое собственное сознание в этом направлении, не поймут всей важности быть образцом правильного понимания и правильного применения на живой практике требований нашей социалистической законности. В этом заключается важнейшая наша задача.

Эта задача не так легка и проста, как может казаться, несмотря на то, что она формулируется чрезвычайно просто и элементарно: она требует упорной учебы — учебы не по книжкам и не отвлеченно, а на самой практике нашего строительства, опирающегося на могучую силу теории Маркса—Ленина—Сталина.

Еще в начале революции Ленин писал: «Твердо и настойчиво учась, проверяя практическим опытом каждый свой шаг, не боясь переделывать начатое неоднократно, исправлять свои ошибки, внимательно вникая в их значение, мы перейдем и в следующие классы. Мы пройдем весь «курс», хотя обстоятельства мировой экономики и мировой политики сделали его гораздо более долгим и более трудным, чем нам того хотелось. Во что бы то ни стало, как бы тяжело ни были мучения переходного времени, бед-

в обращении Центрального исполнительного комитета Союза ССР, — будут проходить под лозунгом борьбы за успешное выполнение во второй пятилетке программы построения бесклассового, социалистического общества, ликвидации капиталистических элементов и классов вообще».

Это накладывает особый отпечаток на всю избирательную кампанию. Задачи второй пятилетки так велики и грандиозны не только по масштабам, но и по исторической глубине работы, необходимой для их решения, что можно утверждать о невиданности и беспремерности и этих исторических обязательств, взятых на себя пролетариатом и нашей великой коммунистической партией...

Перед величием этих задач, блестяще разрешенных уже в известной части нашей родиной и блестяще решаемых каждый день, несмотря на бешеное сопротивление наших врагов, умоляют голоса даже самых закоренелых клеветников и хулителей социализма... Буржуазный мир не смеет отрицать наших побед, не смеет отрицать их всемирно-исторического значения.

И действительно победы социализма в нашей стране исключительны. Эти победы обеспечили СССР признание в международных отношениях, прочное место в борьбе за мир, признанию гегемонии лучших сил человечества в борьбе против организаторов и поджигателей войны. СССР завоевал себе непререкаемый авторитет со стороны всех лучших представителей буржуазной культуры. СССР стяжал к себе горячую любовь и сыновнюю преданность трудящихся всего мира. СССР превратился в несокрушимую скалу международного коммунистического движения, в опору и крепость международной пролетарской солидарности и борьбы за освобождение труда от власти и ига эксплуататоров.

СССР вступил в период социализма, расцветающего на необъятных пространствах одной шестой мира героическим энтузиазмом, совер-

ствия, голод, разруха, мы духом не упадем и свое дело доведем до победного конца».

С тех пор прошло много времени, слова Владимира Ильича Ленина оправдались полностью. Мы справились «с мучениями переходного времени». Мы уверенно идем к нашей окончательной победе, мы строим подлинное социалистическое общество, помня и руководствуясь указаниями тов. Сталина о том, что «социализм может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни трудящихся, на базе бурного роста культуры».

Революционная законность и органы ее охраняющие и проводящие в жизнь призваны служить этой великой цели, служить этим великим задачам.

Под углом зрения этих задач нужно завершить перестройку работы органов юстиции, начавший новый 18-й год пролетарской революции полностью готовыми по-большевистски выполнить приказ нашей партии, приказ нашего великого вождя тов. Сталина.

шенно баснословными завоеваниями новой человеческой культуры, невиданными творческими подвигами...

Расцвет социализма явился прямым результатом правильной политики и мудрого руководства нашей партии, прямым результатом громадного роста политической активности и нового коммунистического отношения к труду и своему долгу широчайших масс рабочих, колхозников, трудящейся интеллигенции.

Но победы социализма не могут и не должны притуплять остроты классовой политической бдительности. Классовый враг не сложил своего оружия. Вредительство и саботаж, воровство и всевозможные «воровские махинации» попрежнему остаются в его руках опасным оружием против социализма, против дела рабочего класса. Умело маскируя свои враждебные советскому строительству маневры, используя предрассудки и мелкобуржуазные пережитки наиболее отсталых слоев трудящихся, классовый враг и его агенты пытаются оказать жестокое сопротивление каждому нашему шагу вперед, каждому нашему усилию покончить со старым миром, со всеми его отвратительными остатками.

Враждебные нам силы действуют не только за пределами нашей страны, но еще и внутри СССР единым фронтом капиталистической контрреволюции.

Вот почему так остро стоит сейчас перед нами задача дальнейшего укрепления пролетарской диктатуры, одним из могучих орудий которой являются наши советы.

Мощь и значение наших советов заключается в том, что они являются «наиболее всеобъемлющими массовыми организациями пролетариата», «единственными массовыми организациями, которые обнимают всех угнетенных и эксплуатируемых рабочих и крестьян, солдат и матросов, и где политическое руководство борьбой масс со стороны авангарда масс, со стороны пролетариата может быть осуществлено в виду этого наиболее легко и полно» (Сталин).

«Сила советов, — говорит т. Сталин в «Вопросах ленинизма», — состоит в том, что «советы являются непосредственными организациями самих масс, то есть наиболее демократическими и, значит, наиболее авторитетными организациями масс, максимально облегчающими им участие в устройстве нового государства и в управлении им и максимально развязывающими революционную энергию, инициативу, творческие способности масс в борьбе за разрушение старого уклада, в борьбе за новый пролетарский уклад» (Сталин).

Вся история советской власти служит блестящим подтверждением этих замечательных слов вождя и учителя нашей партии и всего мирового пролетариата.

В настоящее время, в нынешних условиях развернутого социалистического строительства эта роль и значение советов вырастают до колоссальных размеров.

Будучи новой формой государственной организации, явившись новым, советским типом государства, принципиально отличным от буржуазных государств, советская власть в силу своих особенностей обеспечила победоносное развитие в нашей стране дела пролетарской революции.

«Советская власть, — писал Ленин еще в 1918 г., — есть новый тип государства, без бюрократии, без полиции, без постоянной армии, с заменой буржуазного демократизма новой де-

мократией — демократией, которая выдвигает в авангард трудящиеся массы, делая из них и законодателей, и исполнителей, и военную охрану, создавая аппарат, который может перевоспитать самые массы» (XXII, 353).

Советы как организационная форма советской власти играют таким образом исключительную роль в деле всего советского государственного строительства.

Укрепление советов — укрепление советской власти, пролетарской диктатуры, развития пролетарской демократии, максимального участия трудящихся в управлении государством.

Долг каждого трудящегося Страны советов принять энергичное участие в перевыборной кампании, помогая формированию новых советов всеми своими силами, обеспечивая новым советам полную и решительную поддержку в их дальнейшей борьбе за разрешение задач второй пятилетки, за окончательную победу в нашей стране социализма.

На органах прокуратуры в отношении выборной кампании лежат однако еще и дополнительные обязанности. Каждый прокурор и все работники прокуратуры в этой кампании должны выполнить не только свой общегражданский долг. Они должны в наибольшей степени включиться в эту кампанию именно как органы советской прокуратуры.

Величайшая политическая бдительность, обеспечивающая возможность своевременно вскрыть и разоблачить происки классового врага, вывести на чистую воду все его тайные козни, сорвать с его лица искусно наложенную маску, воспитать в непримиримой ненависти и решимости борьбы против него до конца каждого трудящегося — вот ответственная задача, лежащая сейчас на органах прокуратуры как органах пролетарской диктатуры.

Эта задача в период перевыборной кампании ложится на органы прокуратуры в еще большей мере, ибо в этот период с особенной силой и остротой неизбежно будут обнажены классовые противоречия, ибо в этот период остатки разгромленных эксплуататорских классов неизбежно будут пытаться показать свои когти, помешать и повредить ходу перевыборов, использовать перевыборную кампанию, чтобы попробовать пролезть в советы, окопаться в них, начать здесь свою подрывную работу.

На XVII съезде партии т. Сталин указывал на недопустимость какого-либо успокоения на достигнутых успехах. Великий вожь предупреждал против опасности «головокружения» от новых успехов, подчеркивая, что «кое-кто из наших товарищей, опьянев от успехов, зазнается вконец и начнет убаюкивать себя хвастливыми песнями»...

Впереди еще немало трудностей и немало опасностей, которые классовый враг готовит нам, которые он будет стараться изо всех сил использовать против нас.

Кто же как не органы прокуратуры, являющиеся боевыми органами пролетарского государства, поставленными им на страже революционной законности, обязаны предупредить эти опасности, устранить эти трудности? В предстоящую избирательную кампанию органы прокуратуры обязаны развернуть максимально свою работу именно в этом направлении. Они обязаны помочь избирательным комиссиям в точном и последовательном проведении в жизнь инструкции правительства по перевыборам.

Нужно внимательно следить за тем, чтобы ни один человек из «бывших людей» не проник в советы. Нужно, с другой стороны, следить за тем, чтобы ни один трудящийся не был неправильно лишен права участия в выборах или права быть избранным в советы.

Составление избирательных списков — громадное и в высокой степени ответственное дело. Прокуратура не может и не должна стоять от этого дела в стороне.

Инструкция по выборам в советы устанавливает не только категории граждан, имеющих право участия в выборах и лишенных этого права, но и порядок, и сроки принесения гражданами жалоб на неправильное лишение их избирательных прав. Инструкция устанавливает одновременно и обязанности избирательных комиссий, и сроки, и порядок рассмотрения ими этих жалоб.

Прокуратура должна помнить, что на ее обязанности лежит быстро и во-время оказать гражданам, приносящим свои жалобы, необходимую помощь. Прокуратура должна обеспечить быстрое и тщательное рассмотрение этих жалоб, устраняя всякую волокиту и односторонность в их рассмотрении, стойко и решительно борясь со всякими злоупотреблениями в этой области, используя в этой борьбе все свои права в интересах обеспечения правильного хода кампании, в интересах защиты прав трудящихся.

Органы прокуратуры вместе с тем обязаны не на словах, а на деле обеспечить решительный удар по всем тем, кто попытался бы воспрепятствовать трудящимся осуществлять свои избирательные права. Инструкция о пере выборах в советы и на съезды советов РСФСР прямо указывает на обязательность привлечения таких лиц к уголовной ответственности (ст. 37 Инструкции).

Мы знаем, что такого рода попытки будут несомненно иметь место в предстоящей кампании. В частности это будет иметь место в отношении домашних работников, в отношении работающих по найму в различных кустарных и тому подобных предприятиях.

На эту сторону дела необходимо органам прокуратуры также обратить свое внимание. Но нельзя думать, что участие органов прокуратуры в пере выборной работе может ограничиться лишь теми мероприятиями, которые непосредственно связаны с избирательной кампанией.

Выборы 1934—1935 г. — не только выборы. Это, как мы уже сказали выше, подлинный смотр сил великой армии строителей социалистического общества. Таким смотром выборы должны явиться и для органов юстиции, для органов прокуратуры.

В настоящее время особенно возросла роль революционной законности как одного из могущественных рычагов социалистического строительства. Свое основное внимание революционная законность в настоящее время направляет на охрану общественной социалистической собственности, основу всего советского строя. Какие же задачи стоят перед органами советской юстиции в этой области? Какими методами и способами они должны действовать, чтобы разрешить эти задачи в соответствии с требованиями партии и правительства?

Основная и важнейшая из этих задач состоит в умении правильно и безошибочно направить свое оружие против подлинных наших врагов, умело и решительно нанести удар по тем, кто организует борьбу против нашей священной об-

щественной собственности, против всего советского строительства. Эта задача чрезвычайно трудна. Здесь мало, как об этом говорил в свое время еще Ленин, одной решительности; здесь нужно громадное искусство, высокая техника дела расследования и преследования преступников. Поднять качество своей расследовательской работы на высоту, соответствующую новым требованиям, — вот задача, решение которой предопределяет весь характер и весь смысл прокурорской и судебной работы. В решении этой задачи решающее место принадлежит: а) знанию законов, юридической грамотности прокурорских работников, б) умению применять законы на практике в соответствии с принципами социалистического строительства и судебной советской политики — политической грамотности этих работников, в) знанию и владению методами и техникой следственного, прокурорского и судебного дела — их технической (в широком смысле этого слова) грамотности, г) умению держать тесную связь с широкими рабочими и колхозными массами, опираться на их помощь, пользоваться их активной поддержкой.

Громадное значение в борьбе за качество своей работы имеет учет собственного опыта и самоконтроль.

«Нужно, — говорит Ленин, — подытоживать опыт относительно того, как вы ловили и сколько вы провели судебных процессов, какой вы получили результат»...

Известны указания т. Сталина о важности овладения методологией и техникой своего дела.

Вот где ключ к решению задач, связанных с борьбой за качество работы органов прокуратуры.

Но этого мало. Прокуратура представляет собой такой своеобразный орган, который, как мифический Антей, приобретает силу от соприкосновения с землей — с широкими массами рабочих и колхозников. Прокуратура должна уметь предвидеть опасность направляемых против советского правопорядка преступлений и уметь их предотвращать. Так называемая профилактическая работа органов советской юстиции и в частности прокуратуры имеет колоссальное значение. Не только и не столько преследование преступников, уже совершивших свое злое дело, сколько предотвращение преступлений, предохранение общества от преступных покушений на его блага, на блага пролетарского государства и всех трудящихся — вот важнейшая задача советских органов юстиции.

С этой задачей справиться можно лишь при прочной опоре на советскую общественность. Отсюда то значение работы секций ревзаконности советов, которое обязывает органы прокуратуры особенно внимательно относиться к этой могучей силе охраны законности пролетарского государства.

Прокуратура должна упорно и систематически работать со своими секциями, — да, со своими, ибо эти секции — основные звенья во всей системе прокурорской работы, — постоянно заботясь о повышении их уровня юридического образования, постоянно черпая из их рядов своих помощников, своих социалистических заместителей.

Секции ревзаконности советов являются огромным резервом для органов юстиции. Это наиболее мощный отряд советской общественности, принимающей активное участие в борьбе

за охрану советского правопорядка, за охрану социалистической законности. Тысячами нитей связывают эти органы юстиции с миллионами передовиков социалистических фабрик, заводов, совхозов, МТС, колхозов, транспорта.

Секции ревзаконности должны явиться основными рычагами борьбы за социалистическое правосознание, за искоренение в сознании трудящихся последних остатков капиталистической, мелкобуржуазной психологии. На органах юстиции и, в частности, прокуратуры лежит сейчас громадная обязанность по перековке людей, по перевоспитанию тех из числа трудящихся, кто одержим еще предрассудками старого капиталистического общества, кто под влиянием этих пережитков соскальзывает нередко на путь преступлений против советского строя и социалистического строительства.

Эта обязанность очень ответственна. Исполнить эту обязанность нельзя канцелярско-бюрократическими методами, оставаясь оторванными от активного содействия самих масс, их лучших, передовых представителей.

Задача переделки психологии людей — это задача создания новой коммунистической нравственности, новой коммунистической морали.

«Коммунистическая нравственность», — говорил Ленин на III Всероссийском съезде РКСМ, — это та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся против всякой эксплуатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества... Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие, либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, — словом, человек, который забо-

тится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет»... (XXV, 393).

Борьба против такой психологии — это важнейшая задача особенно в настоящее время, когда классовый враг ставит свою ставку чаще всего именно на старые представления, привычки, взгляды и традиции в сознании людей, используемых для антисоветской борьбы, анти-советских целях.

На XVII съезде партии т. Сталин говорил о том, что мы еще не преодолели всех пережитков капитализма в экономике и тем более в сознании людей.

«Нельзя этого сказать, — говорит т. Сталин, — не только потому, что сознание людей в его развитии отстает от их экономического положения, но и потому, что все еще существует капиталистическое окружение, которое старается оживлять и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей и против которого мы большевики должны все время держать порох сухим»...

Борьба за социалистическое правосознание, за твердую уверенность в неизбежности советских законов, как и всего советского строя, опирающегося на общественную социалистическую собственность, за дальнейшее укрепление пролетарской диктатуры, за новое коммунистическое отношение к труду, к обществу, к своим обязанностям перед своим пролетарским отечеством, — вот громадный круг задач, поставленных сейчас нашей великой страной, партией и правительством, перед органами советской юстиции, перед каждым трудящимся, участвующим в великой стройке нового социалистического общества.

Выборы советов — смотр нашей готовности и нашей способности по-боевому решать эти задачи. Под этим углом зрения должна быть построена в эту перевыборную кампанию борьба за революционную законность — за социалистическую законность Страны советов...

Реформа уголовно-процессуального законодательства¹

Нынешняя реформа уголовно-процессуального кодекса этого года имеет чрезвычайно большое общественно-политическое значение. Говоря об этой реформе, правильно было бы отметить, что она является дальнейшим развитием большой системы мероприятий, направленных на укрепление революционной законности в нашей стране.

Реформа УПК представляет собою, как и реформа всего нашего уголовного законодательства и судоустройства, одно из звеньев целой цепи мероприятий правительства и партии, направленных в сторону укрепления диктатуры рабочего класса, укрепления государства пролетарской диктатуры и укрепления революционной законности и социалистического

правосознания. Работу, которую представила правительственная комиссия по пересмотру нашего законодательства, по реформе УПК нужно рассматривать именно под этим углом зрения, связи этой нашей работы со всей суммой тех работ, которые являются сейчас ответом на совершенно назревшие требования, решительного улучшения качества работы судебно-прокурорских органов.

Пересмотр УПК в этом смысле представляет собою только один момент из всей системы мероприятий. Этим определяется и историческое значение того пересмотра, которому мы подвергаем наш действующий сейчас уголовно-процессуальный кодекс.

Больше того, мы сейчас подвергаем пересмотру не только действующие в отдельных союзных республиках УПК, но и самые основы, и притом под углом зрения отказа от партикулярных кодексов, ограниченных в своем действии территориями той или другой союзной республики, под углом зрения создания одного и единого союзного кодекса.

¹ Доклад Зам. Прокурора Союза ССР тов. Вышинского на объединенном заседании судебной секции Ком. академии и секции уголовного процесса Института судебной политики, Прокуратуры Союза и НКЮ РСФСР 23/X с. г.

Это тоже имеет немаловажное значение. Этот вопрос в подкомиссии и комиссии вызвал некоторую борьбу мнений, разрешения которых пришлось искать у вышестоящих директивных органов, ибо существовали точки зрения, которые не мыслили себе возможности перейти к общесоюзному УПК, как и к общесоюзному УК, и предполагали, что и впредь нам нужно сохранить ту систему, которая действует сейчас, остаться при республиканских кодексах наряду с теми союзными основами уголовного и уголовно-процессуального законодательства, которое, как вам известно, существует параллельно. Эта точка зрения встретила, однако, возражения со стороны большинства комиссии, и была принята иная точка зрения, говорящая о необходимости создания такого единого кодекса для всего СССР. В последнее время директивные органы одобрили такую точку зрения, так что надо считать, что вопрос о едином УПК и уголовном кодексе является на данный момент решенным.

Реформа УПК не является случайной. Она является лишь одним из мероприятий, направленных на улучшение работы судебно-прокурорских и следственных органов, на поднятие на более высокую ступень самого качества этой работы.

Реформа ныне действующих наших УПК и наших основ судопроизводства стоит в теснейшей связи с такими законодательными актами по крайней мере последних двух лет, как декрет 25 июня 1932 года, содержащий в себе ряд требований, касающихся качества и условий работы наших следственных, прокурорских и судебных органов. В декрете 25 июня мы находим ряд моментов, позволяющих ставить вопрос о связи нашей реформы УПК с теми мероприятиями, которые нашли свое выражение в этом декрете.

Если обратиться к декрету 25 июня 1932 года о революционной законности и, в частности, к пункту I этого декрета, то здесь можно найти требование «обеспечить скорейшее рассмотрение дел о нарушениях революционной законности», а пункт 4-й этого декрета прямо обязывает суды и прокуратуру «привлекать к строгой ответственности должностных лиц во всех случаях нарушения прав трудящихся»...

Уже достаточно этой ссылки, чтобы стало ясным, что декрет 25 июня 1932 года, говорящий об укреплении революционной законности, изданный в связи с 10-летием существования советской прокуратуры, указывал на необходимость такой организации работы судебных и прокурорско-следственных органов, которая обеспечивала бы должную охрану интересов пролетарского государства, охрану интересов и прав трудящихся.

Еще в большей степени это требование было выражено во всем нам известной исторической инструкции от 8 мая 1933 года. Инструкция 8 мая 1933 года шла по той же линии. Она не была каким-то громом среди ясного неба, хотя некоторые товарищи так приняли эту инструкцию и оглушенные ею очень долго не были в состоянии усвоить ее требования.

Инструкция 8 мая явилась следующим шагом, еще более решительно выразившим собой генеральную линию нашей партии в вопросах революционной законности. Эта инструкция говорила о новой обстановке, о новых формах работы,—это исключало возможность думать,

что суд и прокуратура могут остаться при старых формах работы.

Эта инструкция 8 мая говорила об опасности сохранения старых форм работы, не соответствующих новой обстановке, создающих обстановку ослабления советской власти в деревне. Она говорила об упорядочении арестов, а значит и об упорядочении привлечения к судебной ответственности. Она говорила о необходимости рационализации методов борьбы с классовым врагом, говорила о метком ударе, об упорядочении арестов, о разгрузке мест заключения. Причем, говоря об упорядочении арестов и об урегулировании вопросов, связанных с содержанием под стражей, говоря о разгрузке мест заключения, инструкция 8 мая давала громадную важности директивы, касающиеся направления непосредственно самой судебной политики. Между тем, некоторые товарищи склонны были сводить указания инструкции от 8 мая к чисто техническим указаниям, к формальным условиям содержания в местах лишения свободы. Между тем эта инструкция шла по линии организации правильного привлечения к ответственности; по линии меткого нанесения удара уголовной репрессии, по линии организации такой работы суда и прокуратуры, которая бы исключала возможность неосторожно и необоснованно затрагивать интересы трудящихся масс и, в частности, в деревне.

И декрет от 25 июня, и инструкция от 8 мая давали громадную важности принципиальные установки, которые нельзя было игнорировать при решении вопроса о том, как организовать в дальнейшем судебно-процессуальную деятельность органов революционной законности.

Та же мысль с достаточной резкостью была подчеркнута, наконец, и в последнем акте, на котором я хочу предварительно остановиться, в акте об учреждении Союзной Прокуратуры, 21 июня 1933 года возложившем на Прокуратуру Союза задачу охраны социалистической собственности и революционной законности, и давшего Союзной Прокуратуре право истребования в порядке надзора любого дела из любой стадии производства, из любого органа, производящего расследование, или любого суда.

Эти три исторических акта говорят достаточно убедительно о том, что нынешняя реформа УПК является дальнейшим развитием мероприятий, идущих по линии укрепления революционной законности и социалистического правосознания, по линии укрепления органов суда и прокуратуры как боевых органов государства пролетарской диктатуры.

Пересмотр УПК явился, таким образом, логическим и совершенно необходимым завершением целого ряда мероприятий, проведенных за последнее время нашим правительством в соответствии с новыми условиями и новой обстановкой, создавшейся в нашей стране в результате окончательной победы принципа социализма во всех сферах нашей жизни.

Реформа уголовно-процессуального законодательства является ответом на назревшую потребность. Эта потребность живо ощущалась в течение уже ряда лет, и отсюда — постоянно возникавшие и в прошлом попытки пересмотреть наш уголовно-процессуальный кодекс, реформировать его. С такими попытками мы встречаемся чуть ли не на следующий день после издания первого уголовно-процессуального кодекса 1922—1923 года. Уже в 1924 г. 5-е совещание деятелей советской юстиции под-

вергло пересмотру ряд вопросов, связанных с рядом очень серьезных проблем уголовно-процессуального законодательства. Таков был вопрос об отношении между следователем и прокуратурой, об отношении между следователем и судом, о распорядительном заседании, о пределах состязательности, о самой наконец природе советского уголовного процесса.

С попытками создать новый УПК мы встречаемся и в 1927 г., и в 1929 г., и в 1931 г. За это время в УПК 1922 г. был включен целый ряд новелл, но коренной реформы процессуального законодательства не произошло. Между тем, УПК 1922 г. далеко не удовлетворял современным требованиям и почти вышел из употребления. Наиболее серьезная попытка реформы УПК была сделана в 1927 г., нашедшая отражение в постановлении Коллегии Наркомюста РСФСР 1927 года, и в 1931 г., в разработанном НКЮ РСФСР проекте УПК, очень близком к нынешнему проекту. Я хотел бы напомнить кое-что из этого не так уж далеко прошлого.

Постановление Коллегии Наркомюста РСФСР от 9 июня 1927 г., одобряя тезисы о реформе УПК и поручая Комиссии на основе этих тезисов разработать новый проект УПК, давало некоторые принципиальные соображения, которыми нужно было, по мнению коллегии, руководствоваться в этом деле.

Это постановление говорило о том, что наш УПК является «сколком современного буржуазного состязательного процесса»... который исторически создавался буржуазией, как средство борьбы против классового произвола абсолютистских судов в период борьбы буржуазии с абсолютизмом».

Это постановление в то же время объявляло буржуазными принципами и рассматривало, как формально правовые гарантии для сторон, характерные для состязательного процесса — такие принципы, как гласность, непосредственность и т. д. Коллегия НКЮ объявляла, что «этот буржуазный процесс, в особенности так, как он нашел свое отражение в уставах 1864 года, был заимствован и нашим УПК, отразившим все его принципы с некоторыми изъятиями в действующем законе»...

Таким образом постановление Наркомюста РСФСР от 1927 года считало наш УПК, действующий с 1922 г. до сегодняшнего дня, сколком с буржуазного УПК или даже просто маской, с «в бозе почивших» уставов 1864 года.

Такая оценка нашего УПК грешила серьезным преувеличением, с одной стороны, и непониманием, с другой, того исторического факта, который заключался в неизбежности для пролетариата использовать на известном этапе развития своей государственности буржуазное право, «кусочек» которого Маркс, по словам Ленина, произвольно «снул в коммунизм», а «взял то, что экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем из недр капитализма» (Ленин, XXI, 438).

Такая трактовка нашего УПК явилась результатом непонимания того, что «в первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм не может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций и следов капитализма» (там же). Разъясняя это обстоятельство, Ленин подчеркивал, что именно отсюда «такое интересное явление, как сохранение «узкого горизонта буржуазного права» при коммунизме в его первой фазе» (XXI, 438).

Это указание Ленина объясняет необходи-

мость для нас использования и в области уголовного процесса ряда таких «следов капитализма», как некоторые институты буржуазного права в частности (состязательность, непосредственность и др.). В 1927 г. Коллегия НКЮ рассуждала, как мы видели выше, иначе, считая очевидно возможным построить советский уголовный процесс на коммунистических началах.

Идя по этому пути, постановление 9 июня 1927 г. решительно отвергло как «буржуазные пережитки» ряд таких процессуальных положений, без которых процесс переставал быть процессом. В этом постановлении мы можем прочесть следующие например обвинения против нынешнего УПК: «С другой стороны, — говорилось в этом постановлении, — формальные правовые положения, установленные нынешним УПК, создали то, что расширили до безграничных пределов судебного следствия, затягивание, усложнение его представлением документов и разного рода оправдывающих данных во время судебного заседания, широко использование ничем не ограниченного выступления в прениях и репликах, права допроса и передопроса свидетелей, ходатайства об отложении дела, назначении экспертизы сделались обычным явлением».

Булатов:—Детская болезнь «левизны»...

Вышинский:—Не только детская болезнь «левизны». В этом документе нельзя не видеть особенностей той эпохи, особенностей классовой борьбы в условиях начала нэпа, окрылявшего нашего врага надеждами, использовать против социализма созданные в то время «правовые гарантии». Конечно и в то время эти вопросы нужно было поставить иначе. Нужно было улучшить свою работу, укрепить свои позиции, бить врага с позиций революционной законности. Не разрушать УПК и уголовный процесс, а максимально его укрепить — вот в чем состояла тогда наша задача. Тогдашний НКЮ попытался пойти по пути наименьшего сопротивления, рассуждая примерно так, что раз классовый враг использует процессуальные права и всякие «формальности», чтобы уйти от ответственности, то лучше всего уничтожить эти «права» и «формальности». Между тем эти права представляли собой частицу советского права, элементы права пролетарского государства, необходимого пролетариату как одно из орудий подавления именно классового врага, как средство мобилизации широких масс трудящихся на борьбу с классовым врагом и преступлениями.

Ошибочность занятой в 1927 г. по отношению к УПК позиции НКЮ совершенно очевидно. Особенно это очевидно теперь, когда так остро стоит перед нами задача максимального укрепления процессуального производства, как основы и условий деятельности советского суда, значение которого особенно в настоящее время чрезвычайно велико.

Исходя из указанных выше установок, НКЮ предлагал ряд таких практических мероприятий, как упразднение распорядительных заседаний, считая, что именно в этом может выразиться упрощение процесса в области расследования.

НКЮ предлагал в 1927 г. создать 2 процесса: один процесс для губернского суда (очевидно для классовых врагов) и другой процесс — для народного суда (для трудящихся). «Процесс в нарсуде должен был быть в максимальной сте-

пени освобожден от всяких формальностей», причем из предыдущего можно понять, что упразднение формальностей должно было означать право суда не вызывать свидетелей, не устраивать экспертизы. Вот что такое суд без «всяких формальностей». Кроме некоторых немногочисленных норм, подлежащих обязательному соблюдению, все остальные объявлялись техническими приемами, нарушение которых не должно рассматриваться как имеющее правовое значение. Заранее амнистировалось таким образом нарушение всех норм, даже тех, которые считались обязательными. Причем письменную документацию отдельных моментов судебного производства по возможности предполагалось заменить устным изложением судьи.

Пашуканис:—Вот где отрицание процесса.

Вышинский:—Да, тут уже идет отрицание процесса самое подлинное... Далее коллегия НКЮ 1927 г. предлагала реформировать подсудность.

«Особо — читаем мы в постановлении, — должен быть поставлен вопрос о нынешней подсудности нарсуда. Назначение судебного рассмотрения дел нынешней подсудности народного суда в присутствии нарзаседателей, как правило, должно иметь место лишь в случае особой важности этих дел... Следовательно, суд, как правило, должен был быть по этому проекту без народных заседателей. Это тоже «упрощение».

«Процесс в народном суде должен быть построен, читаем мы здесь далее, как исключительный процесс». Эта установка тоже совершенно неправильная. Но может быть здесь надо искать разгадку того, что до сих пор краевой суд не сделался нормальным судом, о чем мы говорили, как вы помните, на Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников.

Что такое краевой или областной суд в нынешнем их виде? Это административно-судебный центр края и области. Это центр ревизионно-кассационной работы, но это ни в коей мере не суд первой инстанции, ибо он, как суд первой инстанции, действует по очень ограниченному кругу дел и действует очень редко. За последние годы произошли, правда, некоторые сдвиги в смысле усиления его активизации как суда первой инстанции, но по существу у нас краевой или областной суд, до последнего времени представлял собой судебно-административный центр, но не суд в собственном смысле слова.

Я неоднократно и на пленумах Верховного Союза и в других инстанциях поднимал вопрос о необходимости ограничить компетенцию народного суда, расширив и развернув компетенцию краевого и областного суда именно как судебного органа, который рассматривает дела, а не только проверяет, не только амнистирует над лицами, рассматривающими дела. Нам противопоставляли другую точку зрения, утверждая, что так как народный суд есть основная ячейка судебной системы, то наше предложение означает посягательство на этот принцип. Это неверно.

Прокуратура Союза резко поставит вопрос об изъятии из компетенции народного суда дел о хищениях общественной социалистической собственности. Мы поставим вопрос об изъятии из ведения народных судов дел — по декрету 8 декабря, о чем я буду говорить несколько дальше, но это вовсе не является результатом недооценки роли народных судов, которые несомненно ближе стоят к населению, чем краевые

суды, а это является желанием освободиться от тех недостатков в их работе, которые к сожалению в данное время отличают наши народные суды. Народные суды, будучи завалены массой дел, работают плохо. Контролируют их работу многие, а работу с ними никто разделить не хочет. Вот это и делает их работу плохой.

Неправильно решил проект 1927 г. и вопрос о вызове свидетелей, оговаривая вызов лишь тех свидетелей, показания которых возбуждали сомнения в своей достоверности. Ведь ясно, что заранее решить, какой свидетель достоверен, а какой — сомнителен, абсолютно невозможно. Следовательно, проект 1927 г. по существу толкал на устранение свидетелей. Неправильно проект 1927 г. ставил вопрос и о защите, допуская ее лишь в «случаях, специально оговоренных»...

Вот каковы были тенденции, руководившие тогда нашими руководящими органами советской юстиции. Нужно сказать, что хотя эти тенденции полностью не осуществились, все-таки они нашли свое отражение и в ныне действующем процессе. Я не буду останавливаться на изложении целого ряда институтов, которые всем хорошо известны, но для иллюстрации я напомню о такой статье, как например ст. 313 УПК РСФСР, ставящей вопрос о направлении дела на доследование в известных случаях в зависимости от ходатайства сторон.

Это принцип никуда негодный, так как нельзя такой важный процессуальный вопрос ставить в зависимость, при его реализации, от такого частного случая, как ходатайство со стороны.

Практика прошлых лет Верховного суда и НКЮ шла по той же линии, приводя к свертыванию уголовного процесса. Вот например, 165 статья УПК РСФСР довольно невинного порядка, говорящая о допросе свидетелей: как вести допрос свидетелей, в каком порядке задавать вопросы, в какой форме записывать показания свидетелей и т. д.

В разъяснение этой статьи мы имеем циркуляр НКЮ № 93 от 1929 г., который заслуживает того, чтобы привести его полностью.

«Значительную часть следственного производства составляют многочисленные протоколы допросов свидетелей. Однако практика показывает, что большинство этих протоколов не имеет никакой ценности для позднейшего рассмотрения дела суда; допрашиваемые в качестве свидетелей лица очень часто либо ничего не знают по делу, либо дают несущественные показания, и среди них тонут и теряются показания, действительно существенные и решающие дело. Эти не имеющие для дела значения показания тем не менее очень подробно, подчас дословно, записываются в формальных протоколах допросов, составление которых, отняв у следователя или агента дознания очень много времени, ничем расследованию дела не помогает, а лишь тормозит его.

Следует ввести правило, что показания свидетелей, не устанавливающие по делу ничего существенного, в протокол подробно не заносятся, а в протоколе делается короткая отметка относительно основного содержания этих показаний (напр., «свидетель по делу ничего не знает», «свидетель утверждает, что обвиняемый хорошего поведения» и проч.). Лишь показания тех свидетелей, которые устанавливают существенные моменты

дела (картина преступления, причастность или непричастность обвиняемого, смягчающие или отягчающие обстоятельства), относительно же всех прочих свидетелей можно ограничиться указанными выше отметками (за подписью свидетелей). Однако в это правило следует ввести ограничение такого рода: в случае требования обвиняемого, потерпевшего или самого свидетеля показания свидетеля должны записываться подробно, какого бы мнения о существенности этих показаний ни придерживался следователь.

Во» как в 1929 г. мы рекомендовали проводить предварительное расследование. Следователь заранее решает, как ему расценить показания свидетеля. Если он сочтет, что они срывают его обвинительную концепцию, он запишет, что свидетель ничего не показал. А так как можно свидетелей на суд не вызывать, то можно представить себе, то абсолютно нетерпимое качество судебной работы, которое могло при этом получиться.

Известно, что статьи 196—201 УПК, посвященные важнейшему вопросу об определении психического состояния обвиняемого, вовсе оказались изгнанными из УПК. Или возьмем циркуляр Верховного суда РСФСР 1928 года, разрешающий вручать обвиняемым вместо обвинительного заключения—выписку из обвинительного заключения.

Наконец мы имеем такие циркуляры, которые освобождают от необходимости оглашать на суде обвинительное заключение, разрешающее его оглашать только в тех случаях, когда оно известно сторонам, а если сторонам известно, если обвиняемый говорит: «я знаю, не трудитесь читать»,—то можно обвинительное заключение не оглашать.

Вот к чему ведет упрощение во что бы то ни стало! Иной обвиняемый предпочтет, чтобы его перед большой аудиторией не оскандалили чтением обвинительного заключения, перечисляющего его преступления. Он готов сказать: «Это все мне известно, не трудитесь читать, давайте перейдем непосредственно к делу». А то, что обвинительное заключение важно знать присутствующей в суде публике, — это не принимается во внимание!..

Объявляя борьбу «правовому формализму», мы на деле иногда перехватывали через край и лишали процесс его внутреннего смысла, его общественного значения. Не мудрено поэтому, что в нашей практике есть случаи, когда приговоры оглашаются пачками по 10—20 сразу. Примером того, как мы преодолевали иногда этот «формализм» может служить постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 26 сентября 1931 г., в котором говорилось, что «впредь до утверждения проекта УПК в законодательном порядке Пленум Верховного суда предлагает при приостановлении приговора, истребованного в порядке надзора, руководствоваться ст.ст. 115 и 116 проекта УПК...! Это постановление конечно гораздо более серьезное, чем это может казаться. Серьезность заключается в том что такими постановлениями мы, в сущности говоря, в значительной степени сами подтачивали основы нашей законности, сами ослабляли социалистическое правосознание.

Сейчас, когда так резко стоит вопрос об укреплении социалистического правосознания, которое должно быть прочным и крепким, как гранитная скала, нужно решительно перестроиться и изменить свое собственное отношение к советскому закону. Нужно переделывать созна-

ние ряда наших товарищей. Этим объясняется целый ряд трудностей, какие мы сейчас имеем в нашей работе, но эти трудности усугубляются тем, что наш «действующий» УПК, состоящий из 465 статей, в сущности гаврора, недействующий УПК. Даже те статьи, которые не аннулированы постановлением Коллегии Наркомюстов и разъяснениями пленумов Верховных судов, все равно не действуют, или действуют в меру доброго расположения к этому УПК со стороны того или другого судьи или прокурора: хочет он, — УПК действует, не хочет, — УПК не действует. Это зависит от личных отношений между УПК и судьей или прокурором. Но ясно, что такое положение нетерпимо. УПК должен **действовать**. Каждая его статья должна «гласить», должна быть живой и реальной.

Сейчас мы находимся на таком уровне нашего государственного, хозяйственного, политического и общественного развития, что каждый трудящийся требует, чтобы его интересы были защищены в максимальной степени и не зависели от желания того или другого чиновника, или от нашей доброты.

Инструкция 8 мая говорит о том, что необходимо нам упорядочить дело арестов, чтобы, с одной стороны, крепче и более метко бить классового врага, преступника и, с другой стороны, чтобы зря не бить, не бить тех, кого не нужно.

Когда тов. Сталин в 1931 г. в шести исторических своих условиях говорил, что рабочий теперь не тот, что раньше, что, если мы предъявляем к нему очень серьезные требования и он героически их выполняет, показывая образцы ударничества и т. д., то он одновременно предъявляет к нам требования, чтобы было обеспечено его материальное и культурное благополучие. Я думаю, что это прямо относится и к формам и условиям работы суда и прокуратуры, обеспечивающим существеннейшие интересы материального и бытового благополучия человека, обеспечивающие от произвольного необоснованного ареста, когда раньше посадят, потом разбираются...

Каждый трудящийся, каждый гражданин советской земли должен быть уверен, что его права полностью и крепко защищены советским законом.

Наши советские законы — могучая сила, охраняющая интересы советского государства и трудящегося человека. Примером этого может служить декрет 25 июня 1932 г., который некоторые представители буржуазной печати расценили, как «Habeas corpus act», как шаг назад, к правовому государству. Ничего удивительного нет, что буржуазия так понимает этот декрет. Она сама сжигает последние остатки своего правового государства, когда в процессе фашизации капиталистического режима все больше и больше сводятся на нет остатки правового либерализма и уничтожаются последние остатки буржуазной законности, как это гениально предвидел, еще в 1910 году тов. Ленин в статье «Два мира». Буржуазия склонна всякую правовую норму рассматривать как некоторый поворот назад к правовому государству. В действительности, мы имеем не поворот «назад к правовому государству», а движение вперед, к бесклассовому социалистическому обществу через максимальное укрепление диктатуры пролетариата, которая в своем праве имеет могущественный рычаг для того, чтобы переделывать не только внешние отношения людей, но и

самую психологию человека, перековывать его сознание.

Эта мысль до последнего времени нами не была достаточно понята, мы недооценивали роли права вообще, мы недооцениваем особенно роли процессуального права.

Многие из нас до последнего времени недооценивали роль советского права, как активной, творческой политической силы. Сейчас партия требует от нас укрепления правовых форм, укрепления суда и процессуальных форм. Мы должны использовать в максимальной степени все то положительное, что создано буржуазной культурой, для защиты интересов пролетариата как господствующего класса, подобно тому, как буржуазия в свое время умела защищать свои интересы и интересы своего господства при помощи этих достижений человеческой культуры.

И если в «Очередных задачах» Ленин говорил, что «последнее слово капитализма в этом отношении, система Тэйлора, — как и весь прогресс капитализма — соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде и т. д.

Советская республика должна во что бы то ни стало перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области... (Оч. задачи С. вл., 455), то мы должны это полностью применить и к нашей области, и области процесса.

Мы должны в интересах высокого качества работы нашего суда использовать и элементы состязательности, и экспертизу, и прения сторон. Нужно поставить наш процесс таким образом, чтобы можно было максимально его использовать для разрешения основной задачи, стоящей перед судом: действительного, точного, истинного выявления действительных отношений и правильного, соответствующего действительности их анализа и оценки, которая должна найти свое выражение в судебном приговоре. Без этого судебный приговор никогда не будет иметь того значения, которое действительно он может иметь.

Вот те соображения, которые нужно было привести для того, чтобы показать направление реформы нашего УПК. Естественно, что под этим углом зрения мы должны были достаточно резко и достаточно смело поставить ряд вопросов, связанных с конструированием тех или других институтов, которые раньше не находили у нас в нашем УПК никакого отражения.

Прежде всего я укажу на то, что в отличие от ныне действующего УПК мы стали на путь попытки крайнего сжатия этого УПК, сведения его только к самому основному, если хотите, минимально необходимому, выбросивши из него все то, второстепенное, по крайней мере то, без чего можно было бы обойтись. Мы старались дать только такие руководящие правила, которые носили бы вполне отчетливый правовой характер. В результате новый проект УПК, вместо прежних 465 ст.ст., содержит только 167 ст.ст. Каждая из этих статей отличается крайней простотой и ясностью, исключаящими, на мой взгляд, необходимость в дополнительных инструкциях и многосложных циркулярных объяснениях.

Вот несколько примеров:

Ст. 5. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в случаях и порядке, указанных в законе.

Каждый прокурор или судья обнаруживший

лишение кого-либо свободы с нарушением существующих законов, обязан принять все необходимые меры к устранению нарушения, или немедленно освободить незаконно лишенного свободы.

Ст. 13. Органы расследования и суд обязаны разъяснить участвующим в деле лицам их процессуальные права и обеспечить соответствующую возможность действительного осуществления этих прав.

Ст. 22. Надзор за деятельностью всех органов расследования осуществляется прокурором. Прокурор вправе принять любое дело к своему личному производству.

Указания прокуроров по всем вопросам расследования обязательны для органов расследования.

Я не имею возможности, разумеется, сейчас оглашать все статьи проекта это не входит в мою задачу, но для того, чтобы поняли характер самих этих статей, я приведу хотя бы ст. 70, которая говорит об обвинительном заключении.

«Обвинительное заключение состоит из описательной и резолютивной частей.

В описательной части излагаются обстоятельства дела в том виде, как они установлены расследованием, с указанием места, способа и мотивов совершения преступления и доказательств, на основе которых эти обстоятельства установлены, а также сведения о личности обвиняемого (его классовой принадлежности, профессии, возрасте и т. д.). В резолютивной части дается формулировка обвинения, по которой подлежит предание суду и указывается соответствующая статья УК.

К обвинительному заключению должны быть приложены: список лиц, подлежащих вызову в суд, указание вещественных доказательств и справка о мере пресечения, принятой в отношении обвиняемого».

Или ст. 130: «Приговор выносится именем Союза советских социалистических республик и заслушивается всеми присутствующими сторонами».

Очень короткая статья и, мне кажется, совершенно своевременная, потому что у нас, опять-таки благодаря надлежащему «разъяснению», при провозглашении приговора не встают, как будто дело происходит не в суде, а в какой-то третьеразрядной харчевне.

Переходя к существу реформы нашего уголовно-процессуального законодательства, я остановлюсь только на некоторых основных вопросах. Во-первых, мы даем общие положения, в которых имеются такие принципиально важные статьи, как ст. 2, говорящая об участии в расследовании трудящихся, о недопустимости бюрократизма в судебных делах, как ст. 6, о допустимости заключения под стражу в процессе расследования лишь в установленном законом порядке и притом с утверждения прокурора; как ст. 13, обязывающая суд и органы расследования разъяснить участвующим в деле лицам их процессуальные права и обеспечить возможность действительного их осуществления; такая статья, как ст. 17 проекта:

«Все вступившие в законную силу приговора и определения судебных учреждений, а также распоряжения органов расследования и прокуратуры, обязательны для каждого государственного учреждения СССР и союзных республик и для всех общественных организаций и граждан на всей территории СССР».

Вторая глава проекта посвящена возбужде-

нию уголовного дела. Она состоит всего из 16 статей, говорящих о том, в каких случаях возбуждается уголовное дело, а также о случаях, исключающих уголовное преследование. Здесь я попрошу разрешить мне процитировать некоторые статьи, так как здесь мы имеем кое-что новое.

Ст. 19: «Уголовное преследование не может иметь места, а начатое подлежит прекращению:

- а) вследствие отсутствия состава преступления;
- б) вследствие амнистии;
- в) если действия, послужившие основанием для начала уголовного дела, являются малозначительными и не имели вредных последствий;
- г) если эти действия, хотя и не малозначительные и имевшие вредные последствия, в момент начала дела утратили общественно-опасный характер;

д) при наличии вступившего в силу приговора в отношении данного лица по тому же преступлению, кроме случаев возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам;

е) в отношении лиц, не достигших 16-летнего возраста;

ж) в отношении лиц, психическая болезнь которых в момент совершения преступления или в момент возбуждения преследования исключает возможность привлечения их к уголовной ответственности;

з) за смертью совершившего преступление, кроме случаев, предусмотренных ст. 128, п.п. «а» и «б»;

и) ввиду давности преступления;

к) если дело относится к ведению общественных, производственно-товарищеских, сельских и других судов, или подлежит рассмотрению в дисциплинарном порядке».

П.п. «г», «д», «е», «ж» и «з» — в УПК появляются впервые.

Проект далее проводит в отношении следователей, милиции и других органов НКВД разграничение их функций по расследованию. Этому посвящены ст.ст. 24, 25, 26 проекта.

«Предварительное расследование обязательно по делам о преступлениях государственных, по делам о хищениях общественной и социалистической собственности, о выпуске недоброкачественной и некомплектной продукции. По остальным делам расследование ведется следователем в случае их особой сложности или по прямому предложению прокурора.

К подсудственности следователя относятся также все дела о должностных, хозяйственных и других преступлениях, подсудных «краевому суду».

Следовательно вопросы об убийствах, грабежах и т. п. мы не считаем обязательным относить в подсудственность следователя. Мы думаем, что эти дела только тогда будут подсудственны следователю, когда в силу своей особой сложности, они вызовут соответствующее распоряжение прокурора. Как правило, дела об убийствах лучше расследуются угрозыском, точно так же как дела о растратах, кражах, грабежах и т. п. Вообще практика показала, что чисто уголовные преступления очень неплохо расследуются угрозыском. Но если тот или иной случай потребует особого к себе внимания со стороны прокуратуры, то это определяется вторым абзацем: по остальным делам следствие ведется следователем в случае особой сложности или по прямому предложению прокурора. Иного принципа вы не найдете. И мы не могли

найти другого масштаба для разграничения.

Но одновременно мы даем возможности прокурору любое дело выделить в силу его сложности. Правда, мы не говорим — в силу его общественного значения, как говорилось в предыдущих проектах, потому что мы считаем, что всякое убийство имеет достаточное общественное значение. Органы НКВД по охране государственной безопасности ведут расследование по всем делам, подведомственным НКВД. Раз дело подведомственно НКВД, то его органы и ведут расследование, причем прокуратура во всех стадиях расследования осуществляет свой надзор за правильностью и законностью расследования, давая указания, обязательные для этих органов.

Тут важно последнее — **обязательность** этих указаний.

В главу о расследовании мы ввели ст. 31, говорящую об ответственности в уголовном порядке органов расследования за допущение угроз и т. п. насилий в отношении обвиняемых, свидетелей и экспертов.

Глава III о доказательствах. Вместо 20 действующих статей проект дает 14. Но дело не в этом. Дело в лучшей систематизации и большей точности ряда правил, касающихся таких важных вопросов как права и обязанности свидетелей, экспертов и проч.

Глава IV о предъявлении обвинения 4 статьи, устанавливающей жесткие сроки для различных процессуальных действий. В статье об устранении от должности (ст. 51 проекта) допускается устранение как на определенный срок следствия, так и на все время расследования.

Глава V о мерах пресечения. В части даты воспроизводится директива майской инструкции. Проект устанавливает жесткий срок для ареста в качестве меры пресечения и разрешает увеличить его еще на месяц с санкции вышестоящего прокурора.

В главе VIII особая статья о предании суду через распорядительное заседание с докладом обвинительного заключения прокурором. Интересна ст. 86, по которой в известных случаях в распорядительное заседание должен быть вызван обвиняемый.

Подсудность (глава VII) определяется проектом в соответствии с постановлением правительства от 10/VII 1934 г.

Глава X говорит о судебном заседании. Здесь мы решительно проводим принцип непрерывности и гласности судебного заседания. Особое внимание уделяем протоколу судебного заседания (ст. 99 и ст. 100 проекта).

Мы отказались от права суда не допускать прений сторон, считая, что прения играют очень серьезную роль в процессе, если, конечно, они организованы правильно если это не пустая трескотня, если защитник или прокурор не удаются в красивость, в «ораторство».

Прения играют большую роль и с точки зрения мобилизации общественного мнения. Бояться прений не следует, как это делал проект НКЮ 1927 г.

Ссылка на то, что прения затягивают дело, неубедительна. Процесс всегда стоит времени...

Затем относительно защиты на суде. Проект считает, что участие защитника при рассмотрении дела обязательно в тех же случаях, как и по ныне действующему кодексу.

Глава XII говорит о кассационном производстве. Во-первых, мы требуем, чтобы каждое кассационное определение было мотивировано. От-

клоняется ли кассационный протест или жалоба или оставляется в силе приговор, — это должно мотивироваться. Это, конечно, тяжело, но это необходимо.

При отмене приговора и направлении на новое рассмотрение или доследование должно быть указано, что именно нужно доследовать.

Интересны ст. 142 и ст. 143 проекта об условиях отмены приговора. Ст. 142: «Приговор подлежит отмене в случаях:

а) существенного нарушения судом правил настоящего УПК или других действующих законов;

б) недоследованности дела на предварительном или судебном следствии или недоброкачества доказательств, на которых основан приговор;

в) несоответствия приговора имеющимся в деле фактическим данным».

Ст. 143: «Приговор во всех случаях подлежит отмене:

а) при неправильном составе суда;

б) при слушании дела в отсутствие обвиняемого, за исключением случаев, указанных в ст. 106 УПК;

в) при слушании дела без участия защитников, когда согласно ст. 95 участие защитника является обязательным;

г) при вынесении обвинительного приговора за действия, не содержащие в себе состава преступления».

Что касается кассационных и других сроков, то здесь установлен такой порядок: «кассационная жалоба или протест на приговор подаются через суд, вынесший приговор, в течение 10 дней после вручения копии приговора». Это правило общее для всех судов. Проект не знает двух процессов. Единый процесс и для народного суда и для краевого суда, и для Верховного суда республики, и для Верховного суда Союза.

Ст. 135 говорит: «Получив кассационную жалобу или протест на приговор, суд в 3-дневный срок направляет кассационную жалобу по подсудности. Кассационная инстанция обязана рассмотреть дело в 10-дневный срок с момента получения жалобы или протеста.

(Голос — не всегда возможно).

Ельцинский: Не только возможно, но и необходимо.

Наконец, производство в порядке судебного надзора. Здесь тоже вносится значительно боль-

шая точность и ясность по сравнению с тем, что мы имеем сейчас. Во-первых, указывается, что: «Опротестование приговора или кассационного определения в порядке судебного надзора принадлежит по делам, рассмотренным нарсудом, районному, краевому (обл) прокурору или прокурору автономной республики и председателю край (обл) и главного суда, по делам, рассмотренным край (обл) и главным судом, — край (обл) прокурору или прокурору автономной республики и председателю край (обл) и главного суда.

«Прокурору Союза и председателю Верховного суда Союза принадлежит право протеста по всякому делу, вынесенному любым судом на территории всего Союза» (ст. 155).

Для надзорных дел никаких сроков нет.

Далее говорится относительно приостановления приведения в исполнение приговора. Те лица, которые имеют право истребовать дело, имеют право и приостановить исполнение приговора. Этот вопрос в нашем нынешнем УПК очень запутан.

Вопрос о досрочном освобождении ставится так:

«Вопрос о досрочном освобождении лиц, осужденных к лишению свободы или исправительным работам, разрешается соответствующей организацией места лишения свободы или отбывания исправительных работ.

Решение о досрочном освобождении или об отказе в досрочном освобождении может быть обжаловано или опротестовано в соответствующий суд по месту исполнения приговора.

Подача протеста на постановление об освобождении приостанавливает приведение этого постановления в исполнение».

Вот в основном новый проект УПК. Мы считаем, что если нам удастся этот УПК провести в жизнь со всем пониманием ответственности, которая ложится на органы суда и прокуратуры за каждое порученное им дело, то мы в значительной степени освободимся от тех дефектов, которые мы имеем в этом деле, и сумеем обеспечить качество нашей работы так, как этого сейчас требуют партия и правительство. А качество нашей работы, как вы это хорошо знаете, к сожалению сейчас стоит во многих случаях на очень и очень низком уровне, это абсолютно недопустимо и должно быть устранено немедленно и полностью.

Я. Берман

О пересмотре УК¹

По постановлению правительства в настоящее время работает комиссия по пересмотру действующего УК. Это постановление имеет важнейшее значение.

УК — это закон, устанавливающий правила борьбы с преступлениями против родины, против советского строя, против его основы социалистической собственности, против социалистического строительства и прав трудящихся.

Устанавливая эти правила борьбы, УК должен обеспечить подавление сопротивления классово враждебных элементов, пытающихся подорвать основы советского строя, и в то же

время перед УК стоит задача воспитания тех неустойчивых элементов из числа трудящихся, которые становятся на путь преступления.

Выполнение этой двуединой задачи, занимающей важнейшее место среди условий, обеспечивающих успешное построение социалистического общества, особенно требует четкого, вполне понятного для всех закона.

За последний год мы имеем целый ряд директив партии и правительства, указавших основные линии направления нашей уголовной политики. Это: 1) закон 7 августа об охране социалистической собственности; 2) закон об измене родины; 3) майская директива ЦК и СНК об общем направлении карательной политики;

¹ В порядке обсуждения.

4) постановление об образовании НКВД и передаче всех судебных функций судебным органам.

Значение каждой из этих директив далеко не исчерпывается только тем вопросом, которого она касается. Значение каждой из них значительно шире, поскольку давая директивные указания о направлении карательной политики по определенным составам преступлений, каждая из них предопределяла направление карательной политики и по отношению ряда других преступлений. Наша практика именно так и поняла эти директивы и исходя от этих директив сама восполняет те недочеты, которые по совершенно понятным причинам имеются в нашем УК, вышедшем в 1926 г.

Наш УК РСФСР естественно не мог отразить все новые условия последнего этапа. Бесспорно, в том виде, в каком он сейчас существует, он не отражает того исключительного значения, которое имеет у нас социалистическая собственность. Он был издан еще тогда, когда социалистическая собственность в советской экономике не занимала того решающего, исключительного места, которое она занимает сейчас во всех отраслях народного хозяйства. Он не мог отразить и новых общественных отношений, установившихся в городе и деревне нашего Союза, в связи с успешным окончанием первой пятилетки, построением фундамента социалистической экономики, коллективизацией сельского хозяйства, ликвидацией кулачества как класса и т. п.

Тем самым он не мог отразить и новых форм сопротивления эксплуататорских классов, на этапе их полного разгрома.

Он не мог в равной степени отразить и колоссальных успехов в деле укрепления планового хозяйства, что особенно ярко выразилось в достижениях и в росте нашей социалистической промышленности, в организации на высоком техническом уровне новых отраслей народного хозяйства. И наконец он не мог еще отразить тех колоссальных сдвигов в развитии новых форм социалистического труда, которые сами по себе являются показателями новых ступеней культурного и политического роста рабочего класса и всех трудящихся.

И не случайно поэтому в связи с этим наш кодекс пришлось дополнить отдельными новыми статьями, подправить в соответствии с требованиями карательной политики сегодняшнего дня.

Вот почему важно отметить начавшуюся работу по составлению нового кодекса.

Исходными в этой работе являются также, как и раньше, основные принципы ленинского уголовного политики и основное указание т. Сталина о том, что «сильная и мощная диктатура пролетариата — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации».

В значительной степени три уже указанных мною декрета предопределяют характер изменений, которые должны быть внесены в новый УК. Это, во-первых, закон об измене родине, который должен наложить отпечаток на все государственные преступления. Ибо то обстоятельство, что в условиях второй пятилетки, завершающей построение социалистического общества, партия и правительство декларировали повышенную наказуемость за измену социалистической родине, оно понятно не может пройти

бесследно для определения удара по классово враждебным элементам в первую очередь, за всякого рода другие преступления, подрывающие военную мощь, обороноспособность, государственную неприкосновенность и основы советского строя. УК должен отразить это требование о защите родины ко всякому гражданину Советского союза.

Второй закон — 7 августа — исключительный по своей значимости, возгласивший, что общественная социалистическая собственность, являющаяся основой советского строя, священна и неприкосновенна и люди, посягающие на нее, являются врагами народа. Задача нового кодекса — эту основную важнейшую мысль закона 7 августа сделать стержнем нового УК. И соответственно ее отразить как для случаев непосредственного хищения социалистической собственности, т. е. случаев непосредственно предусмотренных самим законом и его санкцией, так и для всех виновных в должностных, хозяйственных преступлениях, в той или иной форме посягающих на социалистическую собственность, слабо ее охраняющих, небрежно к ней относящихся, разбазаривающих ее.

Третья директива 8 мая. Ее значение для всего кодекса огромно. И в первую очередь оно должно проявиться в определенной санкции с тем, чтобы полностью отразить требования директивы о том, чтобы удары были организованы и метки, чтобы каждое наказание направлялось только против тех, кто виновен в преступлении, чтобы в каждом случае наказание выбиралось с учетом целесообразности его применения, чтобы наказание было дифференцированным. Оно должно получить свое отражение в кодексе с тем, чтобы обеспечить борьбу против всякой массовости в репрессиях, с одной стороны, и перевоспитание неуустойчивых элементов из числа трудящихся — с другой, на основе трудовых процессов. Это особенно будет касаться той части кодекса, которая будет устанавливать порядок применения наказания. Это должно будет отразиться в тех требованиях, которые кодекс будет предъявлять каждому судье; учесть в каждом случае, насколько совершенное преступление и лицо, его совершившее, является опасным и необходимо ли применить к нему лишение свободы или же можно ограничиться мерами по преимуществу воспитательного характера; в требованиях учесть при решении вопроса о наказании все обстоятельства преступления, отягчающие или смягчающие ответственность лица, совершившего преступление, в требованиях в каждом случае ставить вопрос, насколько необходимо принятие дополнительных мероприятий для возмещения причиненного вреда или устранения условий, способствующих совершению преступления; и наконец в требованиях обсудить возможные мероприятия, необходимые для усиления воспитательного влияния судебного приговора и укрепления революционной законности и социалистического правосознания. В этой части УК должен особенно четко вооружить каждого судью для правильного вывода о мерах, необходимых в отношении каждого лица, совершившего то или иное преступление.

И наконец четвертое — кодекс должен будет учесть и то новое место, которое в нашем советском строе должна занять защита трудящихся, их интересов. В условиях социалистического общества, повышающегося уровня культурных и политических требований всемерно повы-

нается роль и значение каждой личности и защита ее прав и интересов. Это должно быть отражено как в разделе преступлений против личности, против имущества частных лиц, так и в разделе защиты трудовых прав и борьбы со всякими нарушениями революционной законности должностными лицами, нарушающими права трудящихся.

Таковы вкратце некоторые общие положения, которые, думается нам, должны быть положены как исходные при составлении кодекса.

Наряду с этим хотелось бы поставить еще некоторые вопросы, имеющие немалое значение при разработке нового кодекса.

Это, во-первых, выделение из общей суммы всех действий, преследуемых УК, тех действий, которые можно считать проступками. До сих пор, как известно, наш УК не знал деления на преступления и проступки. И поэтому не случайно очень часто судья оказывался в очень тяжелом положении. Действия осужденных, формально содержащиеся в себе ряд признаков, предусмотренных определенной статьей, как будто должны были квалифицироваться как преступления, тогда как по своему значению, по своим последствиям, по характеру лица, его совершившего, оно особой опасности не представляет; может быть отнесено к маловажным действиям и по сути дела может быть названо таким действием, которое именуем проступком. Обычно в этих случаях судья дает или минимуму предусмотренного наказания или даже пользуется нынешней ст. 51 для того, чтобы дать наказание ниже указанного в статье минимума. Но все же за этими лицами остается судимость за преступление, и данное действие попадает в общую статистику как преступление.

Я считаю, что выделение проступков в отдельные статьи с точным перечнем их признаков будет целесообразно и поможет судебной практике выправить борьбу с этими, по существу незначительными, но вместе с тем и не всегда маловажными нарушениями революционного правопорядка.

При рассмотрении нового кодекса должен быть поставлен ряд вопросов и о мерах наказания. Необходимо учесть богатый опыт исправительных работ. Учитывая положительный эффект исправительных работ на общих основаниях, действительно показавших свое значение как исправительные работы, т. е. влиявшие на перевоспитание того или иного преступного лица, надо отметить, по моему мнению, отрицательный результат исправительных работ по месту службы. Обычно роль и значение их сводились

к штрафу в рассрочку и только, ибо приговоренный к отбыванию исправительных работ по месту службы ощущал этот приговор исключительно в одном: в ежемесячных вычетах из его жалования определенного процента, тогда как характер работы, которую он нес, оставался тот же самый; обстановка работы не изменялась, никакой работы с ним никакая общественная организация не вела; и следовательно ни в какой мере та работа, которую он нес за это время, не принимала характер исправительной работы в отличие от той работы, которую он делал до осуждения.

Вот почему, я считаю, правильно будет поставить вопрос об отказе от этой формы наказания, оставляя вместо нее существующий у нас штраф с указанием о возможности и необходимости выплаты этого штрафа в рассрочку. Наряду с этим считаю необходимым поставить вопрос о введении новой меры наказания, незнакомой нашему кодексу, в связи с постановлением о запрещении лишения свободы на срок до 1 года. Мера наказания, которую мы имеем в виду, — это арест примерно сроком до 3 месяцев, который бесспорно явится очень эффективной мерой наказания как за проступки, строго предусмотренные законом, так и в тех случаях совершения преступлений, когда более серьезная мера была бы слишком суровой. Эта мера особенно может оказаться эффективной в отдельных случаях должностных проступков и даже должностных преступлений.

Наш кодекс должен четко сформулировать и как особую форму лишения свободы содержание в тюрьме-изоляторе для тех преступников, которые с трудом поддаются исправлению и для которых режим лагерей будет слишком вольным и способствующим побегу. Как известно, сейчас эта форма лишения свободы у нас специально кодексом не оговорена.

Таковы отдельные предварительные замечания о построении нового кодекса.

Можно закончить еще одним существенным замечанием о языке кодекса. К сожалению, существующий кодекс написан очень тяжелым юридизированным стилем, пересыпанным очень часто такими отдельными словами, которые в обычной речи не употребляются или употребляются совсем в другом смысле, словами, взятыми зачастую из церковной славянщины, как например «деяние», «склонение кого-нибудь» и т. п. Надо, чтобы кодекс был написан таким языком, чтобы каждую его статью мог свободно и легко понять любой трудящийся. Он должен быть простым по своему слогу и стилю.

Р. Орлов, Л. Чернов

Год закона 8 декабря

Через месяц органы суда и прокуратуры должны будут подвести итоги годовой работе по борьбе за реализацию декрета от 8 декабря 1933 г. об ответственности за выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции и дать отчет партии и правительству о проделанной работе.

Издание закона от 8 декабря имеет историческое значение и свидетельствует об огромных успехах социалистического строительства нашей страны, в невиданно короткие сроки овладевающей достижениями мировой техники.

Издание закона вместе с тем означает повышение требований, предъявляемых нашим хозяйственникам, в деле улучшения качества выпускаемой продукции, в первую очередь продукции, увеличивающей оборонную мощь нашей страны, и продукции тяжелой промышленности — основы индустриализации Союза ССР.

Тов. Сталин на XVII съезде партии дал жесткую директиву: «Карать всех тех товарищей, невзирая на лица, которые нарушают или обходят законы советской власти о качестве и комплектности продукции», а т. Молотов подчерк-

нул, что «борьба за улучшение качества продукции должна стоять в центре внимания всей промышленности».

Закон 8 декабря подкрепляет общую установку партии и правительства в деле охраны «священной и неприкосновенной» социалистической собственности; закон 8 декабря представляет следующий этап уголовной политики, начатой изданием закона от 7 августа 1932 г. об охране социалистической собственности и ныне продолженной законом от 25 июня 1934 г. о борьбе с обмериванием и обвешиванием.

Эта единая цепь мероприятий партии и правительства, стимулирующая поднятие общей культуры труда и обеспечивающая непрерывный рост культурного уровня и материального благосостояния трудящихся.

Как же органы суда и прокуратуры проводили в жизнь закон 8 декабря и боролись с выпуском недоброкачественной и некомплектной продукции?

Первый период этой работы, — декабрь — февраль 1934 г. — характеризуется мобилизацией внимания общественности на необходимость борьбы с браком, выявления конкретных виновников — бракоделов.

Общественный актив органов юстиции явился по существу единственным сигнализатором фактов выпуска недоброкачественной продукции, ибо ни профсоюзные, ни иные общественные организации в тот период (да и в настоящее время) не уделяли должного внимания этому закону. Недоценили значения закона 8 декабря хозяйственники, не сигнализируя, очень слабо сигнализируя и теперь о поставке им негодной или некомплектной продукции. Эта совершенно недостаточная активность профсоюзных организаций и хозяйственников в деле реализации закона 8 декабря была отмечена и Ком. партийного контроля, обследовавшей работу органов суда и прокуратуры.

Однако органы прокуратуры, развернув значительную массовую работу, не сумели направить ее на выявление конкретных виновников выпуска недоброкачественной и некомплектной продукции. В результате на 1 марта 1934 г. было возбуждено по всему Союзу всего 140 дел, а в суде рассмотрено всего 26 дел; через верхсуды за этот отрезок времени прошло всего 8 дел.

Несмотря на столь незначительное количество возбужденных и рассмотренных дел, качество следствия и судебных приговоров было на низком уровне. Сроки расследования и рассмотрения дел в суде граничили с волокитой; удар уголовной репрессии в значительной мере оказывался направленным — вопреки прямым директивам закона от 8 декабря — на второстепенные лица. Вместо направления в первую очередь своего внимания на борьбу за реализацию закона на предприятиях оборонного значения и тяжелой промышленности, органы прокуратуры пошли по линии наименьшего сопротивления, привлекая к ответственности работников предприятий легкой промышленности, промартелей и т. п. (Горьковский край, Киевская и Одесская области).

Работа органов прокуратуры в известной мере тормозилась прямым сопротивлением отдельных хозяйственников, а также неумением прокуратуры преодолеть эти сопротивления (ИПО, Горьковский край).

Прокуроры некоторых краев (областей) страдали болезнью «согласования» и не брали на

себя ответственности в деле предания суду бракоделов (АЧК и др.). Еще большую нерешительность проявили суды, снижая под любым предлогом наказание путем переквалификации, путем необоснованного применения ст.ст. 51 и 53 УК РСФСР и соответствующих статей УК других республик. Ряд дел оказался заслушанным вопреки указаниям руководящих органов юстиции в нарудах.

Недостатки в работе суда и прокуратуры поставили вопрос о необходимости перелома в практике применения закона 8 декабря. Март 1934 г. проходит под знаком реализации жестких директив прокуратуры Союза ССР, потребовавшей коренного сдвига в деле проведения закона 8 декабря и устранения отмеченных выше недочетов.

В результате перестройки работы органов прокуратуры и суда количество возбужденных дел возросло до 344, т. е. за один месяц оказалось возбужденными 204 дела; из этого числа в судах 1-й инстанции было рассмотрено 102 дела. Столь значительный рост дел за один месяц понизил качество их расследования, что было обнаружено в результате просмотра дел в прокуратурах СССР и РСФСР, процент отмеченных и переквалификации приговоров в верхсудах республик (свыше 40%). Прокуратура СССР своей директивой от 4 мая 1934 г. предупредила прокуроров периферии о более осторожном и внимательном возбуждении дел по закону 8 декабря, недопущении неосновательного привлечения к ответственности; на прокуроров республик, краев и областей была возложена персональная ответственность за правильность проведения закона 8 декабря.

За март — апрель органы прокуратуры и суда добились довольно значительных успехов в деле реализации закона 8 декабря; был проведен с успехом ряд больших процессов о выпуске недоброкачественной продукции (Подольского машиностроительного завода, завода им. Рудзутака в Москве, завод «Красная Этна» в Горьком, завод им. Энгельса в Запорожье, Родниковский и Меланжевый комбинаты по ИПО и т. д.), давших существенные сдвиги в деле повышения качества продукции, что особенно явно отразилось на ряде предприятий Ленинграда (завод № 6, «Красная труба», «Электросвет»), Горьковского края и Московской области.

По ряду дел с успехом применялись формы открытого следствия с привлечением широкой рабочей и инженерно-технической общественности (по Подольскому заводу, заводу им. Рудзутака, Калининской фабрике, заводу им. Молотова, заводу им. Дзержинского в Одессе и т. д.).

За этот же период были приняты решительные меры к устранению волокиты при прохождении дел в различных инстанциях и к обеспечению участия прокуратуры республик, по всем делам, проходящим через верхсуды.

Положительные и отрицательные стороны работы прокуратуры и суда в деле реализации закона 8 декабря были исчерпывающе освещены на всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников.

Несмотря на это, в течение мая-июня 1934 г. работа органов суда и прокуратуры по реализации закона резко ухудшилась, а по ряду краев и областей оказалась свернутой, что констатировано было на оперативном совещании при прокуроре Союза ССР 2 августа и зафиксировано в директиве прокурора СССР от 5 августа. Прокуратуры краев и областей ослабили

работу со своим активом, что сразу отразилось на количестве и качестве возбужденных дел; хозяйственные и профсоюзные организации по-прежнему очень мало содействовали нашим органам в деле выявления виновников выпуска недоброкачественной продукции. В результате самотек в возбуждении дел, почти полное отсутствие дел по предприятиям тяжелой и оборонной промышленности.

До середины сентября положение мало изменилось, что было отмечено и в решениях 48 пленума Верховного Союза ССР.

Итоги работы органов прокуратуры и суда по делам по закону 8 декабря по 1 октября включительно характеризуются следующими данными¹.

Всего по Союзу ССР возбуждено дел 601, в том числе:

по РСФСР	447
по УССР	100
по БССР	11
по УзССР	13
Грузии	19
Таджикистану	6
Армении	6
Азербайджану	6

Однако из этого числа (601) нужно исключить большое количество дел, прекращенных в стадии расследования, — 148 дел (24,6%), прекращенных и переквалифицированных судом 1-й инстанции и Верховным—99 дел (16,4%). Таким образом всего полностью отпало 247 дел, или 41% всех возбужденных дел.

Переходя от средних данных по СССР за весь период действия закона, нужно сказать, что процент отмененных и переквалифицированных приговоров еще выше, если взять по отдельным республикам итоги работы судов за последнее время; так по РСФСР непрерывно растет процент приговоров, отмененных и переквалифицированных Верховным; если за период времени май—половина июля этот процент достигает 51,7%, то с 16 мая по 20 сентября 1934 года он достиг ужасающей цифры в 63,7%.

Этот огромный процент забракованной продукции судебной-прокурорских органов в первую очередь свидетельствует о крайне низком качестве работы следствия и суда 1-й инстанции на этом важнейшем участке работы. Это свидетельствует, во-вторых, о том, что прокуроры краев и областей не выполнили директивы Прокуратуры Союза о личном и повседневном наблюдении за расследованием дел 8 декабря.

В свою очередь прокуратуры союзных республик ослабили повседневное оперативное руководство органами прокуратуры на местах.

Со всей резкостью нужно отметить, что основной причиной большого понижения количества возбужденных дел является прямая недооценка значения закона со стороны прокуроров отдельных республик, краев и областей, ослабление внимания к этому участку работы за последний квартал 1934 г., недопустимый кампанийский подход к возбуждению дел по этому закону.

Никакие ссылки на отсутствие помощи в этой работе со стороны хозяйственников не могут снять ответственности за создавшееся положение с органов суда и прокуратуры.

¹ Приводятся данные на основании сообщений поступивших на 1 октября 1934 г. от прокуроров республик, краев и областей.

Это ослабление внимания особенно сказалось на качестве расследования этих дел в судах 1-й инстанции и кассинстанциях. Характерным примером полного отсутствия надзора со стороны областных и краевых прокуроров за расследованием дел 8 декабря, может служить работа донецкого прокурора т. Кумпикевича. В сводке, представленной в Прокуратуру Союза о возбужденных по закону 8 декабря делах на 29 сентября он сообщает, что по делу о выпуске некачественного огнеупора заводом «Красный октябрь», которое возникло в июле (и 17/VIII было возвращено на доследование помпрокурору), «лиц, проходящих по делу не известно», также неизвестно «о лицах, проходящих по делу» шахты им. Рухимовича, шахты им. Менжинского и шахты им. Ленина.

Таково «конкретное», «оперативное» руководство со стороны областного прокурора!

Другой пример безрукого «руководства» со стороны прокурора Саратовского края. По делу по обвинению работников МТС Дуванова и Насонова в выпуске из ремонта недоброкачественных тракторов, краевой прокурор обвинение, квалифицированное следователем по 111 ст. УК, переквалифицировал на закон 8 декабря.

Подготовительное заседание крайсуда переквалифицировало обвинение на ст. 111 УК, и дело было направлено на рассмотрение в народный суд, который однако вынес приговор по закону 8 декабря.

Несмотря на столь вопиющие процессуальные нарушения, кассколлегия крайсуда приговор утвердила.

Верхсуд, рассмотрев дело в порядке надзора, вовсе прекратил его (определение СКК Верховного РСФСР 14 августа 1934 г., № 82782), за отсутствием состава преступления.

Приведем еще более вопиющий пример неосновательного возбуждения дела и вынесения явно необоснованного и неправосудного приговора и отсутствия руководства со стороны прокурора Казахской АССР.

Главный инженер шахт № 6, 8, 9 Карагандинского углеуправления Лабортков был привлечен к ответственности за выпуск угля с повышенной зольностью и осужден по закону 8 декабря Казахским отделением Верховного РСФСР к 5 годам лишения свободы. Прокуратура и суд при определении превышения процента зольности не нашли нужным проверить имеющиеся материалы и принимали цифры на веру со слов свидетелей, не разбив эти цифры на два периода 1933—1934 гг. Между тем эта группа шахт в 1934 г. заняла одно из первых мест. Таким образом оказались привлеченными к уголовной ответственности работники шахты, имеющей лучшие качественные показатели. Приговор суда был основанным на показаниях зав. шахтами Асадулаева, оказавшегося аферистом, и на показаниях лжетехника, раскулаченного лишенца Лихачева. Суд и прокуратура не привлекли в качестве свидетелей ни одного рабочего и бригадира, которые смогли бы дать оценку как самому процессу работы, так и деятельности обвиняемого.

По делу не была привлечена экспертиза. В протоколе судебного заседания имеются исправления другими чернилами цифр зольности, причем никакой оговорки об исправлении не сделано.

По жалобе осужденного Прокуратура РСФСР внесла протест; СКК Верховного дела производ-

ством прекратила, а Президиум Верховного суда постановил: возбудить уголовное преследование и привлечь к судебной ответственности за неосновательное возбуждение дела в отношении Лаборткова ст. следователя, ведшего расследование по делу, Иващина, прокурора, утвердившего обвинительное заключение, Прокопенко, и за вынесение явно необоснованного и неправосудного приговора председателем заседавшего в судебном заседании по этому делу члена Казахского отделения Верховного суда РСФСР Балгина.

Особо следует остановиться на работе некоторых судов. Для примера укажем на Горьковский краевой суд и в частности на дело технического директора Муромского завода им. Орджоникидзе Курбатова и нач. ОТК Семкова; краевой суд определением подготовительного заседания от 10 сентября дело производством прекратил, положив в основу своего определения два обстоятельства: наличие договора с заводом-заказчиком (Московский завод «Красный пролетарий»), предусматривающего поставку недоброкачественных плашайб, и отсутствием материальных убытков. Несмотря на принсенный протест со стороны краевой прокуратуры, президиум крайсуда до 17 сентября протест еще не рассмотрел.

Эти примеры достаточно ярко характеризуют качество работы и органов прокуратуры и суда.

Из приведенных выше данных о количестве забракованных дел по закону 8 декабря вытекает, что органы прокуратуры еще не умеют нанести правильного удара по бракоделам.

Самотек в деле возбуждения преследования по закону 8 декабря виден из итоговых данных о распределении дел по отраслям промышленности (на 1 октября 1934 г.). Из 272 дел, рассмотренных судами 1-й инстанции и верховными, падает: на предприятия тяжелой промышленности—74 дела (27%), на предприятия по ремонту тракторов (МТС)—54 дела (19,8%), на предприятия легкой промышленности—65 дел (24%), на предприятия пищевой промышленности—48 дел (17,6%), на предприятия транспорта 13 (4,8%), на предприятия других отраслей промышленности — 18 дел (6,6%).

Между тем закон 8 декабря предусматривает ответственность за выпуск недоброкачественной продукции в первую очередь в тяжелой промышленности и промышленности оборонного значения; как видно из приведенных выше данных, эта директива правительства, несмотря на неоднократные требования и указания прокуратуры СССР, не выполнена.

Крательная политика органов прокуратуры и суда страдает меньшими дефектами. Из числа 243 человек, осужденных по закону 8 декабря (по неполным данным), падает: на ответственных руководителей предприятий (директоров, зам. директоров, технических директоров, пом. директоров, главных инженеров, нач. МТС, нач. шахт)—96 чел. (39,5%), на нач. цехов—42 (17,4%), на нач. ОТК—23 ч. (9,5%), на мастеров производственных цехов—46 ч. (18,5%), на контрольно-браковочный аппарат—19 ч. (7,8%) и на прочих работников—17 ч. (7%). Однако и эти данные не дают возможности признать положение благополучным, если учесть, что все еще привле-

кается значительное количество среднего технического персонала и что имеют место отдельные случаи привлечения к ответственности технических работников предприятий и даже рабочих, отнюдь не подлежащих привлечению к ответственности по закону о выпуске недоброкачественной продукции.

Избираемая судом при квалификации деяний по закону 8 декабря репрессия в основном правильна, т. е. лишение свободы не ниже 5 лет, причем в подавляющем числе случаев суд избирает именно 5 лет лишения свободы.

Таково действительное, довольно, к сожалению, неудовлетворительное положение дела с применением закона 8 декабря. От органов прокуратуры и суда сейчас требуется действительная борьба за реализацию закона 8 декабря и быстрое устранение всех недочетов в работе в целях реального проведения в жизнь директив партии и правительства.

Перестройка этой работы требует уяснения в основном двух вопросов: во-первых, что нужно понимать под недоброкачественностью продукции, во-вторых, каковы должны быть мероприятия по выявлению выпуска недоброкачественной продукции и установлению действительных виновников.

Выпуск недоброкачественной продукции, как неоднократно разъяснено прокуратурой СССР, это:

а) отправка заводом недоброкачественной продукции заводу-потребителю. Под недоброкачественностью надлежит понимать также дефекты в выпускаемой продукции, которые делают невозможным использование этой продукции по ее прямому назначению;

б) когда недоброкачественная продукция, хотя и не вывезена с завода, но прошла через ОТК (или замещающих их органов), поступила на склад готовых изделий и, обнаруженная на складе представителями других организаций или общественностью, забракована.

Нужно твердо помнить, что за внутриводской брак, т. е. за изготовление негодной продукции, но не выпущенной с завода, нельзя привлекать по закону 8 декабря.

Привлечение к ответственности руководителей заводов, изготовляющих продукцию, ранее у нас не изготовлявшуюся, может иметь место лишь в случае бесспорного установления, что завод, выпустив негодную продукцию, знал, что ее нельзя использовать по прямому назначению.

Следствие по всем делам 8 декабря, как правило, должно быть проведено открыто с привлечением широкой рабочей и ИТР общественности. К расследованию обязательно должна быть привлечена совершенно компетентная экспертиза.

Следователь обязан уяснить себе основные процессы производства продукции и точно разграничить ответственность лиц, привлекаемых в качестве обвиняемых.

Нужно особенно рекомендовать опыт Горьковской прокуратуры, которая попыталась связать группы содействия прокуратуре заводо-поставщиков и заводо-потребителей.

Такая связь несомненно окажет следствию и прокуратуре большую пользу.

Как идет работа по борьбе с обмериванием и обвешиванием потребителя

Со дня издания постановлений правительства от 25 июля и ЦК ВКП(б) от 26 июля о борьбе с нарушениями цен, обмериванием и обвешиванием потребителя прошло более 4 месяцев. Срок вполне достаточный для полного освоения этого постановления на практике и для подведения первых итогов проделанной работы.

Каковы же итоги работы органов суда и прокуратуры по проведению в жизнь постановления ЦК от 26 июля?

Надо признать, что прокуратура довольно быстро на этот раз сумела мобилизоваться на выполнение поставленной перед нею задачи и развернула в короткий срок довольно значительную работу.

Органами прокуратуры на местах много сделано для популяризации нового закона в массах, проведена большая инструктивная работа с рабочим активом органов юстиции и с контрольными общественными организациями торговых предприятий.

За короткое время резко возросло число дел, возбуждаемых в связи с обмериванием и обвешиванием. Если до издания постановления ЦК от 25 и 26 июля эти дела возбуждались в буквальном смысле единицами, то теперь они возникают за те же периоды десятками. Так, например, в Днепропетровской области из 100 дел, рассмотренных с 1 января по 1 октября 1923 г., за первые пять месяцев всего было рассмотрено 12 дел, в то время как в течение одного сентября закончено рассмотрением 25 дел; в Ленинградской области за июль месяц возбуждено 24 дела, а за август уже 132 дела (кроме гор. Ленинграда); по УССР за август месяц возбуждено столько же дел, сколько за все предшествовавшее время.

Сроки расследования и рассмотрения дел значительно сократились. Раньше дела о нарушениях цен (дел об обмеривании и обвешивании почти не было), как правило, тянулись многими месяцами, а теперь большинство их расследуется и рассматривается если и не в установленный Прокуратурой СССР 20-дневный срок, то все же довольно близко к этому сроку. Так, по данным Прокуратуры Ленинградской области, 80% всех возбужденных дел расследуется в срок до 20 дней и 15% до 30 дней; в Азово-Черноморском крае 82% дел расследуется в срок до 10 дней; в Харьковской области в этот же срок расследуется 76% всех дел и т. д.

Однако, приходится все же признать, что в работе суда и прокуратуры по проведению в жизнь постановления о борьбе с обвешиванием больше недостатков, чем достижений, и что первые более значительны, чем вторые.

Основной из недостатков — это нечеткость карательной политики, неправильное применение (вернее, неприменение) указанного постановления ЦК ВКП(б) от 26 июля с. г.

При ознакомлении с отчетными материалами республик, краев и областей о проведении в жизнь постановления ЦК от 26 июля обращает на себя внимание чрезвычайно высокий процент приговоров с исправительно-трудовыми работами. По УССР такие приговоры вынесены в

33,8% случаев, по РСФСР — 36,2%. Между тем постановление ЦИК и СНК СССР от 25 июля предусматривает, как известно, в качестве меры соцзащиты за обмеривание, обвешивание и превышение цен только лишение свободы. На каком же основании выносятся суды приговора о приговоре виновных в этих преступлениях к исправительно-трудовым работам?

Необходимо, правда, заметить, что в числе дел об обмеривании и обвешивании и нарушениях цен, рассмотренных судами после издания закона 25 июля, взятых при исчислении указанных выше цифр, находится не менее 1/3 дел, возникших до издания этого закона. Однако и после этой поправки факт неприменения к значительному числу виновных в обворовывании потребителя установленной законом меры соц. защиты остается в полной силе.

Анализ имеющихся отчетных материалов по вопросам борьбы с незаконными наценками, обмериванием и обвешиванием потребителя показывает, что факт этот является следствием таких причин.

Многие из работников суда и прокуратуры на местах (районы Ленинградской области, Харьковской и др.) считают, что постановления 25 и 26 июля должно применяться не ко всем делам об обворовывании потребителя, а только к наиболее крупным из них, таким, где расследование вскрывает хищения, участие классово чуждых элементов и т. д. Поэтом «рядовые» дела об обмеривании и обвешивании потребителя продолжают квалифицироваться по 105 ст. УК. Подобное понимание и применение указанного постановления является первой причиной высокого процента приговоров с исправительно-трудовыми работами по делам об обворовывании потребителя.

Разумеется, что такое понимание закона от 26 июля совершенно неправильно. По своему прямому смыслу он должен применяться ко всем тем случаям незаконных наценок, обмеривания и обвешивания покупателя, которые служат основанием для возбуждения против виновных уголовного преследования.

Однако меры соц. защиты, не связанные с лишением свободы, выносятся и по тем делам, где действия виновных квалифицируются по закону 25 июля. Делается это путем применения 51 ст. УК РСФСР (и соответств. ст. ст. УК др. союзн. респ.). В каких же случаях осуществляют суды это предоставляемое им исключительное право?

Оказывается, что осуществляется оно зачастую в тех случаях, когда вообще не находится оснований для осуждения обвиняемого. Однако, прекращать такие дела ни прокуратура ни суды сплошь да рядом не решаются. Происходит это, прямо надо сказать, из опасения вызвать нарекания со стороны торговых организаций, инспекции и местной печати, в «либеральном отношении» к преступникам, из опасения быть причисленным к тем, кто «прикрывает жуликов».

Нечего и говорить, что применение 51 ст. к случаям, когда не имеется вообще оснований

для вынесения обвинительного приговора, есть прямое и грубое извращение советских законов, которое ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не может быть допущено.

Другая причина вынесения приговоров с исправ.-труд. работами — действительно «либеральное отношение» суда и прокуратуры к преступникам, непонимание существа постановлений правительства от 25 июля и ЦК ВКП(б) от 26/VI; так напр. суды применяют 51 ст. к случаям умышленного систематического обвешивания, обмеривания и незаконных наценок, при отсутствии со стороны обвиняемых корыстности в совершении этих преступлений.

Между тем, постановление ЦК ВКП(б) от 26 июля, предлагая повести решительную борьбу с обворовыванием потребителя, совсем не ограничивает ответственности виновных в таком обворовывании случаями, когда это делается в личных, непосредственно корыстных целях.

Известно, например, что обвешивание потребителей и продажа товара по незаконно повышенным ценам зачастую производится для создания «резерва» на случай всевозможных недостатков и покрытия результатов бесхозяйственного ведения дела. Считать, что в этих случаях к виновным не должен быть применен закон от 25 июля, нет никаких оснований.

Все эти крупнейшие неправильности в карательной политике по делам об обмеривании, обвешивании и незаконных наценках должны быть отнесены за счет слабости оперативного руководства местами со стороны республиканских, краевых и областных органов суда и прокуратуры и до известной степени «кампанейского» отношения к осуществлению директив о борьбе с этими преступлениями. Как следствие этого, отмечается явная погоня за количеством возбуждаемых дел и ослабление внимания к вопросам качества работы.

Мириться с таким положением, конечно, никак не приходится. Вопросы качества работы, особенно при проведении такого касающегося массы людей закона, как закон 25 июля, должны занять первое место во всей оперативной работе органов суда и прокуратуры. Принятая на оперативном совещании у зам. прокурора СССР 13 октября (где слушались доклады с мест о проведении в жизнь закона 25 июля), резолюция обязывает органы прокуратуры проведением целого ряда мер, направленных на улучшение качества их работы.

Одним из первых шагов на пути к исправлению допущенных ошибок должна явиться сплошная проверка со стороны прокуратуры всех тех дел, рассмотренных после издания закона 25 июля, где были вынесены приговоры с мерами соц. защиты, не предусмотренными законом 25 июля. Одновременно должно быть обеспечено обязательное участие прокуратуры при рассмотрении в судах первой инстанции дел по закону от 25 июля и обязательная дача заключения прокуратуры в кассационную инстанцию.

Дела об обмеривании должны как правило расследоваться следователями, а не милицией.

Таковы те основные практические мероприятия, которые органы прокуратуры должны осуществить для того, чтобы улучшить качество своей судебной работы по проведению в жизнь директив партии и правительства о борьбе с незаконными наценками, обмериванием и обвешиванием покупателя.

Говоря о работе прокуратуры в этой области, нельзя не остановиться также на следующем, казалось бы, маловажном вопросе. Вопрос этот — взаимоотношения органов суда и прокуратуры с органами государственной торговой инспекции.

Как известно, на гос. торг. инспекцию правительством возложена обязанность предупреждения и выявления случаев незаконного повышения цен, обмеривания и обвешивания потребителей. Поэтому работа суда и прокуратуры по борьбе с этими преступлениями тесно связывается с работой органов инспекции, и поэтому между ними должен быть безусловный деловой контакт.

Органы инспекции жалуются на то, что прокуратура предъявляет невыполнимые и нецелесообразные требования по части составления актов. Требуется, например, указания во всех актах фамилий и адресов потерпевших в результате обмеривания или обвешивания потребителей. Поэтому работа суда и прокуратуры по борьбе с этими преступлениями тесно связывается с работой органов инспекции, и поэтому между ними должен быть безусловный деловой контакт.

Органы инспекции жалуются на то, что прокуратура предъявляет невыполнимые и нецелесообразные требования по части составления актов. Требуется, например, указания во всех актах фамилий и адресов потерпевших в результате обмеривания или обвешивания потребителей. Поэтому работа суда и прокуратуры по борьбе с этими преступлениями тесно связывается с работой органов инспекции, и поэтому между ними должен быть безусловный деловой контакт.

Органы инспекции жалуются на то, что прокуратура предъявляет невыполнимые и нецелесообразные требования по части составления актов. Требуется, например, указания во всех актах фамилий и адресов потерпевших в результате обмеривания или обвешивания потребителей. Поэтому работа суда и прокуратуры по борьбе с этими преступлениями тесно связывается с работой органов инспекции, и поэтому между ними должен быть безусловный деловой контакт.

Так, например, органы инспекции областей УССР, Северной и Средневожской краев РСФСР, Уральской области, Крымской АССР и др. сообщают в Наркомвнуртг СССР, Прокуратуру СССР и органы печати о том, что возбуждаемые ими дела об обмеривании и обвешивании остаются не расследованными ими и что рассмотренные судами дела составляют единицы. Между тем отчеты прокуроров этих же краев приводят десятки рассмотренных дел об обмеривании, обвешивании и превышении цен, возбужденных по материалам торговой инспекции. Выясняется, что неправильная информация инспекции является следствием отказа суда и прокуратуры давать инспекции сведения о состоянии возбуждаемых дел.

Такое положение никуда не годится. Между органами суда и прокуратуры, с одной стороны, и гос. торг. инспекцией — с другой, — должен быть установлен тесный деловой контакт. Навероятно, что краевые прокуратуры и уполномоченные инспекции Наркомвнуртга не могут между собой договориться по таким в достаточной степени ясным вопросам, как приведенные выше. Приходится предполагать, что дело не в невозможности, а в отсутствии желания договориться в интересах общего дела или уменья.

В настоящее время прокуратура СССР и Торговая инспекция Наркомвнуртга дают на места исчерпывающие указания по этим вопросам. Эти указания должны послужить основой для дружной совместной работы прокуратуры и торговой инспекции по проведению в жизнь директив партии и правительства о борьбе с обворовыванием потребителя.

Лучше руководить следствием

Борьба за качество — центральная проблема сегодняшнего дня во всех отраслях социалистического строительства. Решение задач качества является залогом углубления наших успехов на пути к бесклассовому социалистическому обществу. Это целиком относится и к качеству работы органов юстиции, призванных внедрять социалистическую законность.

Повышение качества работы судебно-прокурорских органов — это полное овладение техникой своего дела, лучшая организация своей работы, вооружение культурой и специальными знаниями, проявление революционной бдительности. Только при этих условиях суд и прокуратура выполняя свою роль органов подавления классовых врагов и их агентуры и воспитания широких трудящихся масс, выполняют почетную задачу укрепления социалистического правосознания и оправдают свою роль одного из важнейших звеньев в борьбе партии за искоренение пережитков капитализма в экономике и сознании людей.

Вся работа органов юстиции в целом должна быть поднята на уровень политических требований сегодняшнего дня. Органы юстиции всей своей работой должны показать на деле, что они достойны нашей великой эпохи и ее великих задач.

Нужно однако прямо сказать, что качество работы наших органов оставляет еще желать много лучшего. Качество и темпы нашей работы на ряде участков значительно отстают от требований поставленных перед органами юстиции задач.

Самым узким местом нашей системы, как это отмечено и в резолюции первого всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников по докладу т. Акулова, является следствие.

Борьба органов юстиции за социалистическую законность требует значительного повышения качества работы в области расследования.

Недавно Прокуратура РСФСР, проведя смотр качества следствия, специальным приказом отметила наличие лучших показателей работы в руководстве следствием в Московской областной и городской прокуратурах. Наряду с отдельными не изжитыми еще недочетами, над устранением которых этим прокуратурам еще придется серьезно поработать, прокурор РСФСР отметил такие достижения, как увязка следственной работы с производственными особенностями района; специальное внимание к делам, связанным с материально-бытовыми нуждами рабочих; увеличение количества законченных дел; сокращение сроков расследования; снижение процента прекращения дел; значительное расширение участия общественности в расследовании, в частности применение методов открытого следствия; снижение количества дел, возвращаемых на доследование; улучшение живого инструктажа.

Под этим углом зрения мы считаем небезытересным поделиться на страницах «За социалистическую законность» практикой и опытом работы Московской городской прокуратуры в области следствия.

С самого начала своего существования прокуратура г. Москвы (а существует она всего

около двух лет), помня указания Владимира Ильича о значении подбора кадров, повседневно боролась за качественный подбор следственного аппарата. Люди и руководство ими решают все. Тов. Сталин дал нам всем четкое указание, что «после того как дана правильная линия, после того как дано правильное решение вопроса, успех дела зависит от организационной работы, от организации борьбы за проведение в жизнь линии партии, от правильного подбора людей, от проверки исполнения решений руководящих органов» (курсив наш).

Постепенно повышая качественный состав следователей, Московская прокуратура, при поддержке Московского комитета партии, добилась значительного улучшения их материально-бытовых условий.

Еще во втором полугодии 1933 г. прокуратура г. Москвы на основе постановления НКЮ РСФСР от 25 августа провела целый ряд мероприятий, направленных к улучшению руководства расследованием со стороны горпрокуратуры и райпрокуроров.

В аппарате горпрокуратуры выделен был помпрокурора по следствию. На райпрокуроров была возложена обязанность и персональная ответственность за руководство следствием. Отчеты райпрокуроров по руководству расследованием заслушивались на камерных совещаниях.

В 1934 г., учитывая повышающиеся к органам юстиции требования, прокуратура г. Москвы пошла еще дальше по повышению качества руководства расследованием.

Большое значение имеет предоставление следователям возможности заниматься исключительно своими непосредственными обязанностями. Поэтому следователи были совершенно освобождены от несвойственных им функций (прием жалоб, просмотр надзорных дел и т. п.), а помпрокурора по следствию освобожден от всяких иных оперативных заданий и переклочен исключительно по инструктажу и руководству расследованием, причем инструктаж и обследование следственных дел в районах производится по определенному плану.

Все руководство было подчинено исключительно интересам повышения квалификации следователей. В этих целях помимо указаний, даваемых при обследованиях по конкретным делам и по делам, поступающим в горпрокуратуру, со всеми следователями г. Москвы по определенному плану, ежедневно, проводятся занятия-семинары по вопросам методики и техники расследования дел отдельных категорий по предварительно разработанной программе. Кроме того при помощи секции методики и техники расследования института уголовной политики со следователями г. Москвы проводились следственные упражнения в соответствии с темами, которые прорабатывались на семинарах. В этой части большую помощь оказали московским следователям лично тт. Акулов и Вышинский, сами проводившие под своим руководством отдельные занятия.

Все занятия-семинары проводились при активном участии следователей, которые предварительно, до семинаров, под руководством помпрокурора по следствию, прорабатывали тему по определенным тезисам.

На занятиях-семинарах и при следственных упражнениях прорабатывалась техника и методика расследования дел: по закону 8 декабря 1933 г., по хищению собственности, по задержке, невыплате и перерасходам зарплаты, об убийствах и самоубийствах, по качеству строительства и т. д. Прорабатывались и такие вопросы, как роль и значение бухгалтерской и медицинской экспертиз, о формах и методах вовлечения общественности в расследование и пр.

На семинарах подвергаются также проработке и серьезной критике недочеты расследования, выявленные в судебном заседании, причем устанавливается практика, что прокурор, выступавший по делу обвинителем, делает на семинаре информацию об обнаруженных дефектах.

На занятиях по технике и методике расследования серьезное внимание уделялось вопросу строгого соблюдения инструкции ЦК и СНК СССР от 8 мая. Следователям между прочим давалась твердая установка, что наличие директивы о том, что содержание под стражей возможно только с санкции райпрокурора, отнюдь не снимает с них ответственности за неосновательное содержание под стражей и неосновательное привлечение к уголовной ответственности. Особое внимание уделялось вопросу соблюдения сроков прохождения арестантских дел и получения отсрочек на продление расследования.

Этим самым внедрялось в сознание следователей чувство их повышенной персональной ответственности за качество расследуемых дел.

На занятиях со следователями заострялась необходимость и борьбы с упрощенчеством в следственной работе (в частности твердое соблюдение ст. 109 206 УПК).

В части живого руководства и инструктажа следователей, как указано выше, горпрокуратурой практикуются систематические обследования дел на месте, во всех районах г. Москвы с дачей по делам конкретных указаний.

Параллельно с конкретной оперативной помощью следователям и райпрокурору, помпрокурора по следствию изучал за определенный период времени (обычно за три месяца) нагрузку каждого следователя в отдельности, качество его работы, прекращенные дела. Этим самым достигалось серьезное изучение наших следственных кадров, индивидуализация следователей.

Помимо того систематически проверялось качество надзора за следствием со стороны райпрокурора, конкретность надзора, не нагружает ли райпрокурор нарследователя несвойственными функциями. Результаты этих обследований всегда обсуждались на совещаниях нарследователей и райпрокурора обследуемого района, а в ряде случаев специально ставились на оперативных совещаниях при горпрокуроре.

На еженедельных оперативных совещаниях при горпрокуроре райпрокуроры докладывают об оконченных за декаду следственных делах и о находящихся в производстве (по всем качественным и количественным показателям). На этих же оперативных совещаниях прокурор города и его заместитель дают развернутые указания по вопросам контроля и руководства следствием, а также и по конкретным делам.

Этим самым горпрокуратура достигла такого положения, при котором райпрокуроры не только осуществляют общее руководство след-

ствием, как это имело место раньше, но систематически и оперативно руководят конкретно следствием, следя за движением каждого дела и давая по ним указания.

На съезде колхозников-ударников т. Сталин указал: «Сила большевиков, сила коммунистов состоит в том, что они умеют окружать нашу партию миллионами беспартийного актива». Мы можем сказать, что улучшению работы следственного аппарата в Москве способствовало значительное усиление связи следователей с общественностью и участие общественности в расследовании.

Если в 1933 г. только незначительная часть следователей связана была с ГСП, то в 1934 г. положение резко изменилось, и в настоящее время на крупнейших предприятиях имеются 43 следовательских группы содействия. С членами ГСП следователи тесно связаны и ведут с ними систематические занятия.

Такое положение мы имеем с сосовместителями следователей, которых в настоящее время имеется 25, с которыми следователи ведут систематические занятия и конкретно руководят их работой.

Усиление связи с общественностью дало уже свои результаты.

Ряд крупнейших дел возбужден и проведен при активном участии общественности (группы содействия, сосовместителей, открытое следствие и т. д.).

Например:

1. Дело обозного завода им. Рудзутака по закону 8 декабря (очковтирательство работников дирекции и сдача некомплектного оборотного значения продукции) возбуждено по сигналам ГСП и проведено методом открытого следствия в цеху.

2. Дело Уршельского стекольного завода (недоброкачественная продукция — бутылки, реализованные по всему Союзу) возбуждено по сигналам ГСП и проведено методом открытого следствия на заводе.

3. Дело о расхищении 100 вагонов топлива на складе Ленинского райтопа возбуждено по сигналам ГСП.

Повышение качества руководства следствием и внедрение элементов социалистического соревнования между следователями и районами привели к значительному улучшению работы следственного аппарата как по количественным, так и по качественным показателям.

Среднее количество дел, оконченных каждым следователем в месяц, составляет 9,24. По отдельным районам количество дел, оконченных каждым следователем, значительно выше; так например, следователи Дзержинского района в среднем окончили в месяц по 12,3 дела и следователи Сокольнического района заканчивали ежемесячно с направлением в суд по 10 дел.

Правда, общие количественные показатели и не особенно высоки, по это объясняется особой сложностью и политической значимостью расследуемых московскими следователями дел.

Следствие по значительному числу направленных в суд дел проведено при активном участии общественности и методами открытого следствия.

Отдельные районы и следователи дают в этой части образцы работы. Так например, Пролетарский район провел 14 дел при участии общественности и из них значительную часть методом открытого следствия. Нарследователь т. Каганович провел с участием общественности

5 дел и принял по ним профилактические мероприятия. Расследователь т. Перлова по 9 делам провела профилактические мероприятия. Все это было достигнуто только за короткое время, и эти методы необходимо закрепить.

Решительность и меткость удара, как известно, в значительной степени зависят от быстроты расследования. И в этой области прокуратура г. Москвы также добилась серьезных сдвигов.

Несмотря на то, что мы по Москве имеем сложнейшие хозяйственные дела, темпы расследования значительно сокращены (за первый квартал 1934 г. в срок до одного месяца закончено следствие по 66,2% дел, во втором квартале — 77,4% и в третьем квартале — 83,2% дел).

В результате упорной борьбы за качество работы достигнуто и значительное снижение прекращенных дел (по сравнению с первым кварталом во втором достигнуто снижение на 3,5% и в третьем квартале на 9,5%). Однако успокаиваться на этих успехах никоим образом нельзя и борьбу за повышение качества необходимо продолжать.

Следует подчеркнуть, что прекращенные дела в подавляющей части относятся к расследованию в порядке проверки (без привлечения кого-либо к ответственности), чем в результате тщательного предварительного расследования значительно снижен процент неосновательно привлеченных к ответственности лиц. Вместе с тем наблюдаются еще факты направления следователям материалов, зачастую без судебной перспективы. На оперативных совещаниях при горпрокуратуре систематически заостряется внимание на этих недочетах.

По ряду дел были проведены мероприятия профилактического порядка, которые дали значительный экономический эффект.

Так, например:

На заводе им. Кагановича по материалам следствия коренным образом изменены методы и способы контроля и проверки готовой продукции.

Расследованием было установлено, что существовавший до этого на заводе метод проверки фактически портил шарикоподшипник и на основе произведенных следствием экспертиз завод стал применять другие, указанные экспертной методикой. Это повысило качество продукции.

По делу фабрики им. Бабаева была выявлена неудовлетворительная постановка способов хранения, упаковки и транспортировки продукции, что влекло за собой систематический брак продукции. По нашим материалам фабрика перестроила существовавшее до того положение, и качество продукции значительно повысилось.

За 1934 г. прокуратура г. Москвы добилась и значительного снижения процента возвращенных к доследованию судом дел. Так, в первом квартале возвращенные дела составляют 3,7%, во втором — 2,1% и в третьем квартале — 1,5%. Это также иллюстрирует значительное улучшение качества расследования.

Все перечисленные выше достижения работы прокуратуры г. Москвы в области следствия отмечены, как мы указали в начале настоящей статьи, специальным приказом прокурора РСФСР. Качество следствия в Москве значительно повысилось. По этим успехам должны равняться все остальные районы области.

Но и самой Московской прокуратуре и следователям г. Москвы нужно по-большевистски взяться за устранение и изжитие тех недостатков, которые в практике работы московского следственного аппарата еще наблюдаются.

Всю работу необходимо поставить под огонь большевистской самокритики, и только это явится залогом того, что мы добьемся действительного улучшения работы, в соответствии с возросшими требованиями настоящего момента.

Поднять всю нашу работу на более высокий культурный уровень, полное сыздание методикой и техникой расследования, поднять всю свою деятельность на уровень политических требований нашей партии — вот задачи, над разрешением которых необходимо работать и работать.

Я. Берман

Нельзя терпеть подобной работы

(О работе Вост.-Сиб. крайсуда и крайпрокуратуры)

Казалось бы, уже пора всем работникам юстиции понять, что ряд партийных и правительственных директив ставит перед нами задачу решительной борьбы за качество прокурорской и судебной работы.

Пора понять, что не случайно всесоюзное совещание прокурорских и судебных работников в центре внимания поставило вопрос о повышении качества работы органов юстиции, приняв целый ряд конкретных решений, указывающих, что для этого необходимо сделать.

Пора наконец понять всем работникам юстиции, что поставленная партией задача борьбы за революционную законность, за воспитание социалистического правосознания у широких масс трудящихся в первую очередь касается органов юстиции, их работы, что выполнение этой задачи зависит от того, как они привлекают к ответственности — основательно или без

разбора; от того, как они проводят следствие — добросовестно, вдумчиво, разбираясь в материале, действуя по закону или игнорируя закон, не считаясь с правилами процесса, безграмотно, не вдумываясь и не сознавая всей ответственности, лежащей на них. И наконец выполнение этой задачи зависит и от того, как они судят — учитывая все обстоятельства дела, оценивая все доказательства, давая возможность обвиняемому использовать все предоставляемые ему по закону права, строго оценивая и взвешивая со всех сторон выносимый приговор, сознавая, что им предоставлена власть в каждом отдельном случае решать вопрос о судьбе человека или, забывая обо всем этом, выносят приговор, не считаясь с доказательствами, материалами дела, делая выводы подчас на предположениях.

Все эти положения столь просты и элементарны, что навряд ли их следует комментировать.

вать. Если в отдельности спросить каждого работника юстиции—следователя, прокурора, судью, то он наверняка ответит, что все это ему понятно, что все сие он усвоил. Что он понимает политический вред неосновательного приречения к уголовной ответственности, сознает все вредные последствия плохо проведенного следствия и тем более понимает всю недопустимость неосновательного, необоснованного осуждения.

Мы совсем не хотим брать под сомнение всех работников юстиции. Хорошо понимаем, что у нас имеется немало следователей, прокуроров и судей, глубоко осознавших все требования, предъявляемые к ним партией и правительством как к представителям основных советских органов борьбы за социалистическую законность. И не только осознавших эти требования, но и проводящих их в своей работе, нестремившихся с этой целью свою работу. Но к сожалению немало еще работников юстиции, этих требований не усвоивших, своей работой показывающих, что никакая перестройка своей работы они не провели. Доказательством этому может служить Восточносибирская краевая прокуратура и краевой суд.

По делам Восточносибирского краевого суда Верховному суду РСФСР не раз уже приходилось выносить специальные постановления, давать указания о плохой работе, накладывать взыскания. Но все это повидимому проходило мимо руководства краевого суда и краевой прокуратуры. И одно из последних рассмотренных Верховным судом дел особенно ярко выявило все отрицательные стороны работы суда и прокуратуры, показало что у этого суда и прокуратуры нет заботы о качестве своей работы.

Дело это рассматривалось Восточносибирским крайвым судом 13—19 июля этого года. Проведено оно было как дело большого краевого значения. Суду было предано 16 человек. Вынесен был суровый приговор.

При рассмотрении в Верховном суде этого дела пришлось весь приговор отменить как вынесенный по необоснованным, нерассмотренным фактам и дело передать на новое рассмотрение с стадии предварительного следствия и всех обвиняемых, в том числе и приговоренных к суровым наказаниям, освободить под подписку о невыезде.

Как могло случиться, что приговоренные Восточносибирским крайсудом к 10 годам лишения свободы, при передаче дела на новое рассмотрение освобождены под подписку о невыезде?

Могло это случиться только потому, что в этом деле предали суду, обвинили и осудили людей абсолютно не разобрав, не изучив всего материала, что в этом деле резко расходились выводы обвинительного заключения и приговора с материалами дела. И повидимому потому, что и следователь, проводивший следствие, и прокурор, составивший обвинительное заключение, и прокурор, утвердивший обвинительное заключение (а его утверждал сам краевой прокурор т. Фридберг), и судья, председательствовавший в суде, — никто из них не удостоился познакомиться с материалами дела.

Для примера приведем одну часть определения Верховного суда, мотивирующую неправильность одного из обвинений, предъявленных осужденному Суворову: «Ему вменено в вину, что он вместо сдачи пушнины на экспорт стал по запискам разбазаривать ее, и таким образом он

отпустил пушнины частным лицам по себестоимости на 11 179 руб., из дела же и представленных документов видно, что пушнина, которая продавалась по распоряжению Суворова, неэкспортная; 2) что план заготовок пушнины выполнен в 1932 и 1933 г. с превышением и что за хорошую работу Суворов 3 раза премирован. В деле имеются документы, удостоверяющие, что Суворов работал зав. базой с апреля 1932 г. (л. д. 105 судопроизводства), из справки (т. 2 л. д. 71) видно, что отпущено Красноярской пушбазой ВСИ в 1931—1932 г. пушнины на сумму 11 179 руб., таким образом эти 11 179 руб. не могут быть полностью отнесены за счет Суворова, так как он в 1931 г. на базе не работал. Кроме того видно, что товары отпускались по распоряжению зам. директора ВСИ Сафронова Вайндорфом, Шариковым, Викуловым и Суворовым (л. д. 15 об т. 2 акт РКИ § 16)».

А прокурор в обвинительном заключении и вслед за ним судья, не смущаясь, разбазаривание экспортной пушнины на 11 179 руб. приписывают Суворову.

Примеров таких обвинений в этом деле мало. Обвиняемому Гудилову вменяется в вину разбазаривание по запискам, а в деле ни одной его записки нет. Всем обвиняемым ставится в вину самоснабжение и расхищение, из дела же не видно, когда это происходило, где, сколько, при каких обстоятельствах, а главное кем взято. В очень сложном хозяйственном вопросе о якобы неправильной отправке товаров на север прокуратура и суд повидимому просто запутались, не ознакомившись с этим вопросом сделали выводы, резко расходившиеся с цифровыми данными следственных материалов.

Но мало этого. Это дело избилует целым рядом особенностей, характеризующих методы работы В.-Сибирских суда и прокуратуры. Дело это тянулось до суда около года. Обвиняемые были заключены под стражу в сентябре—октябре 1933 г., а дело рассматривалось только в июле 1934 г. Может быть следствие тянулось очень долго? Оказывается совсем не тянулось, оно было окончено в декабре 1933 г. Обвинительное заключение было утверждено 15 декабря 1933 г., но оно лежало в крайпрокуратуре до 29 мая 1934 г., когда только и было передано в суд. Почему лежало? Это известно только одному крайпрокурору.

Вот как проводили дело большой политической важности в Восточной Сибири. Около года держали под стражей до суда, полгода из этого срока обвиняемые просидели, надо полагать потому, что краевой прокурор это дело внимательно изучал. «Изучив» это дело, он однако кое-чего не заметил: не заметил того, что его следователь и его прокуроры ничего не поняли в этом деле, не разобрались в нем. Однако обвинительное заключение он утвердил сам; как это могло случиться? Интересно, если бы т. Фридберг сам рассказал, как это могло случиться и отправил в суд. А председатель суда т. Касаткин, повидимому вообще лояльно и доверчиво относящийся к прокуратуре («Ведь прокуратура прислала дело! Зачем же его проверять, с какой стати знакомиться с ним в распорядительном заседании? Все это излишние церемонии, излишняя волокита»,—примерно так, повидимому, рассуждает т. Касаткин!), принимает дело, означает к слушанию. А что делать председателю т. Шевцову? Обвинительное заключение имеется. Его ведь подписал сам краевой прокурор! Что из того, что на суде выяс-

няется несколько другая картина, что представлены документы, опровергающие выводы обвинения; он пишет приговор по обвинительному заключению.

И в результате по существу безобразный приговор. Не охрана социалистической законности, а попираание социалистической законности. В результате приговор, который не только не может помочь воспитанию социалистического правосознания, а приговор, который может служить показом того, как не надо судить, как можно дискредитировать суд.

И этот приговор принадлежит не какомунибудь заходлульному нарсудье, а Восточносибирскому краевому суду.

Мы не делали бы всю историю с этим делом достоянием широкой гласности, если бы, как мы уже указывали, не было ряда серьезных предупреждений руководству Восточносибирского крайсуда о необходимости решительной перестройки своей работы. Рассмотренное дело не могло пройти без председателя крайсуда. Краевой прокурор сам приложил к нему руку.

Не является ли оно поэтому ярким показателем того, что они сами до сих пор не усвоили требований партии к органам юстиции, что социалистическая законность для них пустой звук?

Пора наконец понять всем без исключения работникам органов юстиции, что если партия доверяет им привлечение к ответственности и осуждение нарушителей социалистической законности, то от них самих требуется исключительно добросовестное выполнение требований этой законности. Нужно наконец понять и усвоить, что каждое дело для следователя, прокурора и судьи — это экзамен, проверка их подготовленности к выполнению своих обязанностей стоять на страже социалистической законности. И никогда, даже в отдельных случаях неправильного, необоснованного привлечения или осуждения — никаких оправданий для них быть не может!

Эту истину особенно должны усвоить руководители юстиции в Восточносибирском крае...

С. А. Голунский

О методике судебной экспертизы

В правовой литературе есть многое о юридической сущности экспертизы, тщательно разрабатываются в различных отраслях знания методы исследования материалов, составляющих объект различных отраслей судебной экспертизы, но вопрос о том, что именно должен делать работник органов расследования или суда, чтобы обеспечить наилучшие результаты экспертизы — совершенно не разработан. Поэтому такие вопросы, как вопросы о собирании материала для экспертизы, о постановке вопросов экспертам, об участии следователя в работе экспертов, и наоборот, об участии экспертов в следственных действиях и т. п. остаются до сего времени не проработанными и разрешаются в каждом отдельном случае как придется.

Между тем все эти тактические вопросы имеют громадное значение для успеха экспертизы. Можно иметь высококвалифицированного эксперта, но если не дать ему всего необходимого материала, экспертиза не приведет к цели. Можно иметь весь необходимый материал, но если вопросы экспертизы составлены неправильно, если они бьют мимо цели, экспертиза не только не поможет раскрытию преступления, но может вести расследование далеко в сторону.

Задача проработки методики судебной экспертизы — одна из наиболее актуальных задач, без разрешения которой нельзя добиться того решительного повышения качества расследования, которое в настоящий момент требуется от органов юстиции.

Конечно в объеме журнальной статьи нельзя исчерпать всех относящихся к этой теме вопросов, но хотя бы затронуть важнейшие из них необходимо.

Прежде всего встает вопрос о том, в какой момент расследования следует производить экспертизу. Следует ли делать это преимущественно в начале расследования или ближе к концу. Сколько есть дел, по которым вследствие запоздалого приглашения эксперта не удавалось разрешить наиболее существенных для дела вопросов, и наоборот, сколько раз экспертиза

приводила расследование к неверным выводам потому, что ее назначали слишком поспешно, заставляли эксперта работать над неполным материалом.

Подход к разрешению этого вопроса должен быть различен в зависимости от того, какого рода объект подлежит исследованию экспертизы. Если этот объект подвержен быстрым изменениям (например труп, обстановка места крушения поезда, пожарище и т. п.), чем скорее будет произведена экспертиза, тем лучше. В этих случаях каждый день промедления может привести к непоправимым последствиям.

Наоборот, в случаях, когда объект экспертизы не изменяется (например в случаях судебно-бухгалтерской, финансовой, экономической и т. п. экспертизы), излишняя поспешность может быть только вредна. Экспертиза такого рода даст тем большие результаты, чем обширнее материал, собранный расследованием к моменту производства экспертизы. Поэтому (если конечно есть уверенность, что существенные документы не будут скрыты, подделаны и т. п.), по общему правилу спешить с назначением экспертизы такого рода нет оснований. Если есть возможность предъявить обвинение до производства такой экспертизы, то целесообразно производить ее даже после привлечения обвиняемого, так как его участие в работе экспертизы гарантирует ее полноту и всесторонность.

Само собой разумеется, что если самый вопрос о привлечении данного лица в качестве обвиняемого зависит от выводов экспертизы, было бы явным извращением привлекать его без достаточных оснований, так сказать, авансом только для того, чтобы провести экспертизу с обвиняемым.

Очень важное значение имеет правильность вопросов, которые ставятся экспертизе.

По делу о невыплате зарплаты в одной из лесных организаций Северного края следователь поставил эксперту только два вопроса: как велика сумма задолженности на момент производства экспертизы, и с какого времени она об-

разовалась. На оба эти вопроса эксперт дал обстоятельные ответы.

На суде обвиняемый заявил, что задолженность только кажущаяся, так как зарплату выплачивали районные конторы и многие из них, произведя фактически выплату, задержали присылку ведомостей в центральное управление. Поэтому по счетам центрального управления вся сумма, выплаченная по этим ведомостям, продолжала числиться в задолженности. В подтверждение своих слов обвиняемый представил целые кипы ведомостей, разобраться с которыми суд в обстановке судебного заседания не имел никакой возможности. Дело было сорвано, и его пришлось обращаться к доследованию.

Само собой разумеется, что этого можно было бы избежать, если бы следователь до того, как назначать экспертизу, ознакомился как следует со структурой данной организации и с порядком выплаты зарплат. Тогда он вероятно поставил бы экспертизе еще третий вопрос: как велика сумма задолженности по зарплате по районным управлениям, и дело либо было бы прекращено, либо пошло бы в суд с вполне обоснованным обвинением.

Отсюда вытекает два существенных правила: во-первых, следователь, составляя перечень вопросов эксперту, должен ориентироваться в обстановке, в которой будет происходить экспертиза, а, во-вторых, к участию в окончательном редактировании вопросов желательно привлечь самого эксперта.

Обладая специальными знаниями в данной области, эксперт, если следователь ознакомит его с обстоятельствами дела, всегда сумеет усмотреть такие особенности, которых следователь может и не заметить.

Поэтому наиболее правильным следует признать такой путь: следователь намечает в общей форме те вопросы, разрешение которых необходимо ему для завершения расследования и потом вместе с экспертом уточняет перечень этих вопросов, применительно к особенностям того материала, которым будет располагать экспертиза.

В тех случаях, когда экспертиза бывает длительная (бухгалтерская, экономическая и т. п.) на практике обычно, расследование на время производства экспертизы приостанавливается. Признать эту практику правильной никоим образом нельзя, наоборот, именно в процессе совместной работы эксперта и следователя для расследования открываются широкие возможности.

Прорабатывая материал, эксперт наталкивается на пробелы в этом материале, на почве обстоятельств, неизвестных следователю, порой убеждается в причастности к делу таких лиц, которые совершенно не были в поле зрения расследования.

Само собой разумеется, что уже в процессе проработки материала, не ожидая окончания экспертизы, эксперт должен ставить следователя в известность о всех обстоятельствах такого рода, которые следователь может сразу же использовать.

С другой стороны, следователь во время проработки экспертом переданного ему материала восполняет следственным путем пробелы этого материала и обеспечивает таким образом полноту и доброкачественность экспертизы.

Все это требует постоянной совместной работы эксперта и следователя. Следователь, дав материал эксперту, вовсе не должен пассивно

дожидаться, пока этот материал не будет переработан.

Он должен в любой момент знать, что делает эксперт, какими методами он ведет проработку материала, что при этом выясняется, какие встречаются затруднения. Выводы эксперта не должны быть сюрпризом для следователя. Он должен знать, каким путем эксперт пришел к тому или другому выводу. Только тогда следователь может сознательно, а не наугад воспользоваться своим правом оценки выводов экспертизы; правом соглашаться или не соглашаться с этими выводами.

Эксперт также должен принимать активное участие в связанной с экспертизой расследовательской работе. Предположим, что эксперт-бухгалтер, оперируя с данными инвентаризации, ставит эти данные под сомнение. Лучшее, что можно сделать в таком случае — это выяснить путем допроса свидетелей, как, при какой обстановке проходила эта инвентаризация. Само собой разумеется, что участие эксперта-бухгалтера в допросе этих свидетелей будет в высшей степени ценно. Столь же ценно будет участие судебно-медицинского эксперта в осмотре места, где был найден труп, технического эксперта — в допросе очевидцев какой-либо аварии и т. п.

Очень серьезной проблемой является вопрос об участии обвиняемого в работе экспертизы. В нашей практике наблюдается в этом отношении два противоположных уклона, в равной степени нежелательных.

Иногда обвиняемого вообще не подпускают к экспертизе, она совершается в полной тайне от него. В других случаях, наоборот, следователь сводит обвиняемого с экспертом, представляя им разбираться с делом как им угодно. Такая практика в обоих случаях ведет к односторонности экспертизы. Участие обвиняемого во всех стадиях экспертизы, начиная с составления перечня вопросов и кончая оценкой заключения экспертизы, обязательно. Только при этом условии может быть уверенность, что выводы экспертизы действительно полны и правильны. Но это участие только тогда не даст вредных результатов, когда оно происходит под контролем следователя. Если следователь, как было указано выше, все время в курсе работы эксперта, в каждый данный момент знает, как и над чем работает эксперт, в каком направлении эта работа разветвляется, самому квалифицированному обвиняемому не удастся замазать дело, подсунуть эксперту специально подобранный, односторонний материал. В противном случае такая опасность всегда существует.

Само собою разумеется, что такой подход к работе со стороны следователя возможен лишь в том случае, если следователь, хотя бы в самых общих чертах, ориентируется в той отрасли знания, которой касается экспертиза. Если следователь полный невежда в этих вопросах — его участие вряд ли может к чему-либо привести. Отрасли знания, к услугам которых приходится прибегать судебно-следственным органам, крайне разнообразны (было дело, по которому пришлось прибегнуть к астрономической экспертизе) и быть в курсе всех этих областей следователь конечно не может. Но следователь безусловно должен иметь необходимый минимум познаний в тех областях, с которыми чаще всего приходится иметь дело. Такие отрасли экспертизы, как судебно-медицинская экспертиза, криминалистическая экспертиза, судебно-бух-

галтерская экспертиза, экспертиза документов, экспертиза оружия должны быть знакомы следователю. Необходимый минимум познаний в этих отраслях знания должен быть включен в программу техникума для работников расследования.

Громадный рост во всех отраслях хозяйства СССР при наличии бешеного сопротивления социалистическому строительству со стороны последних остатков разгромленного классового врага предъявляет к органам юстиции вообще и к органам расследования в частности, повышенные требования. Правильное расследование преступлений, при высоком развитии техники

во всех отраслях хозяйства невозможно без соответственного технического перевооружения самих органов расследования.

При этих условиях значение экспертизы всякого рода должно будет значительно возрасти. И не только должно будет возрасти количество дел, по которым применяется экспертиза, но и резко повысятся требования, предъявляемые к качеству экспертизы. Это ставит перед органами юстиции задачу не только подобрать соответствующие своему назначению кадры экспертов, но и научно разработать проблему экспертизы как важнейшей части учения о тактике и методике расследования.

А. Герцензон

Учет и статистика органов прокуратуры и решения 1 Всесоюзного совещания по уголовной статистике

1.

Решения XVIII съезда партии, ряд постановлений съездов и совещаний судебно-прокурорских органов со всей решительностью поставили вопрос о коренной перестройке учета и статистики и в органах юстиции. Дефекты в учетно-статистической работе органов юстиции явились фактом, тормозящим активную деятельность по борьбе с преступлениями. Необходимость созыва всесоюзного совещания по уголовной статистике таким образом вполне назрела, и Научно-исследовательский институт по уголовной политике совместно с ИССП Комкадемии, Прокуратурой СССР, Верховным судом и другими заинтересованными органами созвал такое совещание в июле 1934 г.

В работе совещания принимали участие руководящие работники юстиции, представители НКЮ РСФСР, Украины, Белоруссии, Закавказья, работники юстиции краевых и областных судов, руководящие работники по учету и статистике НКЮ союзных республик, а также и технические работники — статистики; в работе совещания приняли участие научные работники в области уголовного права и уголовной статистики — представители Института уголовной политики, ИССП Комкадемии, Всеукраинского и других институтов по изучению преступности, преподаватели уголовной статистики вузов Москвы, Ленинграда, Украины.

2.

Совещание обсудило основные методологические и организационные вопросы советской уголовной статистики и одобрило проекты статистической отчетности суда и прокуратуры, разработанные Институтом уголовной политики совместно с заинтересованными ведомствами.

Совещание констатировало, что наряду с крупными прорывами в теории советской уголовной статистики за истекший период времени ее существования должны быть отмечены недостатки и в области практической уголовной статистики. К числу важнейших недостатков в практической уголовной статистике должны быть отнесены следующие:

а) разрыв между данными милиции, прокуратуры, суда, исправительно-трудовых органов, лишающий возможности правильно ориентироваться в количестве и характере преступления;

б) крайняя недостаточность учета результатов оперативной работы, почти полное отсутствие учета результатов борьбы с преступлениями и сигнализации органами юстиции об оргхоз. недочетах, выявляемых в процессе следствия и суда;

в) недостаточное выявление классового лица привлеченных к уголовной ответственности;

г) недостаточно дифференцированный учет преступлений в работе органов юстиции по борьбе с ними по отраслям народного хозяйства;

д) явное неблагополучие с учетом преступлений несовершеннолетних;

е) совершенно недостаточный охват первичными статистическими документами преступлений, мер репрессии и мер профилактики, а равно и крайне скверное заполнение документов первичного учета;

ж) множественность и сложность форм отчетности, составляемых на периферии, и в связи с этим перегрузка низовых оперативных работников излишней статистической работой;

з) крайне низкий уровень аппарата органов юстиции и вытекающее отсюда скверное качество составления статсводок при почти полном отсутствии со стороны центров инструктажа областных и районных органов юстиции.

К числу наиболее существенных недостатков в организации научно-исследовательской работы по уголовной статистике нужно отнести:

а) отсутствие методологического центра по вопросам уголовной статистики;

б) отсутствие органа, объединяющего и систематизирующего данные уголовной статистики в союзном масштабе (из резолюции совещания).

3.

Констатируя перечисленные выше дефекты в уголовной статистике, совещание наметило следующие мероприятия по упорядочению, рационализации учета и статистики в органах юстиции:

А. В области сокращения, упорядочения и унификации отчетности органов юстиции

1. Вести с 1 января 1935 г. на всей территории СССР минимальную единую статотчетность судебных органов, построенную на следующих основных принципах:

производственное построение: борьба с преступностью в сельском хозяйстве (колхозы, совхозы, МТС, индивидуальный сектор, в промышленности по отраслям), в снабжении и торговле, на транспорте;

комбинированное построение: характеристика преступлений, классового состава осужденных и репрессий по основным отраслям народного хозяйства;

оперативность: соответствие форм, показателей и сроков отчетности задачам оперативной работы;

— разгрузка низовых оперативных органов от сложных статистических операций и сосредоточение статистической обработки в крае (области);

учет результатов оперативной работы; охват первичным статистическим документом всей системы показателей отчетности;

2. Произвести согласование основных форм и показателей статотчетности всех органов, ведущих борьбу с преступлениями, поручив Институту уголовной политики провести подготовительные мероприятия в этой области, в частности по линии статистики исправительно-трудового дела.

3. В целях осуществления единого учета преступлений считать целесообразным введение единой карточки учета уголовного дела и осужденного, приняв за основу проект, представленный НКЮ УССР и Всеукраинским институтом по изучению преступности, поручив окончательную разработку вопроса Институту уголовной политики (в Москве).

4. Возложить на Институт уголовной политики (Москва) научную разработку методологии уголовной статистики и составление общесоюзной сводки по уголовной статистике на основе республиканских сводок, для чего войти с соответствующим предложением в Прокуратуру СССР, Верховный Суд СССР и ЦУНХУ СССР.

5. Для наиболее полного оперативного использования данных уголовной статистики на местах, считать необходимым систематическую постановку на совещаниях по борьбе с преступностью докладов о движении преступлений и результатах оперативной борьбы с преступлениями.

6. Считать необходимым условием осуществления предложенных мероприятий, разрешение в общесоюзном масштабе (Верхсуд СССР и Прокуратура СССР) вопроса о штатах работников статгрупп крайоблпрокуратур, судов, верховсудов и юрмирований зарплаты, а также о централизованном снабжении (Прокуратура СССР и Верховный Суд СССР) органов юстиции бланками отчетности (из резолюции совещания).

Помимо перечисленных мероприятий совещание наметило ряд предложений в области подготовки и переподготовки кадров работников учета и статистики в органах юстиции.

Вниманию совещания был предложен целый ряд проектов общей и специальной отчетности судебных и прокурорских органов: 3 проекта судебной отчетности (Института уголовной политики, Верховного суда СССР и НКЮ РСФСР), проект единого учета преступлений (Всеукраинский Институт по изучению преступности и НКЮ УССР), проект отчетности прокуратуры и проект результативного учета для органов прокуратуры (Институт уголовной политики и Прокуратура СССР); совещание обсудило в порядке предварительной постановки вопроса и организацию учета судимости.

Из представленных проектов статистической отчетности судебных органов совещание одобрило проект Института уголовной политики и отклонило 2 других, поскольку они оказались крайне громоздкими и далеко не удовлетворяющими директивам о сокращении отчетности. Совещание поручило вместе с тем Институту уголовной политики учесть предложения Украинской делегации по введению единого учета преступности.

Проект статистической отчетности и результативного учета органов прокуратуры, внесенный Институту уголовной политики и прокуратурой СССР, был принят совещанием единогласно. Этот проект основывается на следующих принципах.

Всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников отметило, что:

«В соответствии с постановлением XVII партсъезда основным содержанием работы органов юстиции на данном этапе должно являться:

а) борьба с расхищением социалистической собственности; б) борьба за качество продукции в частности и в особенности с преступным выпуском недоброкачественной и некомплектной продукции; в) борьба за строжайшее выполнение законов советского правительства — строжайшее соблюдение государственной дисциплины; г) борьба за трудовую дисциплину и д) борьба с бюрократизмом и волокитой».

В осуществление задач перестройки работы органов прокуратуры немаловажную роль должен сыграть правильно налаженный учет и отчетность: для подытоживания результатов работы, для сигнализации могущих произойти искривлений в работе и т. д. Однако до последнего времени учет и статистика крайне недостаточно служили осуществлению этих задач зачастую являясь даже своеобразной помехой для их осуществления. Это на совещании прокурорских работников отмечалось целым рядом товарищей.

Поэтому перестройка учета и статистики в органах прокуратуры происходила под знаком резкого сокращения отчетности, придания ей максимальной оперативной гибкости.

В соответствии с решением совещания о перестройке работы прокурорских органов, статистическая отчетность в центре своего внимания поставила борьбу прокуратуры за социалистическую законность, за охрану социалистической собственности, за качество продукции, борьбу с бюрократизмом и т. д. Концентрируя свое внимание на работе по расследованию преступлений и по надзору за расследованием, на работе по судебному надзору, по надзору за исправительно-трудовыми учреждениями и т. д.

Задача учебно-статистической работы органов прокуратуры состоит не в формальном

подсчете количества прошедших дел, количества разного рода действий по прокурорскому надзору, а в всестороннем охвате результатов работы прокуратуры по соблюдению социалистической законности в нашей стране.

Поэтому статистическая отчетность прокуратуры теснейшим образом увязана с учетом результатов работы («результативный учет»).

Суммируя сказанное выше, можно свести задачи статистики органов прокуратуры к следующим основным положениям:

1. Точный и своевременный оперативный учет работы во всех звеньях и на всех участках работы прокуратуры.

2. Качественный учет результатов работы прокуратуры по охране социалистической законности.

3. Сигнализирование искривлений социалистической законности, новых форм классовой борьбы и проявлений преступлений на различных участках социалистического строительства.

В соответствии с этим учетно-статистическая работа органов юстиции распадается на следующие основные разделы:

а) борьба с преступлениями (возбуждение уголовного преследования);

б) надзор за органами расследования;

в) надзор за судебными органами;

г) надзор за исправительно-трудовыми учреждениями;

д) рассмотрение жалоб на нарушения социалистической законности;

е) надзор за деятельностью различных учреждений и организаций;

ж) общественно-политическая работа.

5

Статистическая отчетность органов прокуратуры установлена единая для всего СССР и состоит из краткого месячного отчета и развернутого полугодового отчета.

Краткий месячный отчет составляется с целью наиболее быстрой информации о деятельности следственно-прокурорских органов по борьбе с важнейшими видами преступлений. На учет взяты следующие виды преступлений:

А. Хищения социалистической собственности, квалифицированные:

1) по закону от 7 августа 1932 г.,

2) по ст. 162 УК (п. «г» и «д»).

3) по ст. 116 УК,

4) по другим статьям УК.

Б. Вредительское отношение к рабочему и продуктовому скоту, квалифицированные:

1) по закону от 7 августа 1932 г.,

2) по ст. УК.

В. Преступления, квалифицированные по закону 8 декабря 1933 г.

Г. Должностные преступления.

Месячный отчет охватывает таким образом 4 группы преступлений, борьба с которыми в настоящее время стоит в центре внимания прокурорских органов и сведения о которых руководящие органы должны иметь регулярно в кратчайший срок. Естественно, месячный отчет не только не заменяет собою текущую информацию, специальные донесения и т. д., но наоборот предполагает, что эти специальные виды донесений охватят наиболее серьезные случаи преступлений (контрреволюционных, хищений, бюрократизма, волокиты и т. д.).

Перечисленные 4 группы преступлений месячная отчетность учитывает по целому ряду признаков.

А. Возбуждено уголовных преследований прокурором и следователями:

1. Всего.

2. В том числе по преступлениям, совершенным в колхозах.

3. В том числе по преступлениям, совершенным в совхозах.

4. В том числе по преступлениям, совершенным в промышленности.

5. В том числе по преступлениям, совершенным в торгов., снаб. органах.

Эти пять показателей позволяют учитывать степень пораженности преступлениями различных отраслей народного хозяйства, а взятые в динамическом разрезе позволяют обнаружить изменение форм и характера преступлений на различных участках социалистического строительства. С другой стороны эти же показатели говорят об интенсивности работы следственно-прокурорских органов.

Б. Привлечено к уголовной ответственности по делам, возбужденным прокурором и следователями:

1. Всего.

2. В том числе трудящихся единоличников,

3. » » » колхозников,

4. » » » рабочих,

5. » » » служащих,

6. » » » нетрудовых элементов (кулаков и т. д.).

Показатели классового состава привлеченных к уголовной ответственности имеют значение не только для выяснения социального обмена преступников и его изменения, но и для проверки степени привлечения к ответственности различных элементов (классовых врагов, неустойчивых трудящихся и т. д.).

Следующая группа показателей учитывает движение дел в органах прокуратуры:

В. Движение уголовных дел:

1. Поступило уголовных дел из органов НКВД.

2. Направлено для доследования.

3. Направлено в суд.

4. Прекращено.

5. Осталось неоконченных следственных дел и дознаний.

Эта группа показателей позволяет учитывать и контролировать движение дел, отсеив их (прекращение), а также и остаток неоконченных дел как по делам, возбужденным прокуратурой, так и поступивших из органов НКВД. Поскольку эти показатели даны в комбинации с видами преступлений, месячный отчет дает возможность осуществить оперативный контроль работы прокуратуры по борьбе с важнейшими видами преступлений.

Следующая группа показателей позволяет контролировать быстроту движения следственных дел у прокурора и следователя:

Г. Длительность производства дел у прокурора и следователя:

1. До 10 дней,

2. От 10 дней до 1 месяца,

3. Свыше 1 месяца.

Месячный отчет органов прокуратуры, несмотря на его краткость, позволяет достаточно глубоко ориентироваться в текущей работе этих органов, с другой стороны, простота и краткость месячного отчета служит гарантией тому, что составление его не члится для районного прокурора излишней помехой в оперативной работе.

6

Полугодовой отчет прокурора распадается на 8 разделов:

1. Борьба с преступлениями.
2. Движение дел у следователей.
3. Надзор за соблюдением соцзаконности различными учреждениями.
4. Общественно-политическая работа.
5. Надзор за работой расследования органов НКВД.
6. Судебный надзор.
7. Надзор за исправ. труд. учреждениями.
8. Рассмотрение жалоб и газетных заметок.

Последующие разделы полугодового отчета дают числовую характеристику прочих видов оперативной работы прокурора и следователя. Учет оперативной работы дан в простейшем виде, и в таблице отсутствуют какие-либо комбинации признаков.

В соответствии с установками I Всесоюзного совещания прокурорских работников о перестройке работы следственно-прокурорских органов кварталный отчет в центре своего внимания ставит надзор за расследованием, судами, исправительно-трудовыми учреждениями и охраной материально-бытовых интересов трудящихся. Значительное место в отчете занимает надзор за соблюдением социалистической законности учреждениями и организациями. Наконец в отчете отражена общественно-политическая работа прокурора и следователя и участие в работе органов прокуратуры общественного актива.

Организационно-статистическая отчетность органов прокуратуры построена следующим образом.

Районная прокуратура ежемесячно составляет краткий статистический отчет о движении уголовных дел и раз в 6 месяцев — полугодовой статистический отчет. Краевая (областная) прокуратура в соответствующие сроки составляет краевую (областную) сводку, куда включает и свою собственную отчетность. Республиканская прокуратура по получению отчетов краевых (областных) прокуратур составляет общую сводку, направляемую в Прокуратуру СССР.

Помимо указанных двух форм статистической отчетности районная краевая и республиканская прокуратура по особому перечню преступлений представляет в Союзную прокуратуру непосредственно из района, края и республики по месту расследования преступлений сведения результативного учета.

Статистическая отчетность направляется в сопровождении обзора, в котором статистические данные подвергаются анализу наряду с использованием всех прочих материалов информации, которыми располагает прокуратура.

Ввиду большого разнообразия оперативной работы органов прокуратуры разработать единый документ первичного учета всех видов работы прокуратуры не представляется воз-

можным. Поэтому каждая отрасль работы, подлежащая освещению в статистической отчетности, имеет собственный документ первичного учета. Карточки на уголовные дела, рассмотренные прокуратурой, карточки опротестованных приговоров, карточки рассмотренных жалоб и т. д. — таковы документы первичного учета в статистической отчетности органов прокуратуры, одновременно служащие для оперативных целей.

Ввиду сравнительной простоты форм статистической отчетности органов прокуратуры составление месячного и полугодового отчета какой-либо трудности для работников прокуратуры не представляет, так как по большинству показаний дело ограничивается простыми подсчетами и лишь в отношении отчета о движении уголовных дел и о движении жалоб предусмотрена комбинированная разработка.

Месячным и полугодовым отчетом исчерпывается статистическая отчетность органов прокуратуры. Если месячная отчетность позволяет ориентироваться лишь в некоей, правда, важнейшей части работы прокуратуры, то полугодовой отчет охватывает уже все звенья работы прокурорских органов. Никакой другой статистической отчетности в органах прокуратуры не ведется.

Связующим звеном между статистической отчетностью и информацией в органах прокуратуры должен служить вводимый в настоящее время результативный учет по некоторым видам преступлений (некоторые виды хищений, выпуск недоброкачественной продукции, некоторые виды должностных преступлений).

Учет этот должен строиться следующим образом.

В борьбе с некоторыми видами преступлений на учет берутся три момента: 1) момент совершения преступления (или возникновение дела), 2) момент судебного приговора и 3) момент специального обследования прокурором того совхоза, колхоза, предприятия, где было совершено преступление, но уже через известный промежуток времени с той целью, чтобы установить, какие обще-политические и специально-профилактические результаты получились от проведения судебного процесса.

Соответственно этим трем моментам прокурором ведется специальный учет. На каждое уголовное дело заводится специальная учетная карточка, состоящая из трех отрезков. Первый отрезок заполняется и отсылается в соответствующие инстанции в тот момент, когда прокурору становится известным факт совершения преступления и предпринимаются определенные оперативные мероприятия. Второй отрезок заполняется в момент вынесения приговора и содержит уже более полные сведения как о самом преступлении, так и о преступнике и мерах наказания, а также и о частных судебных определениях, имеющих профилактический характер.

Наконец третий отрезок заполняется прокурором по прошествии известного промежутка времени по вынесении приговора — при посещении как уже указывалось, данного предприятия. В третьем отрезке отмечаются профилактические мероприятия, принятые для предотвращения аналогичных преступлений на данном предприятии, изменения в качестве работы всего предприятия или его отдельных звеньев, общий политический эффект от проведенного процесса и т. д.

Решения, принятые Всесоюзным совещанием по уголовной статистике в части организации учета и статистики в органах прокуратуры, в настоящее время уже утверждены в соответствующих инстанциях. Перестройка учета и статистики в органах юстиции, как указывали

на совещании т. Акулов, т. Вышинский, т. Берман и другие работники юстиции, является весьма важным звеном в общей перестройке работы органов юстиции, в деле еще большего укрепления социалистической законности в пролетарском государстве.

Б. Утевский

Международный тюремный конгресс 1935 года

Международные тюремные конгрессы собираются каждые пять лет.

Первый из длинной серии этих конгрессов состоялся, как известно, в 1846 г. Это был тот самый Брюссельский тюремный конгресс, которому К. Маркс посвятил специальную, полную бичующего сарказма статью, вскрывшую все лицемерие «филантропии», под флагом которой созываются тюремные конгрессы и которая призвана завуалировать действительные политические задачи конгрессов.

Эти политические задачи и их классовое содержание достаточно известны. Как только дело идет о борьбе с революционным движением, в какой бы форме эта борьба ни протекала, буржуазные страны забывают глубочайшие противоречия, раздирающие весь буржуазный мир, и выказывают необыкновенное единство и солидарность. Особенно ярко эта солидарность проявляется при происходящей мобилизации полицейских сил и уголовных розысков на борьбу с революционным движением, а также при унификации уголовной и тюремной политики, являющейся одним из острейших орудий белого террора.

Международные тюремные конгрессы представляют собою один из способов унификации системы тюремного террора. За столами тюремных конгрессов мирно объединяются и находят без всякого труда общий язык представители стран, ведущих между собою острейшую борьбу по всем вопросам международной политики. На этих конгрессах не требуется никаких прений и согласований для того, чтобы единогласно выносить десятки резолюций по важнейшим вопросам буржуазной уголовной и тюремной политики.

Мы говорим, — уголовной и тюремной политики — потому, что потребность международной буржуазии в срочном создании единого фронта против революционного пролетариата настолько велика, что в программу международных тюремных конгрессов стали за последние годы искусственно включаться и вопросы уголовной политики. Так было на последнем Пражском тюремном конгрессе 1930 г., так это имеет место и с программой предстоящего конгресса 1935 г., который созывается в центре воинствующего фашизма — в Берлине.

Все большему усилению тюремного террора, осуществляемому при помощи тюремных конгрессов, сопутствует немалая доза лицемерия и социальной демагогии.

С удивительным ханжеством, столь остро осмеянным еще Марксом в его статье о Брюссельском тюремном конгрессе, — конгрессы и последнего времени иногда не прочь прикрасить усиление террора либеральной фразеологией, способной впрочем обмануть только чересчур доверчивых слушателей и читателей.

Не трудно, однако в каждом таком случае разглядеть истинное лицо идеологов буржуазной тюрьмы, этих, — по выражению Маркса, — «филантропов», которые под флагом заботы о благе подсудимых и заключенных проводят самый бесчестный белый террор, направленный против революционного пролетариата.

Или, если в программе конгресса ставится вопрос об укорочении так называемых «процессов-монстров», — то делается это вовсе не для того, чтобы воспрепятствовать «преувеличенному и неразумному расширению судебного материала», как в этом пытаются уверить составители программы, а с определенной целью — дать суду возможность устранять из процесса свидетелей защиты и другие невыгодные для обвинения доказательства.

Явной социальной демагогией звучат такие вопросы программы, как например вопрос об организации убежищ для освобожденных заключенных. Достаточно известно, что в буржуазных странах помощь освобождаемым из тюрьмы не выходит за пределы частной благотворительности и ограничивается жалкими подаяниями немногочисленным заключенным, обнаружившим признаки христианского смирения и покорности в духе «донимающего исправления». Какие бы громко говорящие резолюции ни вынес конгресс по этому вопросу, они все равно никакого практического значения иметь не будут. Поэтому-то конгресс и может позволить себе в этом именно вопросе некоторый показной либерализм.

Как ни показательна для международных тюремных конгрессов некоторая доза социальной демагогии, ставшая традицией еще со времени Брюссельского конгресса, но не ради нее созывается предстоящий конгресс. Этому конгрессу ставятся гораздо более серьезные политические задачи. На него возлагается важное политическое задание — ликвидировать и сдать в архив последние остатки либеральной пенитенциарии и круто повернуть на чисто фашистские позиции в вопросах судебной и тюремной политики.

Не случайно, поэтому, предстоящий конгресс созывается именно в Берлине. Недалеко еще то время, когда после империалистической войны представители побежденной Германии с оскорбительным пренебрежением третировались на Лондонском тюремном конгрессе. Предстоящий же конгресс подчеркнуто созывается в Берлине, так как он должен придать международное значение тюремной теории и практике германских национал-социалистов. Даже безгласное ознакомление с программой конгресса со всей ясностью показывает, что конгресс пойдет на поводу у национал-социалистических криминологов и тюремноведов с их наиболее реакционной, наиболее варварской, наиболее кровавой теорией и практикой.

Программа конгресса составлена так называемой Международной комиссией по уголовному праву и тюремоведению, органом, действующим в период между тюремными конгрессами и в числе других задач подготавливающим программы каждого предстоящего конгресса. Программа Берлинского конгресса 1935 г. опубликована генеральным секретарем Комиссии профессором Симоном ван дер Аа и построена следующим образом: соответственно предстоящему разделению участников конгресса на четыре секции, и программа делится на секции: I. Законодательство, II. Управление, III. Предупреждение и IV. Молодежь. По каждой секции дается три вопроса, причем каждый вопрос сопровождается «объяснением».

Остановимся на группе тюремных вопросов. Наибольшего интереса заслуживает первый вопрос III секции. Его постановка означает полнейший отказ от всех сделанных в эпоху стабилизации незначительных уступок идеям либеральной пенитенциарии о воспитательной роли тюремного воздействия и возвращение на позиции неприкрытой идеи искупления преступником своей вины максимумом страданий и лишений, т. е. на позиции устрашающих наказаний, неприкрашенные уже более никакой либеральной фразеологией.

Вопрос сформулирован следующим образом: «В состоянии ли методы, применяемые в процессе выполнения приговоров, с целью воспитания и исправления (гуманизация выполнения приговоров, далеко идущие привилегии, значительное расшатывание уголовного принуждения при прогрессивной системе) привести к желательному результату?»

Верна ли вообще точка зрения, на которой основываются подобные устремления?

Не трудно увидеть, откуда дует здесь ветер. Редакция вопроса почти буквально воспроизводит ставшие уже избитыми в современной германской криминологической литературе фразы о «гуманитарном зуде» в эпоху германской либерально-демократической республики, о либеральном «размягчении» тюремной политики, о «распушенности» заключенных и тому подобным лозунгам национал-социалистических тюремоведов. Конечно, эти лозунги ни в коей мере не соответствовали жестокой действительности в германских тюрьмах. Но фашистские правительства не удовлетворяются уже обычными методами тюремного террора, и конгресс должен пойти навстречу этим потребностям. Фашистские тюремоведы хорошо знают, что именно в данный момент нужно их хозяевам.

Не только о решающем идейном влиянии германской фашистской уголовной и тюремной политики на решения конгресса, но и о самом неприкрытом заимствовании у творцов и идеологов этой политики их аргументации говорит и часть 2 второго вопроса II секции.

Вскоре после захвата власти национал-социалистами министр юстиции Керрль и статс-секретарь министерства юстиции Фрейслер заявили, что «будут устранены все эксперименты старой системы, которые основывались на ложном увлечении гуманизмом. Нельзя дальше допускать, чтобы жизненные условия арестованных были выше жизненных условий безработных».

Полностью заимствуя эти установки, программа конгресса соответствующий вопрос формулирует так, что ответ на него должен неминуемо воспроизвести аргументацию Кер-

рля—Фрейслера, а именно: «Надо ли при установлении жизненных условий заключенных считаться с условиями жизни свободного населения?».

Формулировка вопроса предreshает и формулировку ответа. Конгресс ответит на вопрос словами Керрля-Фрейслера.

В духе фашистской тюремной теории и практики составлены и другие вопросы программы Конгресса.

Принципиальное значение имеет вопрос о дальнейшей судьбе работ заключенных в буржуазных тюрьмах. Мы знаем, что одна из тяжелейших пыток, применяемых к заключенным в буржуазных тюрьмах, это пытка бездельем. Известно также, что даже в докризисные годы частные предприниматели, боясь конкуренции бесплатного труда заключенных, всегда требовали и добивались от своих правительств запрещения выпуска на рынок продукции тюремных предприятий.

Полное запрещение труда заключенных содействовало бы усилению тяжести тюремного заключения и шло бы в то же время навстречу частным предпринимателям, которые таким образом избавились бы от лишнего конкурента. Составители программы спешат удовлетворить оба эти требования. Но хотя и для ребенка ясно, какого ответа они ждут от конгресса, они не решаются поставить вопрос прямо и прибегают к следующей дипломатической форме: «Какое влияние оказывает во время кризиса безработица в промышленности и сельском хозяйстве на труд заключенных и при помощи каких мероприятий могут быть устранены или смягчены вытекающие отсюда вредные последствия?».

Разъяснение к этому вопросу расшифровывает, чего ждут составители программы от конгресса. «Этот вопрос, — говорится в разъяснении, — особенно своевременен и срочен. Господствующий повсюду хозяйственный кризис и вытекающая из него безработица значительно увеличивают трудности, на которые наталкивается организация труда заключенных даже во время хозяйственного расцвета. Обстоятельства вынуждают к предположению, что этот кризис еще долго будет давать себя чувствовать. «При таких условиях уместно собрать материал о неполадках, которые чувствуются в различных странах, и о мерах, при помощи которых пытаются их устранить».

Вопрос и разъяснение к нему дают возможность с полной уверенностью предсказать дальнейшую его судьбу. Труд заключенных конгресс отнесет к либеральным или даже «марксистским» затеям и даже жалкие подвиги мастерских в буржуазных тюрьмах будут окончательно ликвидированы.

Приведенных чисто тюремных вопросов программы достаточно для того, чтобы разглядеть настоящее политическое лицо предстоящего конгресса и его буржуазно-классовые задачи, идущие по линии ликвидации последних остатков либерализма в тюремной политике, усиления тюремного террора и заимствования тюремной политики германского национал-социализма всеми странами, представленными на конгрессе.

Несомненно Берлинский конгресс 1935 г. войдет в историю как первый фашистский международный тюремный конгресс.

Но ярко фашистским будет этот конгресс и в вопросах уголовной политики буржуазии.

Все без исключения вопросы этой группы имеют целью усиление судебного террора, развязывание рук суду в подавлении революционного движения и усиление репрессии. Подобно вопросам, относящимся к тюремной политике, и эти вопросы программы идут по фарватеру германского национал-социализма.

Серия вопросов уголовной политики открывается упомянутым уже нами вопросом о процессах-монстрах.

Вопрос ставится программой так: «Какие меры можно рекомендовать, чтобы ускорить так называемые процессы-монстры?»

Для того чтобы понять истинный смысл самой постановки этого вопроса, а также смысл следующего за ним «разъяснения», надо вспомнить, что в буржуазных странах все почти без исключения «процессы-монстры» последнего времени — это процессы, в которых на скамьях подсудимых сидят представители революционного пролетариата и в особенности члены компартий. Достаточно вспомнить многочисленные процессы коммунистов в Польше, Мирутский процесс, дело Дмитрова, многочисленные процессы коммунистов в современной Германии и др., чтобы стало ясно, против кого направлен вопрос об укорочении «процессов-монстров».

Из объяснения к этому вопросу нетрудно увидеть, что подготавливается небывалое ухищрение процессуальных прав подсудимых и предоставление суду неограниченного произвола по исключению из процесса любого доказательственного материала, идущего в пользу подсудимых и в ущерб обвинению.

Как дипломатично ни составлено разъяснение, как тщательно оно ни избегает выделения положения подсудимого, — но нетрудно увидеть, против кого этот произвол направляется.

В объяснении говорится: «Выяснилось при различных случаях, что обычные процессуальные правила и в особенности законы о доказательствах, предоставляющие подсудимому право на допущение всех доказательств, которые он желает привести, а также законы, предоставляющие аналогичные права обвинению, годны для процессов среднего размера, а в весьма крупных процессах ведут к преувеличенному и неразумному расширению процессуального материала. Тем самым ставится вопрос: можно ли в подобных случаях дать суду право решать вообще или по определенным правилам вопрос о пределах рассмотрения доказательств, или же какие другие меры могут быть приняты для укорочения и ускорения так называемых «процессов-монстров».

И здесь нетрудно найти следы влияния последних процессуальных новелл, изданных национал-социалистами в связи с организацией в Германии так называемых «народных судов», в которых подсудимые лишаются самых элементарных своих прав.

Под тем же знаком заимствования наиболее реакционных, наиболее варварских проведенных германского национал-социализма составлен и первый вопрос III секции («Профилактика»).

В этом вопросе речь идет о кастрации и стерилизации.

На этот раз вопрос средактирован так, что самая необходимость введения кастрации и стерилизации считается предрешенной. Спорными представляются только определение случаев, при которых кастрация признается допустимой, и правила, по которым она должна применяться («В каких случаях и по каким

принципам рекомендуется в современной системе наказаний применение стерилизации путем кастрации или путем вазектомии или сальфингектомии?»).

В разъяснении говорится: «Согласно очень распространенному в последнее время мнению для действительной борьбы с преступностью необходимо в центр уголовной политики поставить стерилизацию в той или другой ее форме. Так, она рекомендуется в качестве меры превенции, с целью воспрепятствовать рецидиву преступлений против нравственности, или как замена заключения в обычное или социальное учреждение или как мера евгеники, имеющая целью помешать тому, чтобы преступник с аномальным физическим или душевным строением производил детей. Может ли стерилизация рассматриваться как допустимая и, далее, как целесообразная мера? Надо ли требовать согласия преступника или же операция может быть произведена, не обращая внимания на его волю? Следует ли делать разницу между более или менее строгими формами ее применения? Таковы в числе других некоторые пункты, которые надо иметь в виду при рассмотрении вопроса. Вообще же многие страны уже давно или в недавнее время ввели эту меру в свое законодательство и могли таким образом собрать опыт, в то время как в различных других странах ее введение имеется в виду по проектам законов новейшего времени».

Принятие конгрессом положительного решения по вопросу о кастрации будет означать победу самых варварских, самых диких методов борьбы.

Одобрение Международным конгрессом этих методов и возможность ссылки на научный авторитет конгресса развяжут руки странам, которые еще не ввели у себя кастрацию.

Специально коммунистическую и антифашистскую пропаганду имеет в виду второй вопрос III секции. Этот вопрос ставится так: «Исла-тельно ли ввести в уголовные кодексы правила, дающие судье право запрещать лицам, совершившим преступление, связанное с их профессией, дальнейшее осуществление этой профессии? Как следует регулировать это запрещение? Как можно бы обеспечить действительность такого запрещения?»

Ясно, что это предложение направлено против революционных писателей, редакторов и издателей революционных антифашистских или просто оппозиционных газет и журналов, революционных художников и других работников интеллектуальных профессий, выступающих против правительств и против господствующего строя.

Программа Берлинского конгресса 1935 г. отражает все более растущий страх буржуазии не только перед революционным движением взрослых пролетариев. Буржуазии недостаточно уже драконовских законов, направленных против взрослых. В буржуазных странах все более нарастает, все более грозным становится юношеское революционное движение. «Будущее принадлежит тому, за кем пойдет молодежь», — эта мысль, которую особенно любил повторять Карл Либкнехт, слишком хорошо известна буржуазным идеологам. Организованная борьба с революционным юношеским движением становится поэтому одной из серьезнейших задач контрреволюционной буржуазии. Со всей своей тяжестью и беспощадностью обрушивается

буржуазная юстиция на юношей-правонарушителей.

Но оказывается мало уже тащить в суд и отправлять в тюрьму детей и юношей-правонарушителей. Надо отдавать под суд уже и тех из детей или подростков, которых буржуазная мораль или вернее буржуазная полиция признает «нравственно испорченными». И вот конгресс преподнесет пролетарским детям и юношам в буржуазном мире новое доказательство «заботы» о них. Вряд ли можно сомневаться в том, что конгресс утвердительно ответит на вопрос программы: «Следует ли дать детским судам право принимать меры не только против детей и юношей, которые соскользнули с прямой дороги, но также против детей и юношей, которые морально испорчены?».

Что такое «моральная испорченность» с точки зрения буржуазного детского суда — достаточно понятно.

Малейшее высказанное недовольство бесчеловечной эксплуатацией детского труда, принадлежность или даже простое сочувствие комсомольским организациям, выраженное вслух нежелание погнаться от голода, непосещение церкви или отказ распевать фашистские песни — все это будет без всякого колебания сочтено признаком «моральной испорченности» и повлечет предание суду, тюрьму и другие террористические меры против детей и подростков.

Самая мрачная полоса белого террора надвинется после принятия конгрессом второго вопроса III секции на пролетарскую молодежь.

Другой мерой «борьбы за молодежь» является предложение программы о предоставлении детскому суду права лишать родительской власти «недостойных родителей».

Можно не сомневаться в том, что «недостойными родителями» окажутся все члены коммунистической партии, все антифашисты, все непосещающие церкви и тому подобные «вредные» элементы.

Теоретики, собравшиеся на Берлинский тюремный конгресс 1935 г., самым наглядным образом продемонстрируют всему миру полную беспринципность буржуазной науки, ее неограниченную угодливость и готовность оправдать и объяснить самые варварские, кровавые феодальные методы расправы с классовыми врагами буржуазии. Все, что говорилось и писалось буржуазными криминологами и тюремоведами в течение десятилетия либеральной эры, все чему буржуазные теоретики учили в университетах, в докладах, в тысячах ученых трудов, книг, брошюр и статей, — все что они в частности говорили на международных тюремных конгрессах — все это перестает для них существовать с приходом к власти фашистов.

Берлинский тюремный конгресс явится не только конгрессом фашизации уголовной и тюремной политики, он будет конгрессом лицемерия, угодливости и беспринципности.

Рассмотрение программы Берлинского конгресса можно закончить словами Маркса о Брюссельском тюремном конгрессе, — словами, полными сарказма, в которых он указывал, что программа эта «как и все что исходит от господ филантропов, весьма ценна и является отблеском их прекрасных душ. К сожалению однако мы не находим в ней одного положения, а именно, чтобы каждый, кто пожелал бы выступить на конгрессе, предварительно по меньшей мере в течение двух лет в полном молчании подвергался издевательствам и исправлению в стенах одиночной камеры».

Вяч. Чернов

Покончить с безграмотностью

Совершенно очевидно, что современный этап социалистического строительства имеет ряд характернейших особенностей, предъявляющих повышенные требования ко всей системе нашей партийной и советской работы, ко всей системе руководства социалистическим строительством и широкими трудящимися массами.

И поэтому «Организационный вопрос занимает крупнейшее место на всех этапах нашего строительства, а сейчас он приобретает еще более глубокий и решающий характер. Во весь рост встают организационные вопросы именно теперь, в эпоху построения бесклассового общества» (Каганович, доклад на XVII партсъезде).

Одним же из центральных мест организационных вопросов является подбор, расстановка и подготовка кадров, ибо:

«Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план» (С т а л и н).

В соответствии с этим, решениями XVII партсъезда во всю ширь поставлены задачи выковки и воспитания высококвалифицированных и высококультурных кадров; во всю ширь поставлены задачи овладения техникой своего дела, повышения специальной квалификации,

марксо-ленинской подкованности и общего культурного уровня.

Выполнить полностью эти задачи, поставленные XVII партсъездом, каждый из наших работников сможет только тогда, когда он крепко и настойчиво возьмется за критический пересмотр своего «багажа», за пополнение его начиная с самых элементарных, самых начальных знаний. У нас же иногда отмечается иное: человек сразу берется за овладение высотами техники своего дела, берется за ряд сложнейших проблем и вопросов, не обладая подчас самыми необходимыми и самыми простыми запасами общих знаний. В итоге, при отсутствии систематической работы над пополнением своих общих знаний, у человека ничего не выходит, и он бессильно опускает руки.

Недооценка необходимости пополнения своих общих знаний, являющихся, я бы сказал, — фундаментом дальнейшего совершенствования, еще встречается.

И встречается не только у отдельных работников суда и прокуратуры, но и в системе подготовки новых судебно-прокурорских кадров. В современных условиях, в условиях огромнейшего культурного роста Страны советов, диктостью показалось бы утверждение, что мож-

но встретить районного прокурора с дипломом вуза в кармане и не умеющего писать без грамматических ошибок.

Однако это можно еще встретить.

Московский институт советского права. В его стенах готовятся высококвалифицированные работники суда, прокуратуры и ИТУ. Презюмируется, что в высшее учебное заведение приходят люди с определенным запасом знаний и культуры.

Минимальный запас этих знаний, установленный правилами приема, — девятилетка. Требование вполне обоснованное и правильное, ибо трудно представить себе человека, сидящего в аудитории вуза и не усвоившего начальной грамматики и четырех правил арифметики.

Трудно, но... тоже возможно.

Давайте проведем маленький экскурс по Московскому институту. Возьмите хотя бы конспекты людей, уже оканчивающих вуз, студентов третьего курса.

Роль и значение конспекта в учебной работе для всех очевидны. Недаром же стала ходячей перефразировка старой поговорки: «Какое конспект, таков и ответ».

Вот конспект по международному праву студентки III курса СПЮ; раздел этого конспекта озаглавлен: «проработка литературы по теме «невмешательство».

Немного ниже читаем: «Если какой-либо народ в силу своего народного суверенитета, то народ недовольный своей формой правления может скинуть власть и этим мероприятиям должно помочь постороннее государство».

Можно ручаться, что ни в какой литературе такой путаницы нет.

Дальше: конспект студента III курса ИТО. тоже по международному праву. Здесь вы ожидаете увидеть совсем другое. На первых же страницах вам бросается в глаза: «Изменение тактики».

Сразу чувствуется высококультурный и образованный человек, знающий даже иностранные языки и поэтому «машинально» путающий русский алфавит с латинским. Но давайте перевернем страницу:

«Переговоры Булита с Лениным 1919 г.

Договор с буллитом мы пошли и признания существования правительства на территории Царской России.

(Пространство и время), но они отказались заключить с нами договор».

Вы поняли что нибудь из этой «таинственной вязи» словесного набора. Я сомневаюсь в том, что и сам автор этого конспекта, при всех его «огромных способностях», смог бы разобраться в своих занятиях.

Но беда как этих, так и многих других конспектов не только в неумении четко и ясно изложить и сформулировать свою мысль, не только в неумении пользоваться конспективной записью не в ущерб содержанию и смыслу, а беда в азбучной грамматической и синтаксической безграмотности авторов этих конспектов.

Почему это, в приведенном выше конспекте, «буллитом» пишется с маленькой буквы, а «Царской» с большой, «Буллита» с большой, а «Лениным» с маленькой.

В конспектах зачастую нелады с написанием собственных и нарицательных имен существи-

тельных, сплошная путаница в расстановке знаков препинания.

Тетрадь этого же третьекурсника ИТО перстрит такими, например «перлами»: «Периоды Итервенции Советского Союза», «на Восточном Фронте», «Современная Литература» и т. д.

На доске «кто и что хочет прочесть», вывешенной у библиотеки, студент II курса собственноручной записью заявляет о желании прочесть книгу: «Ильфава и Петрова, Золоток Телок».

В стенных газетах вы встретите: «камсомольцы инстетута», «каждый студент должен знать, что он обязан прийти во время», «у нас нету время отвлекаться от учебы», «но потому как он слабый, мы иму как слаботому обязаны помоч каждый и все».

В коридоре вы увидите: «Объявления. Сегодня комсомольское собрание СПО».

Это не специальный подбор материала, не «вылавливание» с определенной тенденцией, а запись того, что мимоходом, само бросается в глаза.

И невольно напрашивается вывод: часть студенчества не в дружбе с грамматикой и синтаксисом.

Неряшливость в речи, в письме, грамматические ошибки не звучат диссонансом ни в выступлениях на семинарах, ни в письменных работах. И нередко в выступлениях студентов на семинарах можно услышать такие, например, изречения: «формой передачи вещи являлся манфиций» (это вместо мандиций).

К таким вещам как-то привыкли. И совершенно напрасно. Ибо неряшливость в речи и письме ведет к другому — к неряшливости мысли, неряшливости в проработке литературы. А все вместе взятое имеет прямое и непосредственное отражение на качестве учебы, не говоря уже о том, что трудно и ожидать хорошее качество учебы в вузе от человека, не осилившего грамматики и синтаксиса.

Примиренчеству с элементарной безграмотностью в стенах правового вуза нужно положить конец. Нужно не только изредка писать об этом в стенной газете (и то часто с грамматическими ошибками), упоминать об этом на собраниях, а нужно разработать ряд конкретных и действительных практических мероприятий и немедленно начать проводить их в жизнь.

Я не могу рекомендовать сейчас какой-либо исчерпывающей программы, но считаю целесообразным следующее: прежде всего резко поднять общественное мнение студенчества по вопросу недопустимости элементарной, азбучной, неграмотности и неряшливости письма и речи. Для этой цели можно использовать даже такие формы как выставку безграмотных конспектов и записей лекций.

К наиболее слабым в этом отношении студентам прикрепить более сильных для товарищеской помощи. Может быть даже будет более правильно, влияя студентов с низким общеобразовательным уровнем, свести их вместе и организовать для них общеобразовательные занятия (хотя бы по родному языку) в вечернее время по 2 часа 1—2 раза в шестидневку. Силами преподавателей курсов по подготовке в вуз, имеющих при институте, организовать консультацию по вопросам грамматики и син-

таксиса для всех желающих из числа студентов института. Установить практику выборочной проверки конспектов руководителями семинарских занятий с точки зрения правильности и ясности изложения основной мысли по проработанному материалу.

Повторяю, — это не исчерпывающий перечень мероприятий, а только некоторая наметка. Может быть принят целый ряд и других форм и методов работы в этом направлении.

Сейчас же пока ясно и бесспорно одно: не-

обходимо решительно и резко взяться за подтягивание общеобразовательного уровня некоторой части студенчества института, той части, для которой грамматика и синтаксис — «книга за семью печатями».

Иначе может случиться так, что институт при очередном выпуске даст некоторую часть неполноценных специалистов-правовиков, неполноценную в смысле их общего и культурного уровня, а следовательно и их специальной подготовки.

СУДЕБНО-НАДЗОРНАЯ ПРАКТИКА ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА

Неправильное применение постановления от 7/VIII 1932 г.

Линейный суд Северных ж.-д. 4/II 1933 г. по постановлению правительства от 7/VIII 1932 г. приговорил к 10 годам лишения свободы: Соколова Максима Васильевича, зав. снабжением фабрики Пух-перо; Сеферова Артема Авдеевича, зав. магазином № 3 ТПО и Мишкина Ефима Константиновича, пом. зав. магазином № 3 ТПО.

Соколов, будучи зав. снабжением фабрики Пух-перо договорился с зав. магазином № 3 ТПО Северной ж. д. Сеферовым об отпуске магазину 100 матрацев для стрелковой охраны МББ ж. д.

3/XII 1932 г. Сеферов вместе с представителем стрелковой охраны МББ ж. д. т. Гуреевым получил матрацы в количестве 100 шт., причём Сеферов уплатил за матрацы по 12 р. 99 к.

Когда же матрацы прибыли в магазин, пом. зав. магазином Мишкин отпустил их стрелковой охране МББ ж. д. по 24 р. 60 к. вместо 16 р. 25 к. Получилась излишняя сумма 835 руб., которую поделили между собой Сеферов и Мишкин, взяли по 180 руб., а Соколов — 200 руб. Вечером этого дня неправильная калькуляция стала известна директору фабрики Пух-перо т. Мурашеву, который поручил Соколову проверить и доложить РКК.

Соколов, как соучастник этого дела, стал уговаривать Сеферова и Мишкина, чтобы они вернули излишне полученные деньги — 835 руб., как ошибочно стаскированные, и 4/XII деньги были возвращены (л. д. 53).

Ввиду того, что в действиях осужденных нет признаков преступления, предусмотренного законом от 7/VIII 1932 г., и что ущерба от действий обвиняемых не последовало, Прокуратура Союза приговор линейного суда опротестовала в Судебно-Надзорную коллегию Верховного Суда СССР.

11 сентября с. г. Надзорная коллегия Верховного Суда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза и принимая во внимание: 1) что в действиях Соколова, Сеферова и Мишкина нет признаков хищения, а налицо злоупотребление своим служебным положением, 2) что преступление не доведено до конца и ущерба не последовало, так как деньги осужденными на другой день были возвращены, постановила переqualificировать преступление Соколова, Сеферова и Мишкина на ст. 109 УК, и меру наказания снизить до 2 лет лишения свободы каж-

дому и из-под стражи их освободить, считая неотбытый срок условным, с испытательным сроком на один год.

Неправильное привлечение к уголовному суду

Линейным судом Закавказской ж. д. осужден бывший ревизор 4 района Аветиков Артемий Артемьевич к 3 годам лишения свободы за самовольную и не отвечающую действительности посылку депеши о прекращении продажи плацкарт на пассажирский поезд № 60, незаконное оштрафование 2 колхозников, систематические выпивки при исполнении служебных обязанностей и за присвоение 758 р. 10 коп., взятых с пассажиров по штрафам денег.

Приговор лисуда был утвержден Транспортной коллегией Верховного Суда.

Прокуратура Союза приговор лисуда и определение Транспортной коллегии опротестовала по следующим основаниям:

1. Материалами предварительного и судебного следствия факт посылки депеши не проверен надлежащим образом. Подлинник депеши отсутствует, а имеется лишь копия его в деле, которая, по заявлению Аветикова, сфабрикована находившимся с ним во враждебных отношениях ДС Абуляном. Если же предположить, что Аветиков действительно послал указанную депешу, то такого рода действия должны быть рассмотрены исключительно в дисциплинарном порядке.

2. Оштрафование 2 граждан за незаконный провоз багажа действительно имело место, но, по заявлению Аветикова, он сделал это исключительно по просьбе уполномоченного ОГПУ и когда ему действующий ревизор поезда Мамедов предложил вернуть деньги этим гражданам, считая, что они оштрафованы неправильно, то Аветиков немедленно выполнил это распоряжение и деньги возвратил. Такого рода действия Аветикова также подлежат рассмотрению в дисциплинарном порядке.

3. Несколько случаев выпивок во время исполнения служебных обязанностей со стороны Аветикова действительно имели место, но и эти проступки тоже могли быть рассмотрены в дисциплинарном порядке.

4. Последнее и самое серьезное обвинение Аветикова в присвоении 758 р. 10 коп. не отвечает действительности, так как по материалам

дела с достаточной полнотой установлено, что из этой суммы у него похищено 658 руб. воров рецидивистом Мираковым, имеющим около 10 приводов за кражи. Что указанная сумма у него действительно была похищена, не только подтверждается заявлением Аветикова, но и обвинительным заключением, по которому Мираков привлечен к уголовной ответственности за эту кражу, но скрылся. Несмотря на то, что деньги в сумме 658 руб. у Аветикова были похищены, он через десять дней занял необходимую сумму и полностью внес числившиеся за ним 758 р. 10 коп., о чем в деле имеется официальная справка и из чего вытекает, что никакого присвоения и растраты со стороны Аветикова не было, а следовательно и не было основания привлекать его к уголовной ответственности. Если же допустить, что указанные проступки Аветикова в совокупности требовали привлечения его к уголовной ответственности, то ни в коем случае не вытекала правильность приговора с лишением его свободы сроком на три года.

Аветиков — рабочий, работал по найму 15 лет, б. нач. партизанского отряда, участвовал в боях с белыми, имеет прекрасные отзывы со стороны ряда старейших большевиков.

Рассмотрев протест Прокуратуры Союза, судебно-надзорная коллегия Верховного Суда СССР, принимая во внимание: 1) что самовольная, не отвечающая действительности, посылка депешей о прекращении продажи плакатов на пассажирский поезд № 60, а также незаконное оштрафование 2 граждан являются дисциплинарными проступками и должны быть рассмотрены исключительно в дисциплинарном порядке; 2) что недостача денег в сумме 758 р. 10 к. нельзя считать присвоением, так как по материалам дела установлено, что из этой суммы у Аветикова похищено воров-рецидивистом 658 руб. и кроме того, несмотря на то, что указанная сумма денег у Аветикова действительно была похищена, он все же через десять дней занял необходимую сумму и полностью внес числившиеся за ним 758 р. 10 к.; 3) а также учитывая хорошие отзывы об Аветикове, постановила: а) приговор лиссуда и определение транспортной коллегии отменить и дело в уголовном порядке прекратить, передав на разрешение в дисциплинарном порядке.

№ 109 ст., а закон 7 августа

Приговором линейного суда Омской ж. д. 11 августа 1934 г., утвержденным определением транспортной коллегии Верховного суда СССР 3 сентября, гр. Митрофанов Александр Николаевич был осужден по ст. 109 УК РСФСР к 6 годам лишения свободы за то, что он, будучи ответственным исполнителем орсса второго участка Казанского желдорстроя по распределению продкарточек среди рабочих строительств, с 28 апреля по 14 июня 1934 г. растратил 555 продкарточек.

Прокуратура Союза опротестовала приговор лиссуда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

1. Митрофанов признал факт растраты продовольственных и хлебных карточек. По его словам, большую часть карточек он передал шинкарям Шарикову, Акмулакову и другим в обмен на водку.

2. Признавая свою вину, Митрофанов вместе с тем указал на то, что растрата продкарточек

явилась результатом полного морального разложения руководящего состава орсса — начальни-ка, бухгалтеря Юмашева и др.

Предварительное и судебное следствие прошли мимо указанных выше обстоятельств. Шинкари, воспользовавшиеся несколькими сотнями продкарточек рабочих и их семей, не были привлечены к уголовной ответственности. Обстановка бесконтрольности в расходовании карточек в орссе не была вскрыта, указание Митрофанова на то, что эта обстановка создавалась на почве пьяной спайки и семейственности в орссе, не было даже проверено.

3. Несмотря на то, что дело в условиях Казанского желдорстроя имело огромное общественное значение, суд не обеспечил надлежащего рассмотрения дела: на суд был вызван только обвиняемый; свидетелей суд решил не вызывать — «ввиду ясности дела». Такого рода упрощенческий подход суда к делам, в особенности таким, как данное, свидетельствует о непонимании им директивы от 8 мая.

4. Квалификация обвинения по ст. 109 УК также неправильна. Митрофанов пропил 375 карточек рабочих первого списка, детских — 186; остальные — иждивенческие. По этим карточкам причиталось получить одного хлеба 112 566 кг, который фактически получен был шинкарями и собутыльниками Митрофанова. Налицо преступление, предусмотренное законом от 7 августа 1932 г.

По указанным выше соображениям прокуратура считала необходимым приговор линейного суда Омской дороги и определение транспортной коллегии отменить и дело обратить к новому рассмотрению со стадии предварительного следствия, поручив следственным органам привлечь к ответственности соучастников растраты карточек рабочих, в первую очередь шинкарей, с квалификацией действий непосредственных участников растраты по закону от 7 августа 1932 г.

Судебно-надзорная Коллегия Верховного Суда СССР протест Прокуратуры Союза удовлетворила и постановила приговор линейного суда и определение транспортной коллегии отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования.

Грубые нарушения УПК

Линейный суд Омской ж. д. 26/XI 1932 г. приговорил по закону от 7/VIII 1932 г. к 10 годам лишения свободы Овчинкину Елену Федоровну, 18 лет, за то, что она, работая в должности контролера-кассира сберкассы № 5 на ст. Акмолинск, якобы присвоила 5 996 р. 47 к.

Транспортная коллегия Верховного Суда СССР от 20/II 1933 г. приговор лиссуда утвердила.

В действительности же ни на предварительном, ни на судебном следствии это обстоятельство не доказано. Фактически установлена недостача лишь в сумме 989 р. 49 к., которую осужденная Овчинкина не отрицает и объясняет тем, что она по халатности ежедневно денег начальнику станции не сдавала, а оставляла их в столе, откуда они могли быть кем-либо похищены, или она в этой сумме по своей неопытности просчиталась. Что же касается 5007 руб., найденных у Овчинкиной при обыске в квартире под подушкой, то эта сумма не может быть признана ни присвоенной, ни похищенной, так как она значилась в документах и хранилась в квартире обвиняемой вследствие того, что в

сберкассе не было несгораемого шкафа.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала решение линсуда и определение транспортной коллегии. Рассмотрев протест Прокуратуры Союза, судебно-надзорная коллегия Верхсуда постановила переqualифицировать преступление Овчинкиной по ст. 109 УК и назначенную ей меру уголовного наказания снизить до 2 лет лишения свободы; а ввиду отбытия Овчинкиной указанного срока из-под стражи ее освободить.

**

Линейный суд (Западной ж. д. от 30/IX 1932 г. за хищение из вагона двух мешков пшеницы осудил по п. «д» ст. 162 УК к 5 годам лишения свободы приемщика Коробкина Ивана Макаровича и стрелочника Василенко Федора Антоновича.

Коробкин и Василенко были задержаны на месте совершения преступления и похищенная пшеница была у них отобраана. Оба осужденные состояли в колхозе и судились впервые.

Транспортная коллегия Верхсуда СССР 20/XI 1932 г. переqualифицировала их преступление по закону от 7/VIII 1932 г. и увеличила меру соизащиты до 10 лет лишения свободы каждому.

Определение транспортной коллегии было опротестовано Союзной прокуратурой как вынесенное с грубым нарушением УПК РСФСР.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры и принимая во внимание незначительность размеров похищенного, постановила: определение транспортной коллегии от 20/XI 1932 г. отменить, переqualифицировать преступление Василенко и Коробкина по ст. 162 и назначенную им меру уголовного наказания снизить до 2 лет лишения свободы каждому и из-под стражи освободить, считая неотбытый срок условным, с испытательным сроком на один год каждому.

Неправильное назначение лишения свободы

Проводник севастопольского резерва Булатов Эквер Мурадасинович (21 г., комсомолец) был признан виновным в том, что совместно с другим проводником Асан-Бекиром за провоз безбилетного пассажира получил взятку в 25 руб. и кроме того использовал служебное положение для закупки на ст. Скуратово и провоза к себе в Крым мешка картофеля.

Квалифицируя обвинение по ст. 109 УК, линейный суд приговорил 18 апреля Булатова к 8 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верхсуда приговор утвердила без изменения.

Считая обвинение обоснованным и приговор по существу правильным, Прокуратура Союза однако признала приговор линсуда и определение транспортной коллегии суровым и, имея в виду, что:

Булатов на транспорте проработал 2 месяца и преступление совершил под влиянием нездоровой среды проводников севастопольского резерва, приговор этот опротестовала.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза и принимая во внимание: 1) что роль Булатова в совершенных проводниками севастопольского резерва преступления наименее значительна, чем других, в то время как целый ряд из них приговорен к и. т. р., 2) что он совершил пре-

ступление под влиянием нездоровой среды проводников севастопольского резерва, постановила заменить ему лишение свободы — и. т. р. сроком на один год.

Необоснованное привлечение к уголовной ответственности

Приговором линейного суда Октябрьской ж. д. 30 апреля 1934 г. ДС ст. Рохья Октябрьской ж. д. Фадеев И. И. по ст. 117 УК был приговорен к лишению свободы сроком на 1½ года и пом. зав. складом Орск торфоразработок Леснов А. А. к 1 году и. т. р.

Фадееву вменялось в вину получение от Лесного в виде взятки 50 г чая, 2 кг хлеба, 1 л растительного масла и 1 кг конфет и представление указанной организации вне плана 2 вагонов под погрузку порожней тары.

Однако из документов, представленных Фадеевым в Прокуратуру Союза оказалось, что с 17 декабря 1933 г. он находился в отпуску, а с 18 декабря по 9 января проживал на ст. Угловка. Вагоны же были затребованы 29 декабря и не Фадеевым, а ДС ст. Рохья Вихровым и представлены по распоряжению ДНЦХ Захарова, причем ни Вихров, ни Захаров как на предварительном, так и на судебном следствии допрошены не были. Таким образом этот важнейший момент не был исследован, и указанные документы не были своевременно истребованы.

Фадееву вменялось кроме того в вину получение в виде взятки от руководителей торфоразработки за оборудование вагонов под рабочих торфяников 120 руб. Из имеющейся же в деле ведомости видно, что эти 120 руб. были Фадеевым уплачены разными суммами рабочим за сверхурочные работы, причем один из них — Демянюк получение 50 руб. признал, а остальные же не были допрошены ни на предварительном, ни на судебном следствии.

Фадеев на предварительном и судебном следствии показал, что указанную сумму он получил на основе существовавшего якобы договора. Однако договор также не был истребован, и это обстоятельство вообще не было исследовано.

Фадееву наконец вменялось в вину также и то, что он в виде взятки за погрузку колючей проволоки получил 40 руб. Получение указанной суммы Фадеев не отрицает, но он на предварительном и судебном следствии признал, что указанную сумму он передал гр. Демянюк для передачи грузчикам за произведенную ими работу. Данное обстоятельство Демянюк полностью подтвердил в своих показаниях.

По всем этим соображениям Прокуратура Союза сочла приговор линейного суда и определение транспортной коллегии Верхсуда Союза ССР, утвердившего этот приговор, неправильным и опротестовала их в судебно-надзорную коллегия Верхсуда Союза.

Надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза и принимая во внимание: 1) что предоставление 2 вагонов вне плана имело место во время отпуска Фадеева, 2) что полученные Фадеевым 160 руб. употреблены им на оплату сверхурочных работ, а не получены в виде взятки, постановила: приговор линсуда от 30 сентября 1934 г. и определение транспортной коллегии от 26 мая 1934 г. отменить и дело в уголовном порядке прекратить.

К ответу работников суда и прокуратуры, нарушающих революционную законность

Прокуратурой Союза было возбуждено уголовное дело против минского городского прокурора Коноплина и члена Верховного суда БССР Рогуновича, допустивших грубейшие нарушения революционной законности по делу колхоза «Ленинский путь».

Коноплин Николай Александрович, минский городской прокурор, наблюдая за следствием по делу колхоза «Ленинский путь», видел, по собственному признанию, недостатки предварительного следствия, в частности голословность обвинения в отношении Голенчика. Однако он утвердил обвинительное заключение, явно необоснованное материалами предварительного следствия. Дело в таком недопустимом виде было направлено им через прокуратуру республики в Верховный суд БССР. В марте 1934 г. (4—7 марта), участвуя в качестве государственного обвинителя по этому делу в выездной сессии Верховного суда БССР, Коноплин, отказавшись от обвинения Голенчика по закону от 7 августа 1932 г., обвинил его по ст. 69 УК БССР в организации экономической контрреволюции, причем это обвинение, направленное против одного Голенчика и отвергнутое уже Прокуратурой Республики, совершенно не обосновано материалами предварительного и судебного следствия. Несмотря на то, что суд признал Голенчика виновным не только по ст. 69 УК, но и по закону от 7 августа 1932 г., причем тенденциозно и недопустимо извратил в приговоре показания свидетелей, относящиеся к Голенчику, Коноплин не опротестовал этого приговора и не довел об его вопиющих недостатках до сведения прокурора республики или председателя Верховного суда БССР.

Рогунович Семен Борисович, назначенный председателем выездной сессии Верховного суда БССР по делу Пыстина, Голенчика и др., не проверил соответствует ли обвинительное заключение материалам предварительного следствия, хотя оно явно не соответствовало им. Убедившись во время судебного следствия, что предварительное расследование было проведено неудовлетворительно, небрежно и неполно, Рогунович не только не направил дела к рассмотрению, но столь же неудовлетворительно и небрежно провел и судебное следствие, не подвергнув подлежащей и тщательной проверке такие документы, как акты обследования колхоза «Ленинский путь», в частности ведомость об излишках и недостатках по бригадам (л. д. 217). Признав в приговоре виновным Голенчика

и по 69 ст. УК и по закону от 7/VIII 1932 г., Рогунович, писавший приговор, допустил явные извращения свидетельских показаний в отношении Голенчика. Так например в приговоре указывается, что Голенчик «закалывал овец по 40 штук ежедневно», а в деле имеется показание, что только один раз было убито 40 овец; в приговоре указывается, что Голенчик почти каждый день устраивал в своем доме попойки с должностными лицами колхоза, хотя в материалах имеются показания лишь о трех пьянках; в приговоре указывается, что Голенчик раздавал колхозную рожь, пшеницу и другое зерно, хотя ни одного случая такой продажи ни предварительным, ни судебным следствием установлено не было.

Несмотря на шаткость добытых судебным следствием материалов в отношении Голенчика, несмотря на то, что Рогунович, по собственному признанию, колебался при избрании Голенчику меры наказания, он не только не остался при особом мнении, не только не довел до сведения председателя Верховного суда БССР о своих сомнениях, но на устный запрос прокурора Гафта, который должен был дать заключение по приговору Прокуратуры Союза и Президиуму Верховного суда БССР, ответил что приговор основан на материалах дела.

Верховный суд Союза ССР приходит к заключению, что председательствовавшим в выездной сессии Верховного суда БССР Рогуновичем и выступившим по делу прокурором Коноплиным допущено совершенно нетерпимое в судебном деле халатное и небрежное отношение к своим ответственным обязанностям. Особенно преступно допущенное Рогуновичем извращение в приговоре свидетельских показаний и других обстоятельств дела.

Признав обоих виновными по ст. 196 УК БССР, Верховный суд Союза ССР приговорил:

1. Рогуновича Семена Борисовича, 37 лет, члена Верховного суда БССР, члена ВКП(б) с 1925 г., уволить с должности члена Верховного Суда БССР и запретить ему занимать ответственные судебные должности в течение трех лет со дня отстранения;

2. Коноплину Николаю Александровичу, 43 лет, минскому городскому прокурору, члену ВКП(б) с 1918 г. объявить общественное порицание.

Приговор окончательный и обжалованию в кассационном порядке не подлежит.

По союзным республикам

РСФСР

Горьковский край

Решения XVII съезда нашей партии были положены в основу работы I всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников.

Всесоюзное совещание приняло большевистскую программу практических действий органов юстиции, направленную к практическому

осуществлению поставленных съездом партии перед органами советской власти задач.

Исключительно глубокие по своему содержанию решения I всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников были в свое время судебно-прокурорскими работниками Горьковского края проработаны. Огромнейшая часть работников органов юстиции с большевистской решимостью проводит в жизнь указанные решения, однако отдельные работники

на деле не борются за исторические решения Всесоюзного совещания. Для иллюстрации приведем несколько примеров.

1. Артамонов Н. М. 7 октября 1932 г. похитил 10 шт. полозьев для саней, находившихся в лесу, принадлежащем колхозу «Красный луч». Похищенные полозья обвиняемым были возвращены. В краже обвиняемый признался.

Народный суд Починковского р-на рассматривая дело в отсутствие обвиняемого 16 ноября 1932 г., применил к нему закон от 7 августа 1932 г., определив меру соцзащиты — лишение свободы сроком на 10 лет, снизив меру соцзащиты в порядке ст. 51 УК до 3 лет.

Кроме определенной основной меры соцзащиты суд применил к нему конфискацию всего имущества.

17 ноября 1932 г. Артамонов был заключен под стражу.

Кассколлегия крайсуда, определением от 21 декабря приговор нарсуда отменила за нарушение ст. 265 УПК, выразившемся в мягкости приговора.

Народный суд Починковского р-на 22 февраля 1933 г. под председательством Куделькиной вторично рассматривал дело в отсутствие обвиняемого, хотя имел сведения, что Артамонов содержится в Магнитогорском изоляторе, выносит явно незаконный следующий приговор:

«Рассмотрев следственный материал, заслушав свидетелей, суд установил: Артамонов Григорий, 59 лет, неграмотный, единоличник, середняк. Дело Артамонова слушал 16 ноября 1932 г. был вынесен приговор на 3 года с применением 61 ст. УК и конфискацию имущества. Краевой кассационный отдел дело отменено направленного рассмотрение по причине той, что Артамонов не допрошен в суде и, второе, за мягкостью приговора.

По малограмотности секретаря суда в протоколе судебного заседания зафиксировано условно дело слушав в порядке 265 ст. УПК, а секретарь зафиксировал в порядке 208 ст. УПК. 16 ноября 1932 г. Артамонов в судзаседание о явке был извещен, но последний не явился не в судебное заседание, пришел тогда, когда уже был вынесен приговор, попался навстречу свидетелям по делу Захарову, председателю сельсовета.

Артамонов согласно следственным материалам и свидетельским показаниям в краже 10 колхозных полозьев сознался, но в данное время Артамонов заключен и для суда неизвестно, где находится. На основании вышеназложенного суд признал Артамонова виновным в краже 10 колхозных полозьев, действия Артамонова суд квалифицирует постановлением от 7 августа 1932 г. приговорил:

Артамонова Григория Михайловича подвергнуть лишению свободы сроком на 10 лет с конфискацией всего имущества, срок кассационный 14-дневный объявлен».

Приведенный приговор — политически вредный, юридически необоснованный, безграмотный, никчемный документ, который кроме издевательства над законом и явной дискредитации органов юстиции ничем собой конечно не представляет.

По приговору нарсуда от 22 февраля 1933 г. Артамонов будучи на полевых работах в своем хозяйстве, 27 июля 1934 г. арестовывается и направляется с явно незаконным приговором нарсуда в Арзамасский дом заключения. И только после вмешательства в дело краевой

прокуратуры Артамонов был из Арзамасского изолятора освобожден 15 августа 1934 г.

2. Нарсуд Вадского района под председательством народного судьи Сулимова 2 марта 1933 г., рассматривал уголовное дело по обвинению Анисова Якова и Лукина Бориса, оба колхозники, в том, что Лукин осенью 1932 г., будучи конюхом в совхозе «Новый путь», похитил мешок овса, хомут, две вожжи и один поперечник. Анисов из совхоза похитил два кубометра дров. Суд применил к ним закон от 7 августа 1932 г. и определил меру соцзащиты каждому по 10 лет, с конфискацией имущества.

Кассколлегия крайсуда 20/III 1933 г. приговор оставила в силе.

Президиум краевого суда в порядке надзора по докладу зам. предрейсуда т. Кулагина от 20 января 1934 г., отменил приговор нарсуда, переквалифицировал преступление Лукина и Анисова на п. «г» ст. 162 УК, определив меру соцзащиты по одному году исправительно-трудовых работ каждому.

Казалось бы, все в порядке. Явно незаконмерный приговор нарсуда, определение кассколлегии президиумом крайсуда отменены, судебная грубая ошибка исправлена.

В действительности исправление-то получилось на бумаге, а обвиняемый Лукин был освобожден 13 июня 1934 г. а обвиняемый Анисов 4 июня с. г., просидев таким образом Анисов 130 дней, а Лукин 141 день после прекращения дела, а всего по незаконному приговору почти полтора года.

По чьей же вине Лукин и Анисов сидели уже после постановления президиума крайсуда? Постановление президиума крайсуда было получено нарсудом Вадского р-на т. Сулимовым 5 февраля с. г., и только через 38 суток, т. е. 15 марта было направлено простой корреспонденцией в Арзамасский изолятор, где находились обвиняемые. Обвиняемые из Арзамасского изолятора 14 апреля 1933 г. были направлены в Балахнинский лагерь, постановление из Арзамасского изолятора было направлено 14 апреля 1934 г. в Балахнинский лагерь; последний же несколько месяцев ликвидирован.

По ликвидации Балахнинского лагеря обвиняемые были направлены — Лукин в Карагандинский, а Анисов — в Дмитровский лагеря. Народный судья Сулимов допустил явно преступное отношение к делу, несмотря на десятки раз посещения судьи женами осужденных — Лукиной и Анисовой. Уже после прекращения дела крайсудом судья не сообщил, что дело прекращено и случайно Лукина в начале июня узнала, что дело прекращено, настоятельно стала требовать выписку из постановления и после настоячивых требований постановления было направлено куда следует для освобождения Лукина и Анисова.

3. Нарсуд Слободского р-на 25/XI 1932 г. под председательством нарсудьи Местерова, рассматривая уголовное дело по обвинению Токаревой Анастасии и других в числе 6 чел. установил, что Токаревы Анастасия и Анна, работая на кожзаводе, похитили 19 подошв, т. е. уходя с работы из завода уносили по 1—2 подошве. Похищенное оценено по рыночной цене в сумме 280 руб.

Токаревы похищенные подошвы продавали, как это суд установил, Токареву Александру — 3 подошвы, Токареву Егору — 1, Пупцеву Александру — 1, а Токарев Матвей способствовал в сбыте похищенных подошв. Приговором нар-

суда определена мера соцзащиты по п. «г» ст. 162 УК: Токаревой Анастасии—2 года лишения свободы, Токареву Егору, Токареву Александру по ч. 1 ст. 164 УК и.-т. р. каждого, Токаревой Анне, Токареву Матвею по ст. 17-162 УК—по 1 году и.-т. р. каждому и Пущеву Александру по ч. 1 ст. 164 УК и.-т. р. 6 месяцев. К Токаревой Анастасии применена мера пресечения с немедленным заключением под стражу.

Кассколлегия под председательством т. Рубинштейн 14 декабря 1932 г. вынесла следующее определение:

«Нарсуд, определив меру соцзащиты обвиняемым, не оговорил применение ст. 51 УК поскольку преступление совершено после 7 августа; нарсуд должен применить санкцию этого закона. К применению же ст. 51 УК оснований нет ни к Токаревой Анастасии, ни к другим обвиняемым; кассколлегия определяет приговор нарсуда отменить и дело направить на новое рассмотрение. Меру пресечения изменить в отношении Токаревой Анастасии, т. е. взять под стражу».

Кроме незаконного по существу определения кассколлегии в нем есть элемент и механического подхода,—это видно из того, что кассколлегия, отменив приговор, предложила заключить Токареву Анастасию под стражу не обратив внимания, что она по приговору нарсуда была заключена под стражу 25 октября, т. е. в день суда.

При наличии такого невнимательного и неправильного определения кассколлегии нарсудья Слободского р-на т. Смольникова 14 января 1933 г. выносит определение — объявить розыск Токарева Матвея и Токаревой Анны, дело о всех обвиняемых назначить к слушанию на 19 января с применением закона от 7 августа. Народный суд Слободского р-на 19 января 1933 г., рассматривая дело под председательством нарсудьи Голозина, применил к обвиняемому закон от 7 августа и применил меру соцзащиты Токаревой Анастасии, Токаревой Анне, Токареву Егору, Токареву Александру, Токареву Матвею, Пущеву Андрею — по 10 лет с немедленным заключением под стражу. Указанный приговор был вынесен в отсутствии обвиняемых Токаревой Анны и Токарева Матвея.

Приговор народного суда кассколлегией под председательством т. Рубинштейна 14 февраля 1933 г. был утвержден.

Краевая прокуратура (правда с большим опозданием, только 3 мая 1934 г.) вошла с протестом в президиум крайсуда.

Президиум крайсуда своим постановлением от 19 мая 1934 г., соглашаясь с протестом прокурора, вынес следующее постановление:

«Квалифицировать действия обвиняемых Токаревых Анастасии, Анны и Матвея п. «г» ст. 162 УК, действия же остальных Токаревых — Александра, Егора и Пущева Александра квалифицировать ст. 164 УК, меру соцзащиты определить всем осужденным в 2 года лишения свободы, в соответствии с инструкцией от 8 мая снизить до 1 года и.-т. р., остальной срок считать условным; ввиду отбытия этого срока от дальнейшей меры социальной защиты и из под стражи освободить».

Означенное постановление с делом было направлено в нарсуд при отношении крайсуда от 28 мая за № 1. Р. 10, и о дальнейшей судьбе постановления в деле нет никаких следов.

В крайпрокуратуру 22 августа с. г. поступила от осужденного Токарева Александра через на-

чальника Хабаровского трудового лагеря жалоба, где он просит прокуратуру проверить дело в порядке надзора по затребовании дела, которое Слободским нарсудом выслано в крайпрокуратуру при отношении от 17 сентября и поступило в крайпрокуратуру 25 сентября с. г.

26 сентября крайпрокурор сделал распоряжение об освобождении Токарева Александра, а в отношении остальных пяти обвиняемых срочно запрошено о месте нахождения осужденных.

4. Нарсуд Ардатовского района 14 апреля 1933 г. приговорил Овчинникова Петра по ст. 61 УК к 10 годам с немедленным заключением под стражу.

На основании инструкции от 8 мая 1933 г. Овчинников освобождается из-под стражи 14 августа 1933 г., оставшийся срок заменяется одним годом и.-т. р.

21 июня крайколлегия по разгрузке постановила заменить Овчинникову содержание под стражей направлением его в трудпоселок ОГПУ; на основании этого постановления 20 октября 1933 г. Овчинников арестовывается.

31 марта 1934 г. по протесту прокурора президиум крайсуда дело Овчинникова прекратил. Несмотря на постановление президиума крайсуда, по неизвестной причине крайсуд 19 апреля 1934 года Овчинникову заменяет 5 годами лишения свободы и только 2 августа 1934 г. мытарство Овчинникова кончилось, он был освобожден по распоряжению зам. предкрайсуда тов. Кулагина. Таким образом Овчинников с 14 апреля 1933 г. по 2 августа 1934 года незаконно содержался под стражей.

5. Нарсуд Починковского района 11 мая с. г. слушал уголовное дело по обвинению Белоусова, Кабанова, Ануфриева, Рогожина, Жихарева, Булычева, Хазова и Слонова. Материалом следствия и судебным следствием было установлено, что обвиняемые по предварительномуговору организовали срыв весеннего сева среди 200 хозяйств единоличников в с. Кочкурове. Обвиняемые были организаторами срыва сева, для чего провели собрание 25 апреля, а 27 апреля, пользуясь темнотой единоличников, организовались и пришли к сельсовету с требованием выделить от колхоза землю.

Обвиняемый Белоусов, в прошлом служащий жандармерии, остальные обвиняемые—лишenci.

Нарсуд по ч. 3 ст. 61 УК приговорил их к ссылке на разные сроки от 3 до 8 лет.

Кассколлегия крайсуда по докладу члена крайсуда т. Александрова приговор отменяет, а дело прекращает.

Нужно отметить, что определение кассколлегии слишком обширное, изложено на двух печатных страницах. Мы не имеем возможности остановиться подробно на его содержания — но нужно заметить, что это распространенное определение ничего общего не имеет с материалами дела, а основано на дополнительных документах, представленных представителем защиты, как это объяснил потом в президиуме крайсуда Александров, а в деле этих документов не было.

По протесту прокурора президиум крайсуда определение кассколлегии и приговор нарсуда отменил, направив дело на доследование.

Дело было вторично рассмотрено выездной сессией крайсуда в с. Кочкурове 7 сентября; суд приговорил обвиняемых на разные сроки от 4 до 10 лет лишения свободы, квалифицировал преступление по ст. 58 УК.

Приведенные нами факты со всей очевидностью доказывают как отдельные работники допустили в своей практической работе явно грубейшие политические ошибки и издевательство над законом от 7 августа и инструкцией от 8 мая, совершенно забыв о требованиях ст. 420 УПК и циркуляра НКЮ от 19 ноября 1932 г.

По указанным фактам для выявления конкретных виновников, допустивших незаконные действия, крайпрокурором даны были в свое время распоряжения о производстве следствия, но до настоящего времени никто еще не наказан.

Совершенно неправильно будет думать, что в перечисленных фактах виновны только судебные работники. Такой вывод будет неправилен потому, что за каждый неверный приговор отвечает как судья, так и прокурор, который не опротестовал в нужное время незаконный приговор. Больше того, прокурор отвечает за правильность и закономерность возбуждения уголовного дела, руководит следствием, следит и отвечает за полноту и доброкачественность следствия и следит за правильным применением меры пресечения, за правильностью приговора, за закономерным содержанием под стражей и организацией дела по переводу заключенных в места заключения.

Именно поэтому в перечисленных неправосудных приговорах вина в равной степени относится к прокурорским работникам.

Только дружная, боевая, большевистская работа по борьбе за укрепление революционной законности гарантируют нас в будущем от повторения подобных ошибок.

Как не надо бороться за технику безопасности

Президиум Верховного Суда РСФСР, заслушав 16 сентября 1934 г. доклад старшего пом. прокурора Союза ССР т. Рогоинского о привлечении к ответственности в Прокопьевском районе Западносибирского края специалистов и хозяйственников по делам о технике безопасности, принял постановление, в котором констатируется: что несмотря на то, что основная масса этих дел (46 из 66) относится к нарушению правил по технике безопасности, а остальные также в той или иной степени связаны с организацией производства, проведение этих дел не дало должных результатов в смысле улучшения организации производства и охраны труда рабочих.

Эти положения объясняются самотеком в деле возбуждения дел, отсутствием организации вокруг их проведения рабочей общественности, широких инженерно-технических масс и хозяйственников.

В результате полного отсутствия политической заостренности в проведении дел, связанных с обеспечением техники безопасности и лучшей организацией производства, в Прокопьевском районе имело место формально-бюрократическое отношение к проведению этих важнейших дел, массовое их возбуждение наряду с огульным привлечением к ответственности инженерно-технических работников, без какого бы то ни было политического и хозяйственного эффекта.

Это в полной мере подтверждается ростом несчастных случаев в Прокопьевском районе.

Отмечая формальные методы предварительного следствия и чрезвычайно низкое его каче-

ство, в полной мере характеризующееся формулой следователя Григорьева... «обвиняемый виновности себя не признал, но доказать своей невиновности не мог», считающего этим задачу по определению виновного исчерпанной, и не менее формальное и низкое по качеству судебного следствие, сопровождавшееся рядом грубейших нарушений процессуальных норм, Президиум Верховного Суда РСФСР постановляет:

1. Констатировать отсутствие должного наблюдения со стороны руководства суда и прокуратуры за расследованием и рассмотрением этих дел в нарсуде Прокопьевского района, в результате которого имело место огульно массовое привлечение специалистов, не было обеспечено должное качество следствия и судебного процесса и допускалось грубейшее нарушение процессуальных норм. (Не вручались обвинительные заключения, отсутствовали подготовленные заседания, не велись протоколы судебного заседания, выносились заочные приговоры и т. д.).

2. Учитывая все значение дел, связанных с обеспечением техники безопасности, особенно в угольных и металлургических районах края и имея в виду, что изучение прокуратурой СССР означенных дел свидетельствует о полной неподготовленности нарсуды Прокопьевского района к работе на этом ответственном участке, предложить крайсуду:

а) снять нарсудью Прокопьевского района с работы в данном районе, обсудив вопрос о возможности оставления его на судебной работе и других районах края;

б) пересмотреть весь состав нарсудей на основных участках соцстроительства Западносибирского края;

в) установить такой порядок рассмотрения этих дел, при котором они мобилизовали бы инженерно-технических работников и хозяйственников на точное соблюдение правил по технике безопасности, не допуская при этом массового привлечения к ответственности специалистов и хозяйственников, в соответствии с директивами Наркомюста Верховного Суда РСФСР и Прокуратуры СССР о привлечении к ответственности специалистов;

г) организовать в крайсуде учет дел, связанных с обеспечением техники безопасности;

д) обеспечить при проведении дел строгое соблюдение процессуальных норм;

е) немедленно командировать одного члена крайсуда в Прокопьевский район для правильной постановки работы нарсуда на месте, возложив на командированного выполнение обязанностей старшего нарсудьи, при этом возвращение командированного в крайсуд к своей обычной работе произвести лишь по заслушании на президиуме крайсуда его доклада о проделанной работе и по признании крайсудом положения в Прокопьевском районе выправленным.

3. Заслушать на Президиуме Верховного Суда через 2 месяца доклады председателя Западносибирского крайсуда об итогах реализации настоящего постановления.

4. Поставить перед Прокуратурой Союза ССР вопрос о принятии по линии прокуратуры мер по улучшению качества следствия, сокращению недопустимо длинных сроков его проведения и по пересмотру прокурорско-следственного аппарата в важнейших районах Западносибирского края.

Устранить волокиту в органах прокуратуры УССР

5. Просить Прокуратуру СССР ускорить приток протестов по делам нарсуда Прокопьевского района, связанным с обеспечением техники безопасности и обязать председателя I коллегии Верхсуда закончить рассмотрение этих дел в Верхсуде в течение месячного срока.

Приветствие совещания работников прокуратуры Московской области т. Акулову и т. Вышинскому

Совещание работников прокуратуры Московской обл., состоявшееся непосредственно после совещания прокурорско-судебных работников, созванного Московским комитетом ВКП(б), шлет вам боевой большевистский привет.

Мы заверяем вас, что указания, данные на совещании МК тов. Кагановичем, являющиеся программой перестройки по-новому работы органов прокуратуры и суда, будут нами проводиться в жизнь со всей большевистской твердостью и решительностью.

Отчетливо сознавая ответственность, возложенную на прокуроров, судей и следователей директивами XVII съезда партии и указаниями т. Сталина и т. Кагановича и решениями Всесоюзного совещания прокурорско-судебных работников в борьбе за социалистическую законность, направленную своим острием на охрану социалистической собственности, — этой основы нашего социалистического строя, — мы, прокуроры и следователи, заверяем вас, что будем смело, инициативно и настойчиво бороться за дальнейшее укрепление социалистической законности, за усиление мощи пролетарской диктатуры, против классовых врагов и их агентов, против всех нарушителей закона, невзирая на лица, против расхитителей собственности, нарушителей дисциплины, разложившихся и обюрократившихся, против всякого рода оппортунистов — нарушителей государственных заданий и планов.

Мы будем твердо противопоставлять государственную точку зрения всяким местническим влияниям и решительно бороться за единообразное применение и соблюдение и по существу и по форме советских законов.

Чтобы судить за то, за что следует, судить по закону, без волокиты, судить грамотно и культурно, чтобы быть знатоками наших законов, чтобы поставить на надлежащую высоту технику и качество предварительного и судебного следствия, чтобы быть действительными помощниками партии и правительства и защитниками трудящихся в области охраны их труда и прав, чтобы твердо и уверенно бороться с пережитками капитализма в экономике и сознании людей, мы обязуемся в кратчайший срок повысить свою квалификацию и быть на высоте требований, предъявляемых сейчас советскому прокурору и следователю.

Мы даем большевистское обещание провести в жизнь директивы ЦК партии и нашего дорогого вождя и учителя т. Сталина и рулевого московских большевиков любимого т. Кагановича и поставить образцово работу прокуратуры Московской обл.

28 сентября 1934 г.

**Совещание работников прокуратуры
Московской обл.**

Зам. прокурора Союза ССР т. Вышинский обратился к наркому юстиции УССР т. Михайлику с предложением об устранении имеющихся в аппарате органов юстиции случаев волокиты и бюрократизма. В результате письма т. Вышинского народный комиссар юстиции разослал всем облпрокурорам и председателям облсудов УССР, а также всем оперативным работникам прокуратуры и Верхсуда УССР следующее распоряжение:

Посылаю вам копию предложения на мое имя зам. прокурора СССР т. Вышинского по конкретному случаю волокиты и бюрократизма, имевшего место в органах юстиции УССР.

Совершенно правильно Прокуратура Союза придала этому случаю волокиты особое значение.

Следует особо отметить, что волокита и бюрократизм по этому делу были усугублены как раз либеральным, совершенно нетерпимым отношением исполнителей в Прокуратуре Республики к тем органам юстиции, которым они давали в разное время поручения обеспечить изыскание Николаевским государственным мыловаренным заводом денег, причитающихся ему с ЭРК Одесского гарнизона, и которые эти поручения совершенно игнорировали.

8 июня с. г. за № 1140559241 Прокуратура Республики предложила одесскому областному прокурору разрешить жалобу Николаевского государственного мыловаренного завода на незаконные действия одесских органов юстиции.

1 июля это предложение было повторено в адрес одесского областного прокурора.

13 сентября с пометкой «срочно» было предложено лично уже областному прокурору т. Турину разрешить жалобу Николаевского государственного мыловаренного завода и наложить дисциплинарное взыскание на виновных в создании волокиты.

Ни на одно из этих предложений не счит нужным ответить областной прокурор, ни Прокуратура Республики, и, как это утверждает жалобщик, ни на одно обращение его в областную прокуратуру и в другие органы юстиции им также не было получено ответа.

До 28 сентября 1934 г., т. е. до получения мною прилагаемого при этом отношения зам. прокурора Союза ССР т. Вышинского областной прокуратурой Одессы, несмотря на срочное требование, не получено в Прокуратуру Республики никакого ответа, и до этого же срока (28 сентября) в силу явно недостаточного контроля самой Прокуратуры Республики и либерального, политически недопустимого отношения к делу выполнения нашей периферией поручений Прокуратуры Республики со стороны самих ответственных исполнителей Прокуратуры Республики Николаевского мыловаренный завод не имеет по существу ответа на свою жалобу.

Следует каждому моему помощнику, каждому ответственному исполнителю и каждому Прокурору НКЮ усвоить, что хотя Прокуратура Республики трижды предложила Одесскому областному прокурору разрешить по существу жалобу Николаевского мыловаренного завода и ее удовлетворить, но эти предложения ничего не стоят, если они не обеспечены контролем за их безусловным исполнением и если в случае неисполнения таких предложений невыпол-

нившие не пошали под самую жесткую меру взыскания, а дело (что самое главное) не доведено до конца.

Вот эти-то нужные условия и отсутствовали в аппарате Прокуратуры Республики при наличии безобразной волокиты по делу, допущенной Одесской областной прокуратурой.

Я уже неоднократно обращал внимание руководителей областных организаций и работников центрального аппарата (это делалось, как Вам известно, и в форме моих директив, товарищеских писем приказов с целым рядом серьезных изысканий) на случай недопустимой или возмутительной волокиты при прохождении дел и жалоб и предлагал целым рядом мероприятий обеспечить как своевременное выполнение моих предложений, так и особенно предложений Прокуратуры Союза, имея постоянный контроль за фактическим выполнением этих предложений, и, несмотря на это, по настоящему день имеют место частые случаи бюрократизма и волокиты, перерастающие, как это совершенно справедливо отмечает зам. прокурора Союза А. Я. Вышинский, в нетерпимые политические явления.

Я считаю необходимым привести лишь два наиболее характерных случая, где допущена безобразная волокита в исполнении поручений как Прокуратуры Республики, так и Прокуратуры Союза:

1. Еще 26 сентября 1933 г. Прокуратура Союза требовала жалобу преподавателя Ярмусевича на незаконное изъятие сельсоветом дома у него (село Затишье, Фрунзовского р-на) со всеми материалами по этому делу.

Прокуратура Республики не выполнила этого решения Прокуратуры Союза и вместо посылки этих материалов послала лишь сообщение в Прокуратуру Союза о своем решении по этому делу.

Лишь 21 января 1934 г. Прокуратура Республики предложила одесскому областному прокурору проверить основательно жалобу Ярмусевича, и в случае подтверждения обстоятельств, приводимых им в жалобе, обеспечить возвращение дома Ярмусевичу, причем требовался от областного прокурора ответ по существу.

Ответов никакого не последовало.

16 февраля 1934 г. Прокуратура Республики вторично написала областному прокурору с требованием ответа. Ответа не последовало.

16 марта 1934 г. Прокуратура Республики в третий раз обратилась к областному прокурору с требованием ответа. Ответа не последовало.

Наконец 11 апреля из Одессы за подписью зам. облпрокурора т. Садовского был получен ответ с указанием на то, что дом был изъят у Ярмусевича в силу того, что его отец Ярмусевич приобрел этот дом, будучи кулаком.

Лишь 11 апреля 1934 г. в Прокуратуру Союза были посланы требуемые еще 26 сентября 1933 г. материалы.

Прокурор Союза А. И. Акулов специально поручил Прокуратуре УССР опротестовать незаконное изъятие дома у Ярмусевича (получено в Прокуратуре Республики 9 мая).

Лишь 19 мая 1934 г. дается поручение одесскому областному прокурору опротестовать неверное решение об изъятии дома учителя Ярмусевича и об исполнении донести. Ответа никакого не последовало.

4 июля с. г. телеграфно было предложено одесской областной прокуратуре выполнить наше поручение. Ответа не последовало.

4 сентября с. г. было вновь телеграфно предложено одесскому прокурору и непосредственно Фрунзовскому райпрокурору выполнить наше поручение по делу учителя Ярмусевича. Ответа не последовало.

25 сентября 1934 г. в результате напоминания лично мне об этом деле, сделанном по телефону зам. прокурора СССР т. А. Я. Вышинским было послано личное распоряжение областному прокурору т. Турину с приказом немедленно телеграфно донести т. Вышинскому, в копии мне, выполнение предложения по делу Ярмусевича. Ответа не последовало.

И наконец 29 сентября 1934 г. мною была послана телеграмма непосредственно Фрунзовскому райпрокурору такого содержания: «приказываю три дня обеспечить возвращение дома Ярмусевичу сообщить выполнение т.ч. невыполнения этого поручения предам за виновных районского исполкома суду». Никакого ответа не последовало.

Сегодня моим постановлением Фрунзовский райпрокурор от должности отстранен, предложено лично областному прокурору т. Турину привлечь всех виновных в невозвращении дома к уголовной ответственности.

2. 7 мая 1934 г. было направлено Прокуратурой Союза в адрес Прокуратуры Республики заявление о злоупотреблениях в аппарате ВУКС и ВУАРНИТСО с предложением информировать Прокуратуру Союза о ходе расследования.

20 мая было предложено харьковскому областному прокурору произвести срочное расследование по поводу этого материала.

9 июля с. г. Прокуратура Союза предложила ускорить ответ по делу, и только после этого сектор по делам совкульта обратился к напоминанию харьковскому областному прокурору о необходимости выполнить предложение Прокуратуры Республики и Прокуратуры Союза и явиться с докладом по делу. Харьковская областная прокуратура не выполнила предложение Прокуратуры Республики.

19 августа с. г. Прокуратура Союза вновь требует ответа по делу ВУКС и ВУАРНИТСО, и лишь 10 сентября сектор Прокуратуры Республики повторяет это требование харьковскому областному прокурору.

Ответа от харьковской областной прокуратуры не последовало. И только после моего личного приказа областному прокурору Брону и председателю областного суда Блинову (последовавшего в результате опять-таки телефонного напоминания об этом деле, сделанного лично А. Я. Вышинским) предать суду виновных в волоките дело закончено следствием и передано в суд.

Я считаю излишним в этом письме вам приводить ряд других, безусловно не менее ярких примеров волокиты и бюрократизма при разрешении дел и жалоб.

Я требую, чтобы руководители наших органов на местах и все ответственные исполнители сделали бы наконец все необходимые выводы как из неоднократных уже указаний по вопросу бюрократизма и волокиты, сделанных в наш адрес Прокуратурой Союза, так и из моих распоряжений по этому поводу.

Я предупреждаю каждого работника центрального аппарата, областного и районного, что за подобные факты бюрократизма и волокиты буду привлечать к суровейшей ответственности, независимо от положения, занимаемого работником.

Приказываю:

Надо же наконец каждому из вас доказать в ежедневной оперативной работе, что вы в первую очередь призваны бороться с бюрократизмом и волокитой, а не создавать волокиту и бюрократизм.

Учите, что контроль над выполнением предложений Прокуратуры Союза и моих, равно и контроль за прохождением через аппарат ваш и районный дел и жалоб лежит полностью на вас и что вы лично, не передоверив его кому бы то ни было, должны его осуществлять.

Посылаемую вам копию письма на мое имя т. Вышинского и это мое письмо предлагаю довести до сведения как вашего областного аппарата, так и всей периферии.

О получении вами этого письма телеграфно донесите.

Народный комиссар юстиции и генеральный прокурор Республики

М. Михайлик

Волокита в черниговской областной прокуратуре

В Прокуратуру Союза поступила жалоба на неправильный приговор гр. Сидоренко, осужденного райсудом с. Буда Черниговской области. В своем заявлении гр. Сидоренко указывал, что неоднократные его обращения в течение года в райпрокуратуру и в течение 3 месяцев к Областному прокурору результатов не дали.

20 июня Прокуратура Союза поручила Черниговскому областному прокурору проверить правильность претензий гр. Сидоренко и представить объяснения о причинах задержки ответа гр. Сидоренко.

Несмотря на ряд напоминаний черниговский облпрокурор поручения Прокуратуры Союза не выполнил.

5 сентября Союзная прокуратура обратилась к генеральному прокурору УССР т. Михайлику с просьбой побудить черниговского облпрокурора выполнить поручение Прокуратуры Союза и наложить на виновных в волоките дисциплинарное взыскание.

В связи с этим генеральным прокурором УССР 16 сентября с. г. был издан следующий приказ:

В июне 1934 г. в Прокуратуру Союза СССР поступила жалоба на волокиту со стороны райпрокурора с. Буда и черниговского облпрокурора. В жалобе указывалось, что райпрокурор в течение более чем года, а облпрокурор в течение 3 месяцев оставляют без какого-либо ответа многочисленные заявления о просмотре в порядке надзора дела Сидоренко Сергея Федоровича, осужденного нарсудом с. Буда.

20 июня 1934 г. Прокуратура СССР просила черниговского облпрокурора проверить правильность полученных сведений в отношении райпрокурора с. Буда и представить объяснения о причинах несообщения им ответа по жалобе Сидоренко.

Не получив в течение месяца ответа, Прокуратура СССР вторично, 22 июля, предложила черниговскому облпрокурору срочно представить объяснения и сообщить результат проверки по делу Сидоренко.

Однако до сих пор Прокуратура Союза ответа от черниговского облпрокурора не получила.

1. За волокиту, допущенную черниговской облпрокуратурой по делу Сидоренко, выразившуюся в игнорировании на протяжении нескольких месяцев требований Прокуратуры Союза о сообщении результатов проверки действий с. будского райпрокурора — черниговскому облпрокурору т. Бондареву объявить **выговор**.

2. Предложить т. Бондареву в течение 3 дней проверить все производство облпрокуратуры и с. будского райпрокурора по жалобе Сидоренко затребовать от райпрокурора объяснения и вместе со своими объяснениями представить весь материал мне для разрешения вопроса об ответственности за рассмотрение жалобы Сидоренко по существу.

3. Настоящий приказ довести до сведения всей периферии.

* * *

7 августа 1934 г. (Макеевский нарсуд под председательством нарсудьи Шадорина осудил по ст. 170 п. «г» УК Ивана Федоровича Панькова к лишению свободы на 8 лет, а жену его Панькову Феклу к 5 годам лишения свободы.

Проверка этого дела установила, что осужденный Паньков — рабочий-шахтер, работает на шахте Новочайкино с 1926 года, вернувшись с работы 27 июня 1934 г. он со своей женой приблизительно в 5 часов вечера пошел на свой огород для прополки бураков. На огороде они работали до ночи и идя домой взяли с собой около 2 килограмм молодого картофеля и несколько бураков.

Паньковых встретили граждане Панистов и Оверченко, которым Паньковы показали, что они несут, сказав при этом, что картофель и бураки они накопили на своем огороде.

29 июня гр. Панистов подал инспектору Новочайкинской милиции заявление в том, что Паньков нарвал овощи на рабочих огородах и просил расследовать дело.

Несмотря на то, что своим расследованием милицией с полной ясностью было установлено, что Паньковы нарвали картофель и бураки на своем огороде, инспектор Новочайкинской милиции вынес постановление об отдаче Паньковых под суд и в тот же день взял Ивана Панькова под стражу. Постановление об отдаче под суд было утверждено начальником Новочайкинской милиции и следователем Антоненко, причем постановление о содержании под стражей Панькова санкционировал помощник Макеевского горпрокурора Перепелица.

3 июля дело было передано в суд, а 7 августа Паньковы были осуждены и согласно приговору взяты под стражу.

17 же июля облпрокуратура затребовала это дело в порядке надзора и 11 августа приговор протестовала. 15 августа облсуд вынес постановление об отмене приговора и прекращении дела за отсутствием в действиях осужденных Паньковых состава преступления.

Усматривая в действиях инспектора Новочайкинской милиции, начальника этой милиции, следователя Антоненко и помгорпрокурора Перепелицы и нарсудьи Шадорина грубое нарушение социалистической законности, что видно из абсолютно безосновательного привлечения к суду и содержания под стражей и осуждения рабочего-шахтера и его жены,—

народный комиссар юстиции и генеральный прокурор УССР т. Михайлик издал специальный приказ, в котором предложил:

1. Донецкому облпрокурору т. Кумпикевичу немедленно направить на место старшего следователя для проведения следствия по этому делу и привлечения всех вышеназванных лиц к уголовной ответственности.

2. Облпрокурору т. Кумпикевичу и председателю облсуда т. Левановскому немедленно снять с должности помпрокурора Перепелицу, нарсудью Шадорина и нарследователя Антоенко.

3. Следствие закончить в декадный срок и лично ему доложить дело.

4. Указать т. Кумпикевичу на недопустимо медленные темпы рассмотрения дел в порядке надзора в облпрокуратуре, предложив ему устранить эти ненормальности.

УЗБЕКИСТАН

Приветствие узбекистанского совещания работников юстиции

На имя т.т. Акулова, Вышинского, Винокурова, Васильева-Южина получено приветствие узбекистанского совещания работников юстиции следующего содержания:

«Руководителям союзной прокуратуры и суда борцам за охрану социалистической собственности, проводникам внедрения социалистического правосознания и укрепления диктатуры пролетариата шлет свой пламенный пролетарский привет республиканское партийное совещание работников юстиции Узбекистана.

Под знаменем социалистических побед, под руководством партии Ленина—Сталина работники юстиции Узбекистана собрались по зову нашей партии для того, чтобы под огнем жесточайшей самокритики и критики наших недостатков в работе наметить новые пути согласно указаниям партии побед за дальнейшее укрепление диктатуры пролетариата.

Без борьбы нет победы.

Наше оружие — социалистическая законность. Под этим знаменем должно пройти наше совещание.

Заверяем вас, товарищи Акулов, Винокуров Вышинский, Васильев-Южин, что стоящие перед нами задачи выполним с честью.

Наше заверение просим передать штабу социалистического строительства — ленинскому центральному комитету.

Да здравствует ЦК ВКП(б) и вожь мирового пролетариата т. Сталин!

Нарком Юстиции Ахметбеков
Прокурор Республики Кибардин
Председатель Верховного Суда Удрис».

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Постановление

Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза ССР

о дополнении постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 11 апреля 1934 г. «Об установлении подсудности военным трибуналам должностных преступлений начальствующего состава гражданского воздушного флота»

Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР постановляют:

Распространить постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза ССР от 11 апреля 1934 г. «Об установлении подсудности военным трибуналам должностных преступлений начальствующего состава гражданского воздушного флота» (СЗ 1934 г. № 20, ст. 154) на начальствующий, технический и летно-подъемный состав Управления воздушной службы Главного управления северного морского пути при СНК Союза ССР.

Председатель Центрального исполнительного комитета Союза ССР А. Червяков
Зам. председателя Совета народных комиссаров Союза ССР В. Куйбышев,
За секретаря Центрального исполнительного комитета Союза ССР А. Медведев

Москва, Кремль.
7 октября 1934 г.

ОБ УЧАСТИИ ПРОКУРАТУРЫ В ПЕРЕВЫБОРАХ СОВЕТОВ 1934 г.

С 1 ноября с. г. по всей нашей стране будут происходить перевыборы в советы и на съезды советов. Вся кампания должна быть закончена к 10 января 1935 г.

В этих перевыборах советов в настоящем году будут принимать участие свыше 90 миллионов избирателей. Уже это одно говорит о громадном значении этой массово-политической кампании, являющейся широчайшим смотрам победы социалистического строительства.

Выборы в советы — «могучее орудие организации миллионных масс рабочих, колхозников и советской интеллигенции на дальнейшую борьбу за построение социализма и укрепление советов — органа пролетарской диктатуры» (из обращения ЦИК СССР о выборах советов 1934/1935 г.).

Перевыборы советов будут проходить под знаком нового подъема борьбы за разрешение задач второй пятилетки как пятилетки построения бесклассового социалистического общества и ликвидации капиталистических элементов и классов вообще.

В острой классовой борьбе с враждебными социализму силами органы юстиции занимают одно из первых мест как органы революционной законности, являющиеся могучим орудием пролетарской диктатуры.

Кампания по перевыборам будет проходить под знаком борьбы за новые успехи в общегосударственном, хозяйственном и культурном социалистическом строительстве в СССР.

Обеспечить максимальный успех перевыборной кампании является важнейшей задачей всех органов советской власти, всех трудящихся нашей страны.

Органы прокуратуры должны немедленно и широко включиться в избирательную кампанию. Обращение ЦИК Союза ССР (СЗ № 50) указывает ряд тех задач, под знаком решения которых будет проходить эта кампания и которые должны быть учтены органами прокура-

туры как задачи их непосредственной текущей работы.

В этом обращении специально указывается на дальнейшую борьбу за охрану основы советского строя—социалистической собственности, охрана которой является главной заботой социалистической законности.

«Советы города и деревни, — говорится в обращении ЦИК Союза ССР, — проводя настойчивую борьбу за расширение и укрепление социалистической собственности, должны с особой строгостью карать расхитителей народного достояния, нарушителей советских законов, всех тех, кто выступает против советского государства и его интересов.

Советы — страж интересов трудящихся масс — обязаны строго блюсти права рабочих, колхозников и советской интеллигенции, не допуская противозаконного администрирования и внедряя в широкие массы социалистическое правосознание».

Органы прокуратуры это указание нашего правительства должны принять к своему непосредственному руководству, имея в виду, что именно по линии борьбы за революционную законность должно быть построено их участие в избирательной кампании 1934/1935 г.

Прокурорские работники обязаны во время происходящей кампании развернуть энергичную деятельность по борьбе как со всякими попытками враждебных нам элементов проникнуть в органы советской власти или помешать успешному ходу избирательной кампании и т. п., так и по недопущению каких-либо нарушений избирательного закона в отношении трудящихся.

Участие прокурорских органов в избирательной кампании должно обеспечить точное и правильное применение на местах инструкции Союзного правительства о выборах в советы.

Особое внимание прокуратура должна обратить на точное соблюдение ст.ст. 5 и 6 инструкции ЦИК Союза ССР от 27 сентября 1934 г. (СЗ 1934 г. № 50), а также разделы III и IV инструкции, говорящие о составлении списков граждан, лишенных избирательных прав, и о порядке восстановления в избирательных правах.

Ведя широкую борьбу с попытками, которые могут иметь место, применять какие бы то ни было ограничения в отношении избирательных прав, кроме ограничения права участия в выборах в советы, в отношении граждан, подавших жалобы в вышестоящие органы на неправомерное лишение их избирательных прав, впредь до окончательного рассмотрения этих жалоб органы Прокуратуры обязаны немедленно опротестовывать незаконные постановления избирательных комиссий и перевыборных собраний, обеспечивая быстрое рассмотрение их протестов и наблюдение за устранением явлений, послуживших основанием для принятия прокурорскими органами этих протестов.

Неуклонно привлекая к судебной ответственности всех нарушителей советских законов, направленных к обеспечению успешного хода избирательной кампании, нанося решительный и меткий удар по классовому врагу и его агентуре при всех их попытках помешать успешному проведению избирательной кампании, органы прокуратуры должны обеспечить такое проведение возникающих в связи с этим судебных процессов, при котором в максимальной степени были бы осуществлены задачи мобилизации к вопросам избирательной кампании и

делу социалистического строительства широких масс трудящихся.

Перевыборы в советы нынешнего года должны вместе с тем явиться смотром работы органов прокуратуры.

Непосредственно участвуя в избирательных собраниях, работники прокуратуры должны их использовать для широкой пропаганды также и задач советской юстиции в целях укрепления революционной законности и социалистического правосознания.

Кампания по перевыборам 1934 г. должна послужить новым стимулом к дальнейшему улучшению качества прокурорской работы. Мы считаем необходимым включение всех работников прокуратуры в поход имени VII съезда советов Союза ССР.

Предлагаю вам срочно дать по периферии соответствующие указания и обеспечить наблюдение за правильным и быстрым развертыванием органами прокуратуры настоящей работы.

О ваших мероприятиях сообщите Прокуратуре Союза ССР не позже декадного срока со дня получения этого письма.

Зам. прокурора Союза ССР А. Вышинский.
20 октября 1934 г. № 21.

О работе прокуратуры в связи с закупкой хлеба

Постановлением СНК СССР («Известия» от 21 сентября 1934 г.) потребительской кооперации и Заготзерну разрешено приступить к закупкам хлеба у колхозов, колхозников и единоличников, выполнивших свои обязательства перед государством (по хлебозаготовкам и по возврату ссуд), не дожидаясь выполнения этих обязательств всей областью или краем в целом.

Таким образом условия государственной закупки хлеба в текущем году существенно отличаются от условий прошлых лет.

Если в прошлом году продажа хлеба разрешалась только по специальным постановлениям правительства и после выполнения всей областью или краем обязательств перед государством, то в нынешнем году колхозы, колхозники и единоличники получили право при условии выполнения каждым данным хозяйством своих обязательств перед государством продажи хлеба независимо от выполнения обязательств всей областью или краем в целом. Однако в этих случаях хлеб может продаваться только организациям потребительской кооперации и Заготзерну по установленным ценам. Никакие организации к закупке хлеба не допускаются.

Торговля хлебом на городских и сельских базарах и ж.-д. станциях, как и в прошлом году, может производиться только по специальным постановлениям правительства после выполнения всей областью или краем плана хлебозаготовок и засылки семенных, фуражных и страховых фондов.

Органы прокуратуры должны немедленно включиться в работу по государственной закупке хлеба, решительно пресекая попытки обхода и нарушения установленного правительства порядка хлебозакупок.

В связи с тем, что при проведении хлебозакупок в истекшем году был вскрыт ряд грубых нарушений революционной законности, выражавшихся в принуждении колхозов, колхозников и единоличников к продаже хлеба, в на-

ложении штрафов за отказ от продажи и т. д., Прокуратура Союза ССР подтверждает свою директиву от 28 января 1934 г. за № 9/01513 о неуклонном привлечении к уголовной ответственности лиц, допускающих подобные нарушения революционной законности.

Вместе с тем обращается ваше внимание на необходимость решительной борьбы с бездельностью, халатным и бюрократическим отношением работников кооперации и Заготзерна к делу государственной хлебозакупки. В частности необходимо привлекать к ответственности руководителей потребительских обществ и контор Заготзерна, не обеспечивающих приемку зерна тарой и складскими помещениями, разбазаривающими получаемые для хлебозакупки товарные фонды и т. п.

Организации потребкооперации и Заготзерна, допускающие покупку хлеба у колхозов, колхозников и единоличников до выполнения ими своих обязательств перед государством, и руководители колхозов, продающие им колхозный хлеб до выполнения этих обязательств, должны привлекаться к уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР (и соотв. статьям УК других союзных республик).

К такой же ответственности должны привлекаться представители государственных, кооперативных и общественных организаций, не входящих в систему потребкооперации и Заготзерна, производящие скупку хлеба у колхозов, колхозников и единоличников.

Колхозники и единоличники, продающие свой хлеб потребкооперации и Заготзерну, хотя и по установленным ценам, но до выполнения своих обязательств перед государством, должны привлекаться к ответственности по ст. 105 УК РСФСР (и соотв. статьям УК других союзных республик).

Во всех остальных случаях покупки-продажи хлеба с нарушением установленного законом порядка торговли хлебом при привлечении виновных к ответственности следует руководствоваться постановлением оперативного совещания при прокуроре Союза ССР от 3 августа с. г. о подготовке к кампаниям по зернопоставкам.

К 1 января 1935 г. представьте в Прокуратуру Союза ССР доклад о работе, проведенной органами прокуратуры вашей республики во исполнение настоящей директивы.

Зам. прокурора Союза ССР А. Вышинский

5 сентября 1934 г.

№ 3/б.

О задачах прокуратуры в борьбе за проведение обязательной поставки мяса государству в 1935 г.

Постановлением СНК СССР от 9 сентября 1934 г. и инструкцией Народного комиссариата пищевой промышленности о порядке проведения обязательной поставки мяса государству в 1935 г. (СЗ 1934 г. № 46, ст. 362) установленные на 1934 г. порайонные нормы обязательной поставки мяса колхозами, колхозными дворами и единоличными хозяйствами сохраняются на 1935 и 1936 гг.

Предлагаю в борьбе за проведение поставок мяса государству в 1935 г. руководствоваться следующими указаниями:

1. Вся работа прокурорского аппарата во борьбе за мясопоставку должна носить систе-

матический, повседневный характер и обеспечивать своевременное выполнение квартальных заданий мясосдатчиками.

2. По каждой попытке классово враждебных элементов сорвать или затормозить выполнение планов поставки мяса органы прокуратуры должны нанести быстрый и концентрированный удар.

Нельзя допускать, чтобы классово враждебные элементы, инициаторы и организаторы срыва мясопоставок оставались непривлеченными к суду и ненаказанными. Во всех таких случаях действия этих лиц следует квалифицировать в зависимости от обстоятельств конкретного дела по ч. 3 ст. 61 или ст. 58^а УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик.

3. Органы прокуратуры должны оказывать в соответствующих случаях систематическое, активное и своевременное содействие органам НКПП, в частности при исполнении ими законных санкций к злостным несдатчикам мяса государству.

4. Необходимо иметь в виду, что немедленное по окончании квартала и беспорочное изъятие сельсоветом скота у несдатчиков мяса государству допустимо только в отношении хозяйств, имеющих какой-либо скот (телят, свиней, овец, кроликов и домашнюю птицу), кроме коровы или телки и входящих в список формы № 7-а первичного учета в сельских советах.

В отношении хозяйств, не имеющих другого скота, кроме телки или коровы, и входящих в список формы № 7-б первичного учета в сельсоветах, должны строго соблюдаться правила, изложенные в п. 36 инструкции НКПП, и изъятие в беспорочном порядке единственной телки или коровы может иметь место лишь после утверждения списков сельсоветом и через месяц после извещения об этом мясосдатчика.

5. Привлечение к судебной ответственности граждан, невыполнивших своих обязательств по сдаче мяса государству, может иметь место лишь при повторном невыполнении ими своих обязательств и после наложения денежного штрафа в размере, установленном п. 7 постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 28 августа 1933 г. и инструкцией НКПП.

В случае, если сдатчиками мяса их обязательства не выполнены и во второй срок, установленный в момент наложения первого штрафа, они штрафуются вторично и одновременно привлекаются к судебной ответственности, причем преступления их квалифицируются соответственно по чч. 2 и 3 ст. 61 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Дела по мясозаготовкам должны рассматриваться в течение 5-дневного срока.

6. При взыскании штрафов или конфискации имущества в отношении единоличников несдатчиков мяса государству следует руководствоваться постановлением ЦИК и СНК СССР от 21 сентября 1934 г. «О взыскании невыполненных в срок единоличными хозяйствами государственных обязательных натуральных поставок и денежных платежей и о конфискации имущества по суду».

7. Оказывая всемерное содействие в проведении мясопоставок, органы прокуратуры обязаны вести решительную борьбу с различными

случаями злоупотреблений работников заготовительных организаций (обвешиванием, обмериванием мясосдатчиков, несвоевременной выплатой денежных сумм за сданный скот, выдачей фиктивных квитанций на несданный скот, хищениями и т. д.).

Необходимо также пресекать всякие факты бесхозяйственности (неподготовленность к приему скота, необеспечение кормами и пр.), решительно привлекая в каждом конкретном случае виновных к уголовной ответственности в зависимости от конкретных обстоятельств дела по ст. 109 или 111 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

8. Наши указания (от 3 июня 1934 г. № 9/43) о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в даче обязательств, превышающих нормы поставок мяса, установленные правительством, а также встречных и дополнительных планов, по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, сохраняют свою силу и обязательны к исполнению.

9. Особое внимание должно быть уделено надзору за выполнением пп. 17 и 19 инструкции НКПП о своевременном вручении обязательств по мясоставкам и сплошной проверки вручения этих обязательств (до 25 октября с. г.).

10. Органы прокуратуры обязаны установить систематический надзор за своевременным и правильным рассмотрением жалоб по мясоставкам в сроки, установленные п. 39 инструкции НКПП (для риков 5 дней и для СНК республик, не имеющих областного деления, и край(обл)исполкомов — 10 дней).

11. Вокруг каждого судебного процесса по делам о мясоставках должно быть мобилизовано внимание общественности, прокуроры, как правило, должны поддерживать обвинение по этим делам лично или через своих помощников и общественных обвинителей.

12. Во всей работе по борьбе за мясоставки органы прокуратуры должны широко использовать общественный актив — сигнальные посты, группы содействия прокуратуре и установить тесную связь с полтотделами МТС и совхозов, легкой кавалерией и печатью, быстро реагируя на газетные заметки.

Ваши указания местам по мясоставкам прошу мне сообщить не позже декадного срока с момента получения нашего письма.

Зам. прокурора Союза ССР. А. Вышинский

14 октября 1934 г.

№ 19/а.

Приказ по прокуратуре Союза ССР № 296.

26 сентября 1934 г. на мое имя поступило заявление от члена Московской коллегии защитников т. Хац. В этом заявлении указывалось, что работники 11 отделения Московской милиции допустили целый ряд незаконных действий при производстве расследования по делу об убийстве рабочего з-да «Пролетарский труд» гр. Азерьера, совершенном гр. Пантюковым 28 июля этого года.

Путем целого ряда махинаций, искусственного подбора свидетелей и изъятия из дела «невыгодных показаний» работники 11 отде-

ния милиции выгородили из дела убийцу Пантюкова и товарища его Ларченко, изобразили их в качестве потерпевших от якобы хулиганского нападения покойного Азерьера и его товарищей и предали суду по ч. 2, ст. 74 УК родственника убитого — рабочего Кирилова и его товарища — рабочего Арсенова.

Доводя об этом до моего сведения, член коллегии защитников Хац сообщил, что прежде чем обращаться в Союзную прокуратуру родственники убитого — жена и сестра — дважды обращались к помпрокурору Краснопресненского района Фрейдину, которому жаловались на неправильные действия работников милиции, но жалобы их были оставлены без последствий. После этого лично Хац подал письменную жалобу помпрокурора г. Москвы т. Митилеву, который, рассмотрев эту жалобу совместно со старшим помпрокурора т. Евзериным, также оставил ее без последствий, заявив Хацу, что дело им якобы проверено и «все в порядке».

Получив указанное заявление члена коллегии защитников т. Хац, я поручил прокурору г. Москвы т. Филиппову и следователю по важнейшим делам при прокуроре Союза ССР т. Шейнину произвести по этой жалобе срочное расследование, каковым и было установлено, что факты, изложенные в жалобе Хац, действительно имели место.

В соответствии с этим работники 11 отделения милиции, производившие расследование и гр. Пантюков и Ларченко арестованы и привлекаются к судебной ответственности.

Отмечая, что со стороны работников Московской горпрокуратуры Фрейдина, Митилева и Евзериных было проявлено совершенно недопустимое, бездушно-бюрократическое отношение к жалобам родственников убитого и члена коллегии защитников Хац, что со стороны Фрейдина кроме того не было никакого наблюдения за ходом расследования этого дела, и Фрейдин механически утвердил обвинительное заключение, составленное работниками 11 отделения милиции, хотя если бы внимательно проверил это дело, то и в нем обнаружил бы целый ряд противоречий, опровергающих обвинительное заключение, **приказываю:**

Прокурору г. Москвы т. Филиппову привлечь к дисциплинарной ответственности вышеназванных работников горпрокуратуры, объявив Фрейдину строгий выговор с предупреждением, с переводом его на низшую должность;

строгий выговор с предупреждением пом. горпрокурора т. Митилеву и объявить выговор старшему помпрокурора т. Евзериному.

Члену Московской городской коллегии защитников т. Хац за проявленную им настойчивость в установлении истины по этому делу объявить благодарность от имени Прокуратуры Союза ССР и довести об этом до сведения президиума Московской коллегии защитников.

Прокурору г. Москвы т. Филиппову предлагаю лично наблюдать за ходом расследования по делу работников 11 отделения милиции Сакса и Ангурова, каковое расследование производится особой инспекцией Мосмилиции, а также обеспечить срочное окончание этого расследования и предание вышеназванных лиц суду Военного трибунала.

Зам. прокурора Союза ССР А. Вышинский.

8 октября 1934 г.

Об обязательном клеймении весов, гирь, литров, меров и других измерительных приборов.

Правительством Союза ССР 9 сентября 1934 г. издано постановление об обязательном клеймении весов, гирь, литров, меров и других измерительных приборов по списку, установленному СНК СССР.

Оставляя в силе все предыдущие указания Прокуратуры Союза ССР в связи с законом от 25 июля с. г., предлагаю принять к руководству следующие указания в отмену письма прокуратуры от 7 июля 1934 г.:

1. По всем делам, связанным с нарушением постановления правительства СССР от 9 сентября 1934 г., предварительное следствие должно производиться нарследователями. Только в отношении хранения и употребления измерительных приборов неклеяемых, с поддельными или неправильными клеймами производство дознания может быть поручено органам милиции. Предварительное следствие, как правило, не должно превышать 10 дней. Продление этого срока допускается только в исключительных случаях с санкции прокурора.

2. Нарушение монопольного права органов управления мер и весов на клеймение, т. е. самовольное клеймение измерительных приборов другими организациями и лицами квалифицировать:

а) в отношении должностных лиц по ст. 109 УК РСФСР и соответствующей статье УК союзных республик;

б) в отношении частных лиц по ст. 172 УК РСФСР и соответствующей статье УК союзных республик.

3. Квалификацию хранения и употребления измерительных приборов неклеяемых или клеймаемых в нарушение постановления правительства от 9 сентября с. г. производить на следующих основаниях:

а) употребление таких измерительных приборов в государственной и кооперативной торговле независимо от наличия корыстных моментов квалифицировать по закону от 25 июля 1934 г.;

б) хранение таких измерительных приборов в государственных и в кооперативных торговых помещениях в тех случаях, когда их употребление остается недоказанным, квалифицировать по тому же закону через ст. 19 УК РСФСР и соответствующей статьей УК союзных республик;

в) употребление таких измерительных приборов в частной торговле квалифицировать по ст. 109 УК РСФСР и соответствующей статьей союзных республик;

4. Неосуществление наблюдения за состоянием и точностью весового хозяйства со стороны лиц, указанных в п. 7 постановления правительства СССР от 9 сентября с. г., квалифицировать по ст. 111 УК РСФСР и соответствующей статьей УК союзных республик.

О принятых вами мерах сообщите в 5-дневный срок по получении этого циркуляра.

Зам. прокурора Союза ССР А. Вышинский
28 сентября 1934 г. № 15/а.

О нарушении ревзаконности в Коньшевском районе Курской обл.

1. В Коньшевском р-не Курской обл. имели место систематические грубые нарушения соци-

алистической законности со стороны работников райисполкома, милиции, сельсоветов и правлений колхозов (Харьковский, Широковский, Захарьевский и другие сельсоветы), а именно:

а) снятие с работы колхозников, работающих в порядке контрактации по ремонту железнодорожного пути, с применением к ним угроз и физического насилия;

б) незаконное наложение штрафов и отбор имущества у колхозников и единоличников как с целью воспрепятствования их работе на ж.-д. транспорте, так и просто в целях сведения личных счетов;

в) вынесение и проведение в жизнь незаконного постановления о трудовой повинности в районе;

г) преступная волокита и смазывание уголовных дел органами милиции (дело предколхоза Горбачева и др.).

2. Прокурор Коньшевского р-на Прытков не только не выявил всех этих фактов, но даже после вскрытия их в печати (газета «Гудок») не обеспечил быстрого их расследования, передачи виновных суду и быстрого рассмотрения этих дел судом.

3. Старший Помощник Курского облпрокурора т. Фукс допустил политическую недооценку фактов, вскрытых в Коньшевском р-не, и даже после специального решения Курского обкома ВКП(б) не принял необходимых мер и ограничился формальным предписанием районному прокурору:

Приказываю:

а) транспортному прокурору Западных ж. д. т. Андрееву переданное им в лисуд дело по обвинению председателя Широковского сельсовета Власова и председателя колхоза Горбачева в применении ими насилия и наложении незаконных штрафов в отношении колхозников, работающих по ремонту ж. д. пути, обеспечить рассмотрением в 10-дневный срок.

б) Предложить прокурору Курской обл. т. Заславскому немедленно лично выехать в Коньшевский р-он для срочного расследования фактов нарушения соцзаконности в районе и передачи суду виновных, в частности нач. раймилиции Быстрякова, его заместителя Шмякова, председателя Захарьевского сельсовета Уткина, председателя колхоза Бельцевского сельсовета Андросова и др.

в) Старшему помпрокурора Курской обл. т. Фуксу за формально-бюрократическое отношение к борьбе со вскрытыми печатью беззакониями в Коньшевском р-не объявить выговор.

г) Райпрокурора Коньшевского р-на т. Прыткова снять с должности райпрокурора, как не справившегося с этой работой.

д) Настоящий приказ разослать всем прокурорам союзных республик и опубликовать в газетах «Гудок», «Курская Правда» и журнале «За соцзаконность».

Зам. прокурора Союза ССР Вышинский.

16 октября 1934 г.

№ 310.

О перестройке работы прокуратуры на местах

С изданием постановлений ЦИК Союза ССР от 10 июля 1934 г. об образовании НКВД и о рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых НКВД, и, в особенности, после совещания прокурорских работников (2 августа с. г.) всем

прокурорам необходимо было перестроить свою работу в сторону непосредственного участия в судебной деятельности.

Между тем приходится констатировать, что такая перестройка идет крайне медленно, прокуроры на местах не переключились как следует на непосредственную судебную-следственную работу (руководство следствием и наблюдение за ним, выступление на суде, наблюдение за кассационной работой судов), которая у многих прокуроров продолжает оставаться на втором плане.

Произведенная на выборку Прокуратурой Союза ССР проверка работы Кинешемского райпрокурора показала, что этот прокурор почти не участвует в судебной работе, не ведет даже учета таких важнейших категорий дел, как дела по закону 7 августа и 8 декабря, а также по постановлениям правительства и партии 25 и 26 июля с. г. о борьбе с обмериванием и обвешиванием.

Кинешемский райпрокурор таким образом не взял на учет и не выделил важнейшие категории дел, указанных в директивах Прокуратуры Союза ССР, по которым он обязан непосредственно руководить работой, начиная со стадии предварительного следствия и кончая участием в судебном заседании и опротестованием в надлежащих случаях приговоров суда.

Не выполнены также в Кинешемской райпрокуратуре указания Прокуратуры Союза ССР о перестройке следственной работы. До сих пор крупные и важные дела расследуются в органах милиции, работа следователя идет самотеком, он ведет те дела, которые случайно попадают к нему.

К сожалению Кинешемский прокурор — не единичное явление. Таково же положение и в ряде других райпрокуратур. Но такое положение не может быть дальше терпимо. Прокуратура Союза ССР требует от всей прокурорской периферии и в первую голову от самих райпрокуроров немедленного завершения перестройки всей работы. Дальнейшая медлительность в этом отношении должна и будет рассматриваться как неспособность и неумение выполнять важнейшие и категорические директивы партии и правительства об организации планомерной борьбы за социалистическую законность, требующую от прокуратуры активного участия в работе суда во всех ее стадиях.

Прокуратура Союза ССР отмечает, что до настоящего времени участие прокуратуры в работе распорядительных заседаний поставлено не на должную высоту, что до сих пор мало и случайно прокуратор участвует в судебных заседаниях как первой, так особенно и кассационной, что крайне слабо развернута надзорно-судебная деятельность прокуратуры.

Предлагаю прокурорам союзных республик обеспечить в течение октября—ноября проверку работы райпрокуроров и следователей в крупнейших районах и добиться выполнения решений союзного совещания.

О намеченных мероприятиях представить информацию в Прокуратуру Союза ССР—прокурору РСФСР—к 20 октября, прокурорам УССР и БССР—к 1 ноября, прокурорам Закавказской и Среднеазиатских союзных республик—к 10 ноября.

Зам. прокурора Союза ССР **А. Вышинский**
17 октября 1934 г.

№ 20/а.

О порядке вручения обвинительных актов

Прокурорам союзных республик

Уголовно-процессуальные кодексы всех союзных республик предусматривают вручение обвиняемым копии обвинительного заключения или заменяющего его постановления о передаче суду. УПК УССР возлагает эту обязанность на следователя (ст. 217), прокурора (ст. 225) и судью (ст. 237). УПК остальных союзных республик—на нарсудью и суды по принадлежности РСФСР—ст. 235; БССР—ст. 245; УзССР—ст. 230; 242; АССР—ст. 233, 245; БССР—ст. 233, 235, 251; ТуркССР—ст. 216; УзССР и ТаджССР—ст. 91 и 93).

Значение этого правила чрезвычайно велико для правильного разрешения дела, почему УПК всех союзных республик устанавливает проверку председательствующим в судебном заседании не только факта вручения обвинительного заключения подсудимым, но и своевременности этого процессуального действия.

Между тем в практике далеко не редки случаи, когда подсудимым вручаются не копии обвинительного заключения, а произвольно сокращаемые выписки из него, иногда в объеме одного лишь голого обвинительного пункта.

Считая недопустимой эту практику, грубо нарушающую интересы правильного ведения процесса и процессуального права подсудимого, Прокуратура Союза ССР предлагает обеспечить со стороны аппарата прокуратуры:

а) наблюдение за точным выполнением судами соответствующих статей УПК о вручении обвиняемым копий обвинительных заключений и за прекращением практики вручения им выписок;

б) недопущение вручения выписок следователями и прокурорами, обязав последних во всех случаях вручать обвиняемым копии обвинительных заключений в полном тексте.

Зам. прокурора Союза ССР **А. Вышинский**
18 октября 1934 г.

№ 18/а.

О волоките в Сталинградской прокуратуре

В связи с переданной в Союзную прокуратуру из ЦК ВКП(б) жалобой гр-на Басова, члена ВКП(б) с 1925 г., работавшего последнее время Управляющим Владимирского отделения Госбанка, мною телеграммой от 1 января 1934 г. был послан запрос сталинградской краевой прокуратуре, чем задерживается движение дела по обвинению Басова в похищении из вверенного ему отделения 20 тыс. руб., по которому он арестован, и доказана ли его виновность, причем поручалось краевому прокурору при недостатке улик против Басова освободить его из-под стражи, а виновных в его аресте привлечь к ответственности.

Эта телеграмма для исполнения поступила к старшему помощнику краевого прокурора Лунины.

При исполнении оказалось, что дело Басова и других трех лиц, привлеченных по тому же делу (Попова, Струкова и Алимова), уже больше месяца лежало без движения у старшего помощника краевого прокурора Беженкова, где и было найдено Луниным.

По докладу старшего помощника краевого прокурора Лунина временно исполнявший в эти дни должность краевого прокурора Темеров подписал и направил в Союзную прокуратуру ответную телеграмму с сообщением, что виновность Басова установлена.

3 февраля мною были запрошены от краевого прокурора дополнительные сведения о положении дела, причем поручалось: если дело рассмотрено судом—выслать в Союзную прокуратуру копию приговора.

18 февраля поступил ответ за подписью и. о. краевого прокурора Агеева, где сообщалось, что дело возвращено крайсудом к рассмотрению, и что о дальнейшем ходе дела будет сообщено дополнительно.

17 марта мною вторично было предложено крайвому прокурору выслать копию приговора.

Это предложение безрезультатно подтверждалось 16 апреля, 9 июня, 8 августа и только после 4 подтверждений от 10 сентября копия приговора была выслана в Союзную прокуратуру при препроводительной за подписью помощника краевого прокурора Стрижак.

Из текста приговора выяснилось, что приговор состоялся еще 18 мая и что суд нашел обвинение Басова (как равно и Струкова и Попова) по закону 7 августа 1932 г. в хищении денег не подтвердившимся, причем Струкова полностью оправдал, Басова же и Попова признал виновными в халатности по ст. 111 УК и приговорил первого к 1½ годам лишения свободы с зачетом 6 месяцев предварительного заключения и с переводом остающегося года на и.-г. р. по месту службы, с удержанием 20% от зарплаты, а Попова — к году и т. р. с покрытием этой меры 6-месячным предварительным заключением.

Тем самым, а в дальнейшем и просмотром истребованного дела, было установлено, что Сталинградская краевая прокуратура отнеслась к запросам и поручениям Союзной прокуратуры по данному делу с недопустимой небрежностью.

В частности:

1. Несмотря на то, что телеграмма Союзной прокуратуры от 1 января обязывала краевого прокурора тщательно проверить доказанность виновности Басова в хищении и обоснованность его ареста, при недостатке же улик против Басова выявить и привлечь к ответственности виновных в его аресте, врид, краевого прокурора Темеров не счит нужным непосредственно ознакомиться с делом и без проверки подписал телеграмму, содержащую в себе, как оказалось, явно неправильную информацию по делу.

2. Старший помощник краевого прокурора Лунин, персонально подготовлявший ответ на телеграмму Союзной прокуратуры от 1 января, несмотря на конкретно поставленные в этой телеграмме вопросы о доказанности обвинения Басова и законности его ареста, отнесся к проверке обих этих вопросов формально и конечно только поэтому не нашел неправильными ни квалификацию виновности и преступления Басова, ни применение к нему предварительного ареста.

3. Исполняющий обязанности краевого прокурора Агеев допустил полную обезличку в отношении поручения Союзной прокуратуры, не выделив персонально ответственного по этому поручению работника и оставив это поручение без непосредственного четкого контроля за ходом его исполнения, в результате чего это поручение переходило из рук в руки, движение

дела затягивалось, допущенные в производстве этого дела упущения и неправильности оставались без выправления, привлеченные к делу лица продолжали сидеть под стражей, требования Союзной прокуратуры о высылке копии приговора не выполнялись.

4. Составлявший обвинительное заключение по данному делу после его доследования старший помощник краевого прокурора Макаруч, несмотря на запросы и поручения Союзной прокуратуры, отнесся к составлению заключения явно небрежно, оставив необоснованную данными дела квалификацию преступлений Басова и др. по закону 7 августа 1932 г. и продержав у себя дело продолжительное время.

Находя совершенно нетерпимым такое отношение Сталинградской краевой прокуратуры к поручениям Союзной прокуратуры:

а) и. о. краевого прокурора Агееву за допуск обезлички исполнения поручения Союзной прокуратуры и за неустановление непосредственной проверки хода исполнения этого поручения **объявляю выговор;**

б) старшему помощнику краевого прокурора Лунину за небрежный просмотр дела, неправильную по нему информацию в докладе врид, краевого прокурора Темерову и в телеграмме в Союзную прокуратуру, а также за принятие своевременно мер к выправлению квалификации преступления привлеченных к делу лиц и к отмене предварительного ареста **объявляю выговор;**

в) старшим помощникам краевого прокурора Беженкову (ныне в саратовской крайпрокуратуре) и Макаручу, **первому**—за задержку у себя этого дела без всякого движения в течение месяца, а **второму**—за задержку и небрежное, без исправления квалификации, составление обвинительного заключения по данному делу—**объявляю выговор;**

г) старшему помощнику краевого прокурора Темерову ставлю на вид подписанное предложенного Лунина ответа на телеграмму Союзной прокуратуры от 1 января без непосредственной проверки по материалам дела содержащейся в этом ответе информации, оказавшейся явно неправильной.

Зам. прокурора Союза ССР А. Вышинский

20 октября 1934 г

№ 316.

Об обязательном юрминимуме для следователей и прокуроров

§ 1.

С 1 октября 1934 г. вводится публикуемый в приложении юридический минимум для следователей и прокуроров, подлежащий обязательной сдаче в течение 6 месяцев по 1 апреля 1935 г.

§ 2.

Прокурорам союзных республик предоставляется права вносить отдельные изменения в юрминимум, применительно к местным условиям.

§ 3.

Для приема зачета по юридическому минимуму образовывать в каждой области (крае) Зачетную комиссию под председательством областного (краевого) прокурора, работника про-

куратуры и представителя Института совправа (там, где они имеются) или представителя юридических курсов.

Для военных, железнодорожных и водных прокуратур Зачетные комиссии образуются общие по согласованию с край (обл.) прокурором или отдельно по приказу соответствующего прокурора (окр. прокурора, бассейна) с обязательным присутствием представителя Института совправа или юридических курсов.

Образованной Комиссии организовать прием подготовленных к зачету предметов как в области, так и на местах.

§ 4.

Ответственность за проведение юрминимума возлагается на местах на краевого (областного) прокурора, Водного, Тр. ж. д. и Бас. прокурора, который обязан организовать периодическую консультацию по юрминимуму и специальные занятия по прохождению его в групповом порядке, используя для этого существующую сеть институтов совправа и юридических курсов.

В связи с этим обратиться в наркоматы юстиции союзных республик с просьбой возложить на подведомственные им правовые учреждения (институты совправа, заочные институты, высшие юридические курсы, краевые (обл.) краткосрочные курсы) организацию периодической консультации по юрминимуму и специальных зачетов для прохождения его в групповом порядке.

§ 5.

Обязать помпрокурора Союза по кадрам т. Аквиса установить систематическое наблюдение за осуществлением этого приказа и обеспечить получение от прокуратур союзных республик материалов, характеризующих ход этой работы, представив прокурору Союза первый отчет по реализации юридического минимума к 15 января 1935 г. и итоговый отчет к 1 мая 1935 г.

§ 6.

С 1 апреля 1935 г. все передвижения прокурорских работников проводить, учитывая успешность сдачи ими юридического минимума.

§ 7.

В журнале «За социальность» вести страничку юридического минимума для консультации и помещения ответов на вопросы.

Зам. прокурора Союза ССР А. Вышинский
1 октября 1934 г.
№ 287.

Юридический минимум

I. СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

1. Марксо-ленинское учение о государстве и его происхождении. Государство как орудие в руках господствующего класса для подавления других классов. Буржуазное государство. Фашизм как открытая форма диктатуры буржуазии. Пролетарское государство как особый тип государства переходного периода от капитализма к коммунизму. Три стороны пролетарской диктатуры. Всемерное укрепление пролетарской диктатуры, как основная задача на настоящем этапе.

2. Советы, как государственная форма диктатуры пролетариата. Советская конституция.

Классовый характер советской конституции. Основные принципы советского избирательного права. Структура органов советской власти. Верховные органы СССР и союзных республик. Краевые (областные) советы. Взаимоотношения этих органов. Перестройка государственного аппарата в связи с решениями XVII съезда партии. Районное звено органов юстиции и его роль.

3. Марксистско-ленинское понимание законности. Революционная роль закона на разных этапах диктатуры пролетариата. Значение социалистической законности на настоящем этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин, Государство и революция. Соб. соч., т. XXI.

2. Ленин, Лекция о государстве II из т. XXIV.

3. Сталин, Вопросы ленинизма, с. 28—36, 191—237.

4. Ленин, О «двойном» подчинении и законности, т. XXVII, с. 298.

5. Сталин, Итоги I пятилетки, разд. VII, с. 44—48.

6. Сталин, Доклад на XVII съезде.

7. Кнганович, Доклад на XVII съезде.

8. Сталин, О национальном вопросе, с. 95—110 (доклад об образовании Союза ССР 1922 г.).

9. Конституция СССР в союзных республиках.

10. Положения о советах и исполкомах.

11. Инструкция о перевыборах советов 1934 г.
12) Законодательство об обязательных постановлениях и адм. взысканиях.

13. Акулов, Доклад о Всесоюзном совещании работников юстиции.

14. Вышинский, Доклад на Всесоюзном совещании работников юстиции.

15. Вышинский, Соцстроительство, социальность и задачи советской юстиции.

16. Вышинский об укреплении революционной законности в период социализма «Большевик» 1934, № 8 стр. 25.

II. СУДОУСТРОЙСТВО (30 час.).

1. Суд как орган власти господствующего класса. Советский суд и его задачи. Программа ВКП(б) о суде. Принцип поголовного участия трудящихся в работе суда. Выборность суда. Связь суда с общественностью. Действующая судебная система.

2. Народный суд как основная ячейка единой советской судебной системы. Компетенции народного суда. Руководство деятельностью общественных судов. Народные судьи и народные заседатели. Порядок их избрания. Их права и обязанности.

3. Областной (краевой) суд, его организация, структура и компетенция. Краевой суд как орган судебного надзора и контроля за деятельностью нарсудов. Порядок избрания членов областных судов. Нарзаседатели в областном суде. Главные суды автономных республик. НКЮ автономных республик.

4. Верховные суды союзных республик. Их роль как органа верховного контроля за деятельностью судов. Верховный суд в качестве суда первой инстанции. Верховный суд в качестве кассационной и надзорной инстанции. Порядок назначения и отзыва членов Верховного суда. Нарзаседатели в Верховном суде.

5. Верховный Суд Союза ССР. Функции. Структура Верховного Суда Союза. Линейные, транспортные суды. Военные трибуналы.

6. Общественные суды. Производственные товарищеские суды на предприятиях и в учреждениях. Их организация и компетенция. Сельские общественные суды. Товарищеские суды при жактах.

7. Прокуратура как орган охраны социалистической законности и общественной собственности. Единство и централизация прокуратуры. Прокуратура Союза и союзных республик. Прокуратура военная и транспортная. Борьба прокуратуры за выполнение директив партии и правительства. Организация прокуратуры в центре и на местах. Общественный актив прокуратуры, группы содействия прокуратуре.

8. Следственный аппарат. Следователи, органы НКВД, милиция, специальные инспекции. Права и обязанности следователей. Защита, ее организация и задачи в системе советской юстиции.

9. Наркомюст как орган центрального управления и руководства всей деятельностью органов юстиции советских республик. Структура НКЮ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа ВКП(б), разд. о суде.
2. Основы судостроительства СССР и союзных республик.
3. Положение о судостроительстве РСФСР.
4. Положение о Верховном Суде СССР.
5. Положение о Прокуратуре СССР.
6. Вышинский и Удревич, Учебник уголовного процесса, вып. I.
7. Вышинский, Марксо-ленинское учение о суде и советская судебная система.
8. Крыленко, Ленин о суде, с. 81—99.

III. УГОЛОВНАЯ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВАЯ ПОЛИТИКА

1. Основы советской уголовной политики. Основные черты действующих УК союзных республик.

2. Марксо-ленинское понимание преступления. Буржуазное формальное определение преступления. Определение, даваемое УК РСФСР (ст. 6). Принципиальное значение ст.ст. 6, 8 и 16 УК. Приготовление, покушение и соучастие в совершении преступлений. Недоносительство и укрывательство.

3. Умысел и неосторожность и их значение в советском праве. Значение невменяемости в советском праве. Постановления уголовного кодекса о несовершеннолетних правонарушителях. Необходимая оборона. Давность.

4. Советская уголовная репрессия как одна из форм классовой борьбы пролетариата, организованного в государство. Единство уголовной и исправительно-трудовой политики.

5. Система уголовных наказаний. Меры уголовного наказания основные и дополнительные. Расстрел. Объявление врагом трудящихся и изгнание; лишение свободы и виды его, ссылка, исправтрудработы, конфискация. Поражение прав, общественное порицание и другие наказания. Условное осуждение.

6. Основные начала применения наказаний. Указание т. Сталина о роли репрессии в социалистическом наступлении. Недопустимость массовых репрессий. Значение директивы 8 мая 1933 г.

7. Определение конкретного наказания. Значение особенной части. Учет отягчающих и смягчающих обстоятельств. Понятия рецидива. Значение ст. 55 УК РСФСР (снятие судимости). Определение наказания при совокупности преступлений. Поглашение приговоров. Зачет предварительного заключения.

8. Особенная часть УК. Государственные преступления. Измена родине. Вредительство. Терракты. Контрреволюционная агитация и пропаганда. Закон 7/VIII 1932 г. и его применение. Борьба с спекуляцией и закон 22/VIII 1932 г. Особо опасные преступления против порядка управления.

9. Иные преступления против порядка управления. Преступления, связанные с проведением хозяйкампаний, хулиганство и др. преступления.

10. Хозяйственные и должностные преступления. Закон 8/XII 1933 г. о повышении ответственности за выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции. Закон 25 июля 1934 г. о борьбе с обмериванием и обвешиванием покупателя.

11. Преступления против личности. Имущественные преступления. Преступления воинские и против обороны СССР. Преступления составляющие пережитки родового быта.

12. ИТК и его основы. Исправительно-трудовые учреждения, их организация и виды. Основные формы исправительно-трудового воздействия. Труд, политиковоспитательная работа, режим в ИТУ. Участие суда и проведение исправтрудполитики. Прокурорский надзор за исправтрудучреждениями. Вопросы условно-досрочного освобождения. Наблюдательные комиссии, их структура, функции, прокурорский надзор за их работой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постышев, Основные задачи советской юстиции на современном этапе.

2. Крыленко, Ленин о суде, с. 99—157.

3. Эстрин, Уголовное право СССР и РСФСР. Изд. 3, 1931 г.

4. «Советская уголовная репрессия» (сборн. ИССП. Комакадемии) изд. 1932 г.

5. Карницкий, Рогинский, Строгович Уголовный кодекс. Практический комментарий 1934 г.

6. Закон о защите родины от 8/VI 1934 г. СЮ 1934 г. № 17.

7. Доклады тт. Акулова, Винокурова, Вышинского, Крыленко на Всесоюзном совещании и резолюции. За Соц. законность 1934 г. № 5, 6; 1934 г. № 13.

8. Закон 7 августа 1932 г.

Закон 8 декабря 1933 г.

Закон 25 июля 1934 г. («СЮ» 1934 г. № 21). Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, 1933 г.

IV. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

1. Основные принципы советского уголовного процесса. Значение процессуальных форм в работе суда, прокуратуры и следствия. Недопустимость процессуального упрощения и задача поднятия качества процесса.

2. Доказательства, их виды и значение. Показания обвиняемого. Сознание обвиняемого и его доказательственное значение. Значение оговора. Оценка показаний свидетелей. Значение экспертизы.

3. Основные стадии уголовного процесса:

а) Возбуждение уголовного дела. Органы, возбуждающие уголовное дело, их права, обязанности и порядок деятельности. Поводы для возбуждения уголовного дела. Роль общественности и печати в этой стадии процесса.

б) Предварительное расследование. Органы, производящие предварительное расследование. Нарследователи. Органы НКВД. Роль общественности в стадии предварительного расследования.

в) Борьба за высокое качество предварительного расследования. Полнота и всесторонность, быстрота и гибкость расследования. Недопустимость обвинительного уклона. Роль прокуратуры по надзору за предварительным расследованием и руководством им.

г) Основные этапы предварительного расследования. Обвиняемый и потерпевший, их права и обязанности. Предъявление обвинения. Постановление о привлечении к уголовной ответственности. Допрос обвиняемого. Меры пресечения.

д) Окончание предварительного расследования. Предъявление обвиняемому следственного производства. Вопрос о дополнительном расследовании. Обвинительное заключение, его составные части. Приостановление и прекращение дела.

е) Подсудность предметная (по характеру преступления), нарсуду, обл(край)суду, Верхсуду РСФСР и Верхсуду СССР. Подсудность дел о государственных преступлениях. Подсудность территориальная (по месту совершения преступления).

ж) Предание суду. Распорядительные заседания и подготовительные к суду действия. Судебное заседание. Председатель и его роль в суде. Роль нарзаседателей. Стороны в процессе. Роль и задачи гособвинителя. Порядок судебного рассмотрения дела. Неявка обвиняемого, сторон свидетелей. Заочное рассмотрение и его условия. Допрос обвиняемого и свидетелей. Изменение первоначального обвинения и привлечение новых лиц в качестве обвиняемых. Прения сторон. Последнее слово обвиняемого.

з) Вынесение приговора. Порядок обсуждения приговора. Постановление приговора. Формулировка приговора. Составные части приговора. Виды приговоров. Вступление приговора в законную силу. Обжалование приговора. Судебный надзор.

и) Исполнение приговора. Роль суда в исполнении приговора. Отсрочка исполнения приговора. Условно-досрочное освобождение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крыленко, Ленин о суде, с. 219—239.
2. УПК РСФСР.
3. Директивы Прокуратуры СССР от 2/VI 1934 г. № 19/67—«За соц. закон.» № 7, с. 39 и РСФСР от 17/VI 1934 г. № 78 о порядке привлечения к ответственности хозяйственников.
4. Доклад т. Вышинского на I всесоюзном совещании работников юстиции.
5. Вышинский и Ундревич, Учебник уголовного процесса.
6. Строгович, Учебник уголовного процесса.

V. РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. РАЗВЕРНУТАЯ ПРОГРАММА ДЛЯ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

1. Органы расследования. Участие рабочей и колхозной общественности (группы содействия, сигнальные посты, секция ревзаконности). План расследования. Недопустимость одностороннего и предвзятого отношения к расследованию.

2. Значение научно-технических методов расследования. Роль фотографии. Судебная химия и ее значение. Исследование состава кровяных и семенных пятен. Исследование ядов и зажигательных составов. Дактилоскопия и ее значение.

3. Следы ног и пальцев. Следы орудий злома и зажигательных приборов. Определение характера выстрела. Следы на теле и платье задержанного. Сохранение следов преступления.

4. Розыск преступника. Установление личности. Способы установления личности. Обыски личные, в помещении, местности. Протоколы обыска и приобщения вещественных доказательств.

5. Письменные документы и их отличие от вещественных доказательств. Истребование, обыск и выемка документов.

6. Следы подлога и способы проверки подлинности документов. Экспертиза документов.

7. Выбор свидетелей и их допрос. Протокол допроса. Показание обвиняемого и его значение. Признание и оговор. Виды экспертизы. Судебно-медицинская экспертиза, психиатрическая экспертиза, техническая и агрономическая экспертиза, хозяйственная экспертиза, бухгалтерская, фотографическая и дактилоскопическая экспертиза.

8. Расследование отдельных видов преступлений. Расследование государственных преступлений, хищений, должностных и хозяйственных преступлений, убийств, поджога, изнасилования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вышинский, За качество.
2. Основные вопросы методики расследования уголовных дел (вып. 1 и 2 методических писем Прокуратуры РСФСР).
3. Громов, Вещественные улики и научно-уголовная техника.
4. Голуцкий и Рогинский, Техника и методика расследования (письма для студентов-заочников институтов совправа).
5. Лаговнер и Строгович, Народный следователь.

VI. ОСНОВЫ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО, КОЛХОЗНОГО И ТРУДОВОГО ПРАВА

1. Основные принципы советского хозяйственного права. Виды гражданских правовых отношений.

Защита общественной собственности по гражданским делам. Значение договоров. Основы хозяйственно-расчетной и финансовой дисциплины и роль народных судов в разрешении гражданских дел. Практика алиментных дел. Жилищное право, нормы оплаты жилищлощадки, поводы к выселению, споры в суде о праве на помещение.

2. Основные принципы земельного колхозного права как орудия пролетарской диктатуры в борьбе за социалистическую переделку сельского хозяйства. Национализация земли. Борьба с ее нарушениями.

Советские хозяйства и их отличие от колхозов. Организация труда и работы в совхозах. Хозрасчет в совхозах.

МТС и их роль в социалистическом строительстве. Структура МТС. Взаимоотношения МТС с колхозами. Типовой договор.

Колхозы как социалистические по типу хозяйства. Состав и порядок образования колхозов. Организация труда, снабжения и распределения в колхозах. Защита имущественных прав колхозов по гражданским делам.

Едиличные хозяйства. Обязательства едиличников перед государством.

3. Основные принципы советского трудового права. Коллективный договор как двухстороннее обязательство. Порядок заключения и содержание колдоговора.

Трудовые конфликты, РКК, ее права и обязанности. Особые сессии нарсуда по производственным делам и их организация.

Порядок обжалования по трудовым делам. Роль прокуратуры в области охраны труда.

Основные правила о труде женщин и молодежи. Охрана материнства. Надзор за соблюдением правил охраны труда и техники безопасности. Инспекция труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сталин, К вопросам аграрной политики в СССР.

2. Гражданский кодекс.

3. Типовой устав с.-х. колоний.

4. Постановления ЦК и СНК от 2 и 18 августа 1933 г. о колхозных фондах.

5. Типовой договор МТС с колхозами.

6. Законодательство о земельных комиссиях.

7. Положение о Государственном арбитраже.

8. Войтинский, К XV-летию советского трудового права. Сов. гос. № 9—10, 11—12 за 1932 год.

9. Кодекс законов о труде.

10. Кодекс законов о семье, браке и опеке.

11. Жилищные законы.

СООБЩЕНИЕ

От Верховсуда и Прокуратуры Союза

В инспективном письме с судебном приговоре, разосланном на места Верховсудом и Прокуратурой Союза, в издании «Советского законодательства», приведен ряд ссылок (стр. 8—9) на неправильные приговора, вынесенные некоторыми народными судами РСФСР, без указания на то, что приговора эти взяты из кассационного производства Верховсуда РСФСР, которым были вынесены частные определения по этим делам и сделаны соответствующие указания. Например, по делу Кочеткова (№ 2604?) в

частном определении Верховсуда РСФСР было указано: «Указать суду на недопустимо небрежное отношение к делу, в частности и потому, что по обвинительному заключению привлечен Кочетков Николай Васильевич, а на суде его не было и из протокола судебного заседания не видно, куда он девался».

Соответствующие исправления будут внесены в дополнительный тираж, выпускаемый издательством «Советское законодательство» для продажи

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство
Советское законодательство.

Ответств. редактор И. А. Акулов

Адрес изд-ва: Москва, Красная пл., здание ЦИК,
пом. 28

Редакция: А. Я. Вышинский (зам. отв. редактора), Р. П. Катанян, О. Н. Орловский, С. С. Пиллявский, Г. К. Рогинский, Г. М. Сегал, В. В. Сорокин.

Сдано в производство 25/X; подписано к печати 20/XI—1934 г.; 3¹/₂ печ л. 6,75 авт. л. в одном бум. листе 232128 зн.; формат бум. 72×105. С—04 п; № 619. Технич. редактор К. Янушевич

Уполном. Главлита Б—90616

Заказ 1600

Тираж 5000

15 тип. треста «Полиграфнига». М. Дмитровка, 18.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1935 г. НА ЖУРНАЛЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ ГОСАРБИТРАЖА при СНК СССР

ОРГАН ГОСАРБИТРАЖА ПРИ СОВНАРКОМЕ СССР

БЮЛЛЕТЕНЬ освещает вопросы договорной практики, плановой дисциплины и хозяйсчета. Помещает решения государственных и ведомственных арбитражей. Печатает законодательные и директивные материалы, касающиеся деятельности арбитража.

БЮЛЛЕТЕНЬ рассчитан на работников государственного и ведомственного арбитража, на работников хозяйственных учреждений и юристов-консультантов госпредприятий и организаций.

год издания 4-й

Ответственный редактор И. Н. ГАМБУРГ

Подписная цена: на 12 мес.—18 руб., на 6 мес.—9 руб., 3 мес.—4 р. 50 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 75 коп.

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ

ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА ССР

ЖУРНАЛ освещает политику партии и правительства в деле укрепления социалистической законности и охраны общественной собственности по Союзу ССР от всяких посягательств со стороны противообщественных элементов. В журнале будут помещаться руководящие статьи и официальный материал по вопросам, входящим в круг ведения Прокуратуры Союза ССР, циркуляры и распоряжения Прокуратуры Союза, а также будет освещаться опыт прокурорской работы на местах.

Ответственный редактор И. А. АКУЛОВ.

ГОД ИЗДАНИЯ 2-й

Подписная цена: на 12 мес.—12 руб., на 6 мес.—6 руб.,
3 мес.—3 руб.

Цена отдельного номера 1 руб.

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: отделениями, магазинами, kiosками,
уполномоченными КОГИЗа и во всех почтовых пунктах СССР

Цена 1 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1935 г. НА ЖУРНАЛЫ

СОВЕТСКАЯ ЮСТИЦИЯ

ОРГАН НАРКОМУСТА РСФСР

ЖУРНАЛ освещает политику партии и правительства по укреплению социалистической законности по вопросам работы органов юстиции и общественного актива их. Печатает: материалы о новом в деятельности НКЮ—и судебную практику.

Ответственный редактор Ф. М. НАХИМСОН.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. — 18 руб. 80 коп
" 6 " — 8 " 90 "
" 3 " — 4 " 80 "

Цена отдельного номера 55 коп.

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Год издания 14-й

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

ОРГАН ИНСТИТУТА СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРАВА КОМАКАДЕМИИ

Редакция: Я. БЕРМАН, В. КОМАРОВ, Е. П. ШУКАЛИС.

Ответственный редактор Е. ПАШУКАЛИС.

ЖУРНАЛ освещает проблемы марксо-ленинского учения о государстве и праве, его применения в революционной борьбе мирового пролетариата и прежде всего в практике первого в мире государства пролетарской диктатуры.

Задачей журнала является разработка проблем: укрепления диктатуры пролетариата, советского строительства и права, улучшения госаппарата, борьбы за революционную законность критики теории и практики буржуазных государств, теоретического обобщения практики советской работы, разоблачения всяких извращений марксо-ленинской теории государства и права.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА Общая теория права и государства. Советское строительство. Советское право и ревзаконность. Буржуазное государство и фашизм. Международные отношения и право. История советского строительства и права. Заметки и обобщения. Советское строительство в цифрах. Работа ин-тов. Отдел консультации, Отдел критики и библиографии: обзоры, рецензии и библиография.

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес.—24 руб., на 6 мес.—12 руб.

Цена отдельного номера 4 руб.

Год издания 9-й.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: отделениями, магазинами, инстанциями, уполномоченными ИОГИЗа и во всех почтовых пунктах СССР.